

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

На правах рукописи

ЕВСТАФЕЕВА Евгения Александровна

**ПРАВОСОЗНАНИЕ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ С РАЗЛИЧНЫМИ ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ**

Специальность 19.00.13 – психология развития, акмеология

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
кандидат психологических наук,
доцент
Вадим Семенович Красник

Челябинск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Теоретический анализ проблемы правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками	
1.1. Правосознание как предмет изучения в науке	15
1.2. Личностные характеристики правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы	39
1.3. Личностная беспомощность и самостоятельность как интегративные личностные характеристики	50
Глава 2. Организация и методы исследования правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками	
2.1. Организация исследования	67
2.2. Методы исследования и их интерпретация	72
2.3. Методы статистической обработки результатов	86
Глава 3. Исследование правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками	
3.1. Анализ результатов исследования интегративных личностных характеристик (самостоятельности и личностной беспомощности) у сотрудников УИС	90
3.2. Результаты анализа проявления беспомощности / самостоятельности в деятельности сотрудников УИС	127
3.3. Результаты исследования правосознания сотрудников УИС	130
3.4. Анализ результатов исследования правосознания сотрудников УИС с личностной беспомощностью и самостоятельностью	139
3.5. Практические рекомендации по развитию правосознания у сотрудников УИС с личностной беспомощностью	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	177
Приложение 1	196
Приложение 2	207
Приложение 3	215

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Изучение факторов препятствующих и содействующих достижению человеком вершин в профессиональной деятельности является значимым направлением в психологии в рамках акмеологического подхода. С точки зрения системно-субъектного подхода, предложенного Е.А. Сергиенко, человек рассматривается как субъект, как системообразующий фактор создания сложной многоуровневой системы психической организации, объединяющей все его индивидуальные ресурсы и особенности. В связи с этим научный интерес представляет выявление как внешних, так и внутренних условий, способствующих профессиональному росту человека, рассмотрение в динамике изменения структуры личности специалиста, а также изучение характеристики субъектности, как «основания осуществления и самоосуществления человека» (А. А. Деркач).

Особое социальное значение решение обозначенных задач имеет в сфере правоохранительной и правоприменительной деятельности. Для защиты прав и свобод гражданского общества правовой системе требуется профессионал, способный развиваться и достигать вершин в своей практике. К сожалению, официальная статистика свидетельствует о ежегодном росте преступлений и правонарушений, совершаемых сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний (УИС). Значительным остается уровень поступления жалоб на нарушения законности сотрудниками УИС (2012 г. – 2116; 2013 г. – 2018). В 2012 году 71 % преступлений совершены сотрудниками при исполнении своих служебных обязанностей (Г.А. Корниенко).

Нарушающее поведение во многом предопределяется состоянием правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы, от которого напрямую зависит качество решения ими своих должностных задач. Среди причин, влияющих на развитие правосознания, отмечается субъектность, то есть способность к организации собственной жизни, регуляции объективно существующих обстоятельств, выработке своих способов решения возникающих противоречий (К.А. Абульханова, М.И. Воловикова).

Низкий уровень субъектности, как недостаточная способность преобразовывать действительность, ставить и достигать цели, преодолевая трудности, определяется постоянными столкновениями с неподконтрольностью окружающей действительности во взаимодействии с внутренними условиями. Указанные характеристики низкого уровня субъектности являются основными в понятии личностной беспомощности (Д.А. Циринг). Субъект с личностной беспомощностью, в соответствии с особенностями этого феномена, ограничен во взаимодействии с миром, что приводит его к снижению активности и, как следствие, к недостаточному опыту самостоятельного решения правовых проблем.

Качеством, способствующим развитию правосознания сотрудников УИС, является самостоятельность как характеристика, противоположная личностной беспомощности и обуславливающая успешность в деятельности, во взаимоотношениях, в поведении. На развитие именно этого качества должны быть направлены усилия, которые приведут к формированию и укреплению правового сознания сотрудников УИС.

Степень разработанности проблемы исследования.

В акмеологическом понимании достижение вершин в профессиональной деятельности невозможно без личностно-профессионального развития, которое зависит от развития целого ряда личностных характеристик (А.А. Бодалев, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин и др.). Одной из таких интегративных характеристик является самостоятельность, признак активной и независимой личности, способной принимать решения. Соответственно противоположной характеристикой, препятствующей профессиональному росту и достижению акме, является беспомощность личности.

Несмотря на очевидную взаимосвязь беспомощности и самостоятельности, в психологии эти феномены стали рассматриваться как полярные сравнительно недавно. В зарубежной психологии традиционно исследуется феномен выученной беспомощности (М. Селигман, Л. Кейфер, К. Петерсон, С. Майер и др.), в отечественной психологии изучаются близкие беспомощности психические явления: стресс, тревожность, депрессия и др. (Н.А. Батулин, Т.Г. Бохан,

Б.А. Вяткин, В.С. Мерлин, Н.В. Тарабрина и др.), выученная беспомощность (Н.А. Батулин, И.В. Девятковская), беспомощность как отказ от поиска (В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский), личностная беспомощность (Д.А. Циринг, Е.В. Веденева, Е.В. Забелина, Ю.В. Яковлева, И.В. Пономарева). В русле концепции личностной беспомощности проведены исследования природы, структуры, психологического содержания личностной беспомощности и феномена самостоятельности (Е.В. Веденева, Е.В. Забелина, Д.А. Циринг, Ю.В. Яковлева); беспомощности в структуре интегральной индивидуальности в соотношении с коммуникативной активностью (Е.В. Забелина); формирования личностной беспомощности (И.В. Пономарева, Д.А. Циринг, С.А. Сальева).

Несмотря на то что в западной психологии изучаются личностные предпосылки беспомощности, основным предметом исследований остается феномен беспомощности как состояние (*learned helplessness*), возникающее на непредсказуемые и неподконтрольные негативные события (Л. Абрамсон, С. Майер, М. Селигман и др.). Тип личности, предрасположенный к возникновению беспомощности, остается без внимания западных исследователей. В отечественной психологии в рамках концепции личностной беспомощности дается описание системного и целостного характера беспомощности (Д.А. Циринг).

В концепции личностной беспомощности в качестве полярного феномена личностной беспомощности рассматривается самостоятельность (Д.А. Циринг, Ю.В. Яковлева). Личностная беспомощность и самостоятельность рассматриваются на одном континууме (Д.А. Циринг). Самостоятельность характеризуется высоким уровнем субъектности, а личностная беспомощность соответственно низким уровнем.

В психологии изучаются феномены, близкие по своей позитивной природе самостоятельности и противоположные по психологическому содержанию беспомощности: феномен благополучия (И.А. Джидарьян, М. Чиксентмихайи), качество жизни (М. Селигман, R. Veenhoven), удовлетворенность жизнью (Р. А. Камминс, Б. Хэди, А. Уэринг), смысл жизни (Д.А. Леонтьев), оптимизм

(Т.О. Гордеева, И.А. Джидарьян, К.С. Карвер, К. Петерсон, М. Селигман, М.Ф. Шэйер), самоэффективность (А. Бандура), самодетерминация (Э. Деси, Р. Райан), самореализация (Э.В. Галажинский, Л.А. Коростылева, И.В. Солодникова), саморегуляция (Л.Г. Дикая, В.И. Моросанова) и самостоятельность (В.Н. Мясищев, Г. Сарган, Д.А. Циринг, Ю.В. Яковлева).

Личностная беспомощность связана с низким уровнем субъектности, что послужило основанием для предположения о существовании сопряженности между личностной беспомощностью и несформированностью правосознания сотрудников УИС. В свою очередь, самостоятельность определяет высокий уровень правосознания сотрудников УИС. То есть личностная беспомощность – самостоятельность являются одними из личностных характеристик взаимосвязанных с правосознанием. Оценить значение личностных характеристик в процессе формирования правосознания достаточно сложно, поскольку их изучению посвящено небольшое количество научных работ

Правосознание является предметом изучения многих наук (философии, социологии, права): Н.А. Бердяев, А.Д. Бойков, И.А. Ильин, В.П. Казимирчук, А.Ф. Колотов, Е.А. Лукашева, А.В. Мицкевич, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.Н. Чичерин, Дж. Бентам, Г. Гегель, Ж. Гурвич, Э. Дюркгейм, Ж. Карбонье, Р. Мертон, Р. Ewick, S. S. Silbey и др. В этих исследованиях феномен правосознания изучается с позиции этики, философии и социологии права. Психологические характеристики правосознания остаются вне рамок изучения.

В отечественной психологической науке правосознание традиционно рассматривается с позиций системного подхода, в рамках которого разработано понятие правосознания (А.Р. Ратинов), изучается его структура и функции (Е.О. Голынчик, О.А. Гулевич, П.П. Баранов, А.Р. Ратинов, Л.А. Ясюкова), процесс формирования и причины неразвитости (О.А. Гулевич, Е. О. Голынчик, А.Р. Ратинов, Л.А. Ясюкова).

Исследование правосознания также связано с реализацией субъектно-деятельностного подхода к личности и ее сознанию (К.А. Абульханова,

М.И. Воловикова, А.Н. Славская и др.). В рамках данного подхода осуществляются исследования социально-культурного основания правосознания (социального мышления, социальных представлений) (К.А. Абульханова, А.Н. Славская и др.), рассматриваются вопросы нравственности в контексте правосознания (Л.И. Анцыферова, М.И. Воловикова и др.).

В юридической психологии изучаются понятие правосознания (П.П. Баранов, В.Л. Васильев, А.Р. Ратинов, В.А. Щегорцев и др.); роль правосознания в регуляции человеческого поведения (В.Г. Деев, Н.В. Дворянчиков, К.Е. Игошев, В.Ф. Пирожков, А.Р. Ратинов, А.Р. Смирнов); вопросы нравственной социализации (Д.В. Сочивко), специализированное правосознание (В.М. Асмандияров, Ю.А. Борзенко, А.А. Пивоварова и др.), обсуждается проблема деформации и личностных детерминант правосознания (П.П. Баранов, С.П. Безносков, А.А. Бондарев, Ю.А. Борзенко, А.И. Долгова, В.С. Красник, А.А. Орлова, А.Р. Ратинов и др.).

В пенитенциарной психологии проблема правосознания сотрудников УИС нашла свое отражение в работах ряда авторов (П.П. Баранов, А.А. Бондарев, О.А. Бурканова, Ю.А. Борзенко, Ю.М. Грошева, Р.А. Кузнецов, Н.Я. Соколов, В.М. Столовский и др.), в контексте нарушений законности (В.И. Белослудцев, М.Г. Дебольский, А.А. Орлова, А.В. Пищелко, И.И. Соколов и др.), профессиональной деформации (Ю.А. Борзенко, В.В. Лебедев, Л.И. Мирнова, А.И. Мокрецов, В.И. Огородников и др.).

В зарубежной психологии правосознание изучается в рамках когнитивной и поведенческой психологии: теории социальных представлений (С. Московичи), теории бихевиоризма (Б.Ф. Скиннер, Дж. Уотсон), теории ожиданий (Дж. Роттер, У. Мишель), теории социального научения (А. Бандура), принципа дифференциальной ассоциации (Р. Бюргес, Д. Крейсси, R. L. Akers, E. H. Sutherland), теории индуцированного фрустрацией противоправного поведения (Л. Берковитц), теории нонконформизма (Т. Hirschi). Правосознание изучается через правовые установки (E.S. Cohn, S.O. White, S. Sutton), намерения человека (P. Sheeran, C. Abraham), гендерные различия в прогнозировании

противоправного поведения (E.S. Cohn, K.L. Modecki), моральные рассуждения человека (A. Blasi). Существуют направления, объясняющие процесс правового развития (J.L. Tapp), в том числе с точки зрения становления морального сознания (Л. Колберг).

Проблема понятия правосознания в науке до сих пор не разрешена. Неоднозначное понимание содержания правосознания как психологического феномена, практически отсутствие инструментария для психодиагностики правосознания создают препятствия на пути его эмпирического исследования. Следует отметить, что проблема правосознания в контексте личностной беспомощности / самостоятельности вообще не рассматривалась.

Таким образом, все описанное выше позволило сформулировать гипотезы исследования.

Теоретическая гипотеза: личностная беспомощность – самостоятельность являются интегративными личностными характеристиками сотрудников уголовно-исполнительной системы, играющими важную роль в становлении правосознания, обуславливая его особенности у сотрудников.

Гипотезы эмпирического исследования

1. Под влиянием специфических условий служебной деятельности у части сотрудников УИС происходит снижение уровня субъектности, что проявляется в формировании признаков личностной беспомощности.
2. В каждом из компонентов структуры личностной беспомощности сотрудников УИС присутствуют психологические характеристики низкого уровня субъектности, которые ограничивают развитие правосознания.
3. В отличие от более высокого уровня правосознания сотрудников с признаками самостоятельности, личностная беспомощность сотрудников УИС сопряжена с низким общим уровнем правосознания.
4. Правосознание сотрудников УИС с личностной беспомощностью имеет особенности, отличающие его от правосознания сотрудников с признаками самостоятельности.

5. Сотрудники с признаками личностной беспомощности чаще допускают нарушения служебной дисциплины и имеют более низкие показатели служебной деятельности.

Цель диссертационного исследования: выявить и изучить самостоятельность и беспомощность как интегративные личностные характеристики сотрудников уголовно-исполнительной системы, и исследовать правосознание у сотрудников с данными особенностями.

Объектом диссертационного исследования являются личностные характеристики сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Предмет диссертационного исследования – роль интегративных личностных характеристик (личностной беспомощности / самостоятельности) в становлении правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы.

В соответствии с объектом, предметом, целью и гипотезами исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Исследовать интегративные личностные характеристики сотрудников УИС (самостоятельность/ личностную беспомощность) как отражающие их уровень субъектности в правовой системе.
2. Изучить уровень правосознания и выявить его особенности у сотрудников УИС с личностными характеристиками самостоятельности и беспомощности.
3. Разработать практические рекомендации, направленные на формирование правосознания у сотрудников УИС с личностной беспомощностью.

Теоретико-методологическим основанием исследования выступают общеметодологические принципы отечественной психологии: принцип развития, принцип субъекта, принцип системности. Теоретической основой исследования личностной беспомощности явились положения субъектно-деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский), и субъектной психологии В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко и др., теория выученной беспомощности (Л. Абрамсон, Дж. Гилхам, К. Двек, К. Петерсон, М. Селигман и др.), концепция личностной беспомощности Д.А. Циринг.

Теоретической основой для исследования правосознания стали положения системного подхода (Б.Ф. Ломов, О.К. Тихомиров, В.А. Барабанщиков и др.), теория функциональной структуры правосознания А.Р. Ратинова, концепция развития обыденного правосознания Л.А. Ясюковой, концепция правового развития Дж. Тапп, морального развития Ж. Пиаже, Л. Колберга.

Организация и методика исследования

Психологическое исследование включало в себя реализацию нескольких этапов: 2007–2008 гг. – изучение литературы по проблеме исследования, анализ существующих подходов к ее решению, выдвижение гипотезы, формулирование цели, определение задач исследования, выбор понятийного аппарата; 2009–2010 гг. – систематизация и обобщение теоретического и эмпирического материала по проблеме исследования, подбор психодиагностического инструментария, разработка и проведение эмпирического исследования; 2011–2013 гг. – обработка, анализ и обобщение полученных результатов, оформление диссертационной работы.

Эмпирическое исследование проводилось на базе исправительных учреждений Челябинской и Курганской областей. В исследовании приняли участие сотрудники системы исполнения наказаний, имеющие непосредственный опыт работы с осужденными. Это начальники отрядов, инспекторы, младшие инспекторы отделов охраны, безопасности, воспитательной работы, режимной службы в возрасте от 20 до 52 лет. Основным критерием для формирования генеральной совокупности являлся непосредственный опыт работы сотрудников с осужденными. Другие профессиональные аспекты работы в исследовании не рассматривались. Общее количество сотрудников, принявших участие на разных этапах исследования, – 670 человек (531 мужчин, 139 женщин).

В качестве методов исследования использовались теоретический анализ литературы и эмпирические методы (контент-анализ, экспертная оценка, психодиагностический метод: методика изучения обыденного правосознания Л.А. Ясюковой; методика «Правосознание сотрудников УИС» (Е.А. Евстафеева, В.С. Красник); методика «Уровень развития правосознания» (О.А. Гулевич);

методика профессиональных понятий (С.В. Горностаев); методика многостороннего исследования личности (Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец); методика исследования адаптивных стратегий поведения (Н.Н. Мельникова); методика исследования уровня субъективного контроля, методика изучения эмоционального отношения (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд); методика исследования мотивации достижения успеха и избегания неудач (Т. Элмерс); методика исследования умственных способностей (В.Н. Бузин, Э.Ф. Вандерлик)). Методики исследования подбирались на основе изучения теоретической и психодиагностической литературы и специфики изучаемых явлений.

В работе применялись математические методы для обработки данных: методы первичной описательной статистики, методы анализа номинативных данных, непараметрические и параметрические методы сравнения выборок, корреляционный анализ, многомерные методы анализа данных. Использовалось лицензионное программное обеспечение SPSS 12.0, позволяющее производить ввод и хранение переменных разных типов, осуществлять первичную обработку и статистический анализ данных.

Научная новизна исследования. Интегративные характеристики личности (самостоятельность и личностная беспомощность) обуславливают особенности правосознания. Правосознание сотрудников УИС с личностной беспомощностью отличается от правосознания сотрудников с признаками самостоятельности низким уровнем развития и особым содержанием структурных компонентов. Доказано, что личностная беспомощность / самостоятельность являются личностными интегративными характеристиками правосознания, что ранее в науке не рассматривалось.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования уточняют и расширяют представление об интегративных личностных характеристиках и их значении для профессиональной деятельности. Изучена структура личностной беспомощности, особенности ее содержания, проявления в

поведении и деятельности, динамика в процессе профессиональной деятельности сотрудников УИС.

В диссертационном исследовании конкретизировано понятие правосознания, выявлена его структура, особенности функционирования в различных сферах жизнедеятельности, уровень развития у сотрудников УИС.

Практическая значимость исследования: предложен обоснованный психодиагностический инструментарий для изучения личностной беспомощности как целостного качества субъекта; разработаны практические рекомендации для психологических служб пенитенциарных учреждений по развитию интегративных личностных характеристик, способствующих повышению уровня правосознания сотрудников УИС. Рекомендации внедрены в работу психологических служб исправительных учреждений Челябинской области. Разработаны программа психологической диагностики правосознания сотрудников УИС и методика психодиагностики правосознания сотрудников УИС. Полученные эмпирические данные являются основой для психологического сопровождения персонала УИС.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивались непротиворечивостью методологических положений, теоретическим анализом поставленных проблем, адекватностью методов исследования целям, задачам работы, репрезентативностью выборки, а также применением методов математической статистики для обработки полученных данных.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Интегративные личностные характеристики (самостоятельность и личностная беспомощность) содержат в себе соответственно признаки высокого и низкого уровня субъектности, что проявляется в поведении и деятельности сотрудников УИС.
2. Сотрудники УИС с признаками личностной беспомощности имеют характерные особенности правосознания на уровне когнитивного, когнитивно-

эмоционального компонента, по сравнению с сотрудниками с признаками самостоятельности.

3. Существуют различия в уровневых характеристиках правосознания сотрудников УИС. Сотрудники с личностной беспомощностью имеют более низкий уровень правосознания по сравнению с правосознанием сотрудников УИС с признаками самостоятельности.
4. У сотрудников с признаками личностной беспомощности, имеющих нарушения служебной дисциплины и без таковых, существуют различия в структурно-функциональных характеристиках правосознания (в уровне мотивации к избеганию неудач, в отношении к общественным, трудовым нормам, моральным и этическим ценностям, правилам поведения и правовому регулированию в целом).

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры психологии Факультета психологии и педагогики Челябинского государственного университета (2010 – 2013 гг.); Всероссийской научно-практической конференции «Личность в трудных жизненных ситуациях как актуальное научное направление копинг-исследований в России» (12 – 13 ноября 2009 г., г. Омск); Всероссийской научно-практической конференции «Психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов» (1 – 2 апреля 2010 г., г. Челябинск); Всероссийской научной конференции с международным участием «Коченовские чтения “Психология и право в современной России”» (14 – 16 октября 2010 г., г. Москва); на IV Сибирском психологическом форуме «Ценностные основания психологии и психология ценностей» (16 – 18 июня 2011 г., г. Томск); Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической психологии в современной России» (26 – 27 октября 2011 г., г. Челябинск); на V Съезде Российского психологического общества (14 – 18 февраля 2012, г. Москва); на III Международной научно-практической конференции «Теория и практика

управления человеческим потенциалом в новых экономических условиях» (29 марта 2013 г., г. Екатеринбург).

Результаты исследования нашли свое отражение в проектах, поддержанных грантом РГНФ (проект № 11-06-18016е), Минобрнауки России в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (госконтракт № 14.132.21.1057).

Материалы диссертации используются в учебном процессе Челябинского государственного университета при проведении занятий по дисциплинам «Консультативная психология», «Управление персоналом», «Психология личностной беспомощности» для студентов факультета психологии и педагогики.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя 11 параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения. Текст рукописи иллюстрирован таблицами и рисунками. Работа изложена на 195 страницах (без учета приложения) машинописного текста. Список литературы насчитывает 197 наименований, из них 28 – на английском языке. По материалам исследования опубликовано 21 работа, из них 8 – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Глава 1. Теоретический анализ проблемы правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками

1.1. Правосознание как предмет изучения в науке

Проблема правосознания носит комплексный, многоаспектный характер. Этим объясняется тот факт, что исследованием этого феномена, отдельно взятыми его проблемами занимаются представители многих наук: философии права, социологии, психологии.

В отечественной науке теория правосознания получила свое развитие в начале XX столетия в рамках философии права. Научные труды Н.А. Бердяева, В.М. Гессена, И.А. Ильина, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, С.В. Пахмана, И.А. Покровского, П.А. Сорокина, Е.Н. Трубецкого, Ф.В. Тарановского, С.Л. Франка, Г.Ф. Шершеневича и других ученых до сих пор остаются значимыми для современной науки.

Следует отметить учения выдающихся российских философов права П.И. Новгородцева и его последователя И.А. Ильина, которые представляют обстоятельный и глубокий философский анализ феномена правосознания в рамках теории естественного права.

В работах П.И. Новгородцева проводится анализ причин кризиса правосознания человека и общества своего времени, связанного с кризисом правового государства. Причина кризиса усматривается в преувеличении роли правового государства, которое ошибочно признается «земным богом» и идеалом нравственности [105]. Ученый предсказывает гибельный путь социальных революций, влекущих за собой деградацию общества, общественных институтов, лишение прав и свобод личности, лишение ее самобытности [91; 146, с. 216–232].

П.И. Новгородцев отмечал, что правосознание образуется в непосредственной связи права и нравственности. Мораль является категорией

постоянной для человека, в отличие от права. Проблема же права заключается в его подвижности, а порой полной противоположности идеям справедливости и противоречивости самому себе. В обществе правотворчество не должно выходить за пределы моральных критериев. Для того чтобы право и нравственность хоть сколько-нибудь находились в гармонии, необходимо первое строить на незыблемых принципах второго.

Особое значение в развитии государственности и правосознания общества, как отмечал П.И. Новгородцев, имеют самостоятельные действия и постоянный поиск новых решений самим народом. Люди должны постоянно проявлять активность в поиске новых реформ, целей и задач правового государства, освободиться от иллюзий, признаться самим себе в том, что государство без общества не в состоянии обеспечить всех благами. Он предлагает оценить подлинное значение государства, которое заключается в видении в нем института, служащего обществу и охраняющего права и свободы личности, а не удовлетворяющего надежды и несбыточные ожидания [105].

Понятие права И.А. Ильин трактует как необходимый образ духовной жизни на земле для человека, под которым понимается право человека быть независимым духом, право на жизнь и свободу, самостоятельность в поиске и осуществлении предпочтенного. Каждый человек, осознающий, что кроме него есть и другие люди в этом мире, обладает правосознанием. И.А. Ильин говорит о правосознании как о естественном праве, которое может быть в форме смутного или неосознанного чувства правоты или же перейти в форму зрелого, осознанного естественного права. Зрелое естественное право представляет собой нормальное правосознание. Нормальное правосознание – волевое, творческое, свободное состояние души, ищущее верного и справедливого права, заставляющее человека вести активную борьбу за его обретение и реализацию (И.А. Ильин). По мнению И.А. Ильина, нормальное правосознание не представляет собой только знания о праве. Оно включает в себя воспитанную волю, а затем и чувства, и воображение. Одни лишь знания о праве не гарантируют нормального правосознания [71, с. 170–192; 72].

И.А. Ильин в своих трудах выделяет факторы и условия развития правосознания, значение духовной сущности для его становления. Он говорит о том, что нельзя рассчитывать на присущее изначально человеку правосознание. Нет, его необходимо воспитывать и укреплять с самого детства. И в этом процессе правовой социализации особое значение приобретает моральное развитие человека, становление его нравственности как основы для развития правосознания (И.А. Ильин) [71; 72; 73].

Таким образом, глубокий анализ понятия правосознания дореволюционными философами права дает возможность увидеть в их работах психологический аспект изучаемого феномена. В правосознании И.А. Ильин выделяет когнитивный, эмоциональный, волевой компоненты сознательной деятельности субъекта права. В работах И.А. Ильина, П.И. Новгородцева обосновывается зависимость развития правосознания от качеств, характеризующих человека как субъекта права: активность, творческость, самостоятельность в отношении поиска, обретения права и его реализации.

Учения И.А. Ильина и П.И. Новгородцева актуальны для понимания состояния правосознания современного общества. Сложившаяся в послереволюционный период правовая система в нашей стране в основном формировала необходимое правосознание, а не правосознание – право [13; 102]. Само право может изменить правосознание частично, но не полностью, в то время как идея правосознания способна кардинально усовершенствовать и изменить право [13, с.19], поэтому сегодня ученые возвращаются к необходимости понимания правосознания как духовно и культурологически самостоятельного явления в правовой жизни общества [13, с.20; 102]. В данном контексте есть попытки определения правосознания как особой формы духовного освоения действительности, которая может быть представлена системой идей, представлений, убеждений, теорий, чувств, взглядов, складывающихся в отношении правовой действительности в процессе ее познания и осмысления (Г.Р. Ишкильдина, 2002) [74].

На Западе в рамках философии рассматривают право как совокупность предписательных ограничений для достижения идеального правового состояния и государственности (Дж. Бентам, Г. Гегель, Г. Гроций, И. Кант, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др.). Заложенные еще в XVII–XIX вв. рационалистические мировоззренческие основы правопорядка действуют поныне, определяя правосознание граждан западноевропейских стран. Хотя определение права как совокупности ограничений имеет недостатки, все же стремление Запада к такому правовому порядку, при котором каждый гражданин общества был бы в равной степени защищен законом и ответствен перед ним, указывает на благородные, гуманистические тенденции западной государственности [30].

Наряду с философским течением, проблема правосознания рассматривается в рамках социологического подхода, где решаются вопросы реализации норм права в жизни общества, расхождения между должным и сущим, общественного мнения о правовой политике государства, правовых институтах и другие социально-правовые вопросы.

В рамках социологии права отечественной науки проблема правосознания начала рассматриваться в трудах М.М. Сперанского, П.Я. Чаадаева, Б.Н. Чичерина, М.М. Ковалевского и др., чьим наиболее значимым достижением стало признание связи объективного и субъективного права, что послужило методологическим основанием для формирования современных представлений о правосознании.

Основным понятием данного подхода является общественное правосознание, которое в советской энциклопедии толкуется как совокупность взглядов, выражающих отношение социальных групп к праву, законности, правосудию [149]. Социальные аспекты общественного правосознания изучались С.С. Алексеевым, А.И. Долговой, Г.Х. Ефремовой, В.И. Каминской, А.Ф. Колотовым, В.Н. Кудрявцевым, Е.А. Лукашевой, Г.С. Остроумовым, Д.А. Потопейко, А.Р. Ратиновым, Н.Я. Соколовым, Л.И. Спиридоновым, В.А. Чефрановым, В.А. Щегорцовым и др.

Ученые включают в понятие общественного правосознания всю систему присущих конкретному обществу правовых знаний, представлений, оценок, ценностных ориентаций, традиций, привычек и т. д. Выделяют глубокое идеологическое содержание в правосознании, отмечают его как активно функционирующую форму общественного сознания, ценность которого заключается в установлении правопорядка и режима законности (Е.А. Лукашева, А.Ф. Колотов), представляют как массовое явление, где индивидуальное правосознание не существует (И.Е. Фарбер), как совокупность всех индивидуальных правовых взглядов (Г.С. Остроумов) [80; 91; 108; 148].

Н.Н. Вопленко отмечает, что все формы общественного сознания оказывают влияние на индивидуальное сознание личности, перед которой встает выбор варианта поведения. Правосознание как продукт общественного, группового и индивидуального сознания нормативно, так как его принципы, установки могут служить непосредственной основой поведения человека [43].

Следует отметить, что структура правосознания, с позиций социологического подхода, представлена довольно упрощенно. В ней выделяются два компонента: правовая идеология и правовая психология (Н.Н. Вопленко, Е.А. Лукашева, Б.В. Никитин и др.).

Правовая идеология представляет собой систему идей, теорий, взглядов о сущности, социальном назначении права, о возможностях его использования для решения социальных проблем. Основными признаками правовой идеологии являются: концептуальное осмысление и выражение коренных интересов и целей классов и социальных групп; выработка ее идеологами; целеустремленная направленность к реализации своих возможностей через различные формы сознания, чтобы стать мотивом для деятельности народа [20].

Правовая психология представляет собой второй структурный компонент правосознания, систему чувств, эмоций, настроений и переживаний, возникающих у людей под действием права по поводу правовой действительности (С.С. Алексеев, Е.А. Лукашева). Основными признаками

правовой психологии, по мнению ученых, являются: неустойчивость, спонтанный характер развития и эмоциональная насыщенность [91].

Р.С. Байниязов помимо эмоционального аспекта включает в определение правовой психологии как структурного компонента правосознания целый комплекс психических явлений: иллюзии, волю, воображение, совесть, интуицию, массовидные психологические стереотипы юридического поведения [12; 13]. Данный подход к пониманию структуры правосознания является весьма ограниченным. В действительности структура правосознания представляет собой множество взаимосвязанных сложных психологических образований, различаемых между собой только в строго определенном отношении.

В настоящее время социологический подход представлен работами, посвященными изучению проблемы становления правосознания под влиянием социокультурных факторов в историческом контексте (С.Ш. Маринова); правосознания как основы конституирования суверенности социума (А.Н. Бацунов); норм современного российского права как основ системы правовых взглядов, идей и чувств в отношении правовой действительности (З.К. Буклова); правосознания в системе детерминант социального поведения личности (И.В. Андреева) и др. [7; 17; 33; 93].

В современном словаре социологии права термин «правосознание» по содержанию не отличается от определения изучаемого феномена, даваемого психологией права. Рассматривается также как сфера сознания, отражающая правовую действительность [78]. Схожесть определений свидетельствует о размытости границ в современной науке между подходами в изучении вопросов правосознания.

На Западе довольно сложно разделить учения о праве и правовых явлениях, складывающиеся до XIX века, собственно на философский подход или социологический и психологический. Основная причина данной проблемы – это отсутствие методологии в изучении социальных, психологических аспектов права и правосознания. Известно, что изучением социальных аспектов права занимались Иеринг (XIX в.), использовавший сравнительный метод в своих

социологических исследованиях права, а также Г. Мэн, Г. де Тард, Ж. Гурвич и др.

Следует отметить положения социальной теории аномии Э. Дюркгейма, получившие развитие в работах Р. Мертона, которые актуальны для описания и анализа состояния правосознания современного российского общества.

Состояние аномии (Э. Дюркгейм) в обществе образуется в период социально-экономического, политического кризиса, когда государство перестает решать духовно-нравственные и социокультурные задачи общества, что приводит к кризису и смене социально-нормативных систем. Описывая последствия аномии для жизни общества, Э. Дюркгейм предсказывает патологии в нравственном и правовом сознании индивида и общества вследствие революционных, политических изменений государства. Состояние аномии (от фр. *anomie* – безнормность), которое Э. Дюркгейм описывает как безразличное, негативное отношение (состояние) членов общества к существующим нормам, все еще характерно для части наших граждан по причине отсутствия адекватной современному обществу крепкой, состоятельной моральной и правовой структуры [61].

Р. Мертон полагает, что негативное отношение общества к существовавшим нормам морали и существующим нормам права, отклоняющее от норм поведение само по себе явление нормальное, характеризующее защитную реакцию социального организма на вызовы внешней среды, поэтому в поиске причин аморального, противоправного поведения человека прежде всего следует обращаться к изучению внешней среды, в которой такое поведение допускается [94].

В рамках современных социологических исследований в зарубежной науке занимаются изучением правовой культуры общества, места права в повседневной жизни людей. Правосознание относится к явлениям психологической сферы и отличается от знания (незнания) права, от образа права, порождаемого воображением, так как оно сопровождается оценочными суждениями и чувством того, каким должно быть право (Ж. Карбонье) [76]. Внимание западных

юридических социологов привлекает тот факт, что закон сохраняет свою власть в обществе довольно большой промежуток времени. Причины, как полагают западные ученые, следует искать в глубоком проникновении права в обыденную жизнь общества, где авторитет закона обычно неоспорим или оспаривается главным образом посредством законных способов, поэтому для понимания значения права разрабатывается концепция правосознания. Исследователи находят признаки правосознания в наблюдениях за действиями, разговорами, в опыте активного сопротивления субъекта несправедливости по отношению к себе в юридически значимой ситуации. Предполагается, что особое значение имеют истории сопротивления, рассказанные людьми как пример силы и пределов власти закона. Правосознание рассматривается как тип отражения социальной практики и формирования социальных структур (P. Ewick, S.S. Silbey, 1998) [177].

Значимым для социологов права остается вопрос правовой социализации личности. Процесс развития правосознания происходит через интериоризацию права личностью, что является важным моментом ее социализации [76, с. 64]. Формирование правовых представлений и отношений закладывается еще в детстве и юности, тем самым объясняется отношение к праву взрослых людей (С. Kourilsky-Augeven, 1996) [185].

Несмотря на результаты философского и социологического научного направления в изучении феномена правосознания, для юридической науки проблема определения понятия правосознания до сих пор не разрешена. Она, по-видимому, складывается из понимания юристами права как догматической нормы, без учета его духовной, психологической стороны, поэтому в современной отечественной юридической науке вопрос о понятии правосознания остается открытым и поднимается в работах юристов (Р.С. Байниязов, П.П. Баранов, Н.Л. Гранат, К.Е. Игошев, В.П. Казимирчук, Д.А. Керимов, А.Ф. Колотов, Е.А. Лукашева, В.П. Малахов, О.Н. Мигущенко, А.В. Мицкевич, В.С. Нерсесянц, Д.А. Потопейко, Т.В. Синюкова и др.). Ученые поднимают вопрос культурно-исторического основания развития правосознания, но не проводят эмпирических исследований, посвященных изучению современного

состояния правосознания населения и влияния на него средовых факторов и личностных характеристик человека.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что проблема понятия правосознания в науке до сих пор не разрешена. Она имеет междисциплинарную основу, следовательно, различия в подходах к его определению.

Недостаточно изученным в науке остается психологическое содержание правосознания. В некоторых определениях отмечается психологический компонент правосознания, содержание которого представлено неоднозначно. Например, правосознание как «совокупность рациональных и психологических компонентов, которые не только отражают осознание правовой действительности, но и воздействуют на нее, формируя готовность личности к правовому поведению» [92, с.18]. Неясно, что автор включает в понятие «рациональный компонент» и почему его нельзя считать психологическим.

В юридической науке известна точка зрения о том, что в правосознании усматривается только рациональная сторона: юридические знания, идеи, взгляды (В. Келле, М. Ковальзон, А.В. Мицкевич и др.) [91, с.11–13]. При этом авторы такого подхода соглашались с наличием социально-психологической стороны правосознания, но все же подчеркивают ведущую роль рационального компонента [123]. Однако нельзя игнорировать роль психологических явлений в развитии правосознания. И.А. Ильин подчеркивал, что нормальное правосознание не гарантируется лишь знаниями о праве, а включает волю, чувства и воображение. От таких потенциально существующих в каждом человеке психологических характеристик (активность, поиск новых решений, самостоятельность) напрямую зависит качественное развитие правосознания (П. И. Новгородцев). Рассматривая в правосознании только рациональную сторону, мы не сможем понять регулятивную его функцию, которая опосредуется еще и эмоционально-волевой сферой личности (А.Р. Ратинов, Л.А. Ясюкова).

Не умаляя достоинств указанных позиций философского, социологического, юридического подходов, следует отметить, что у них существует недостаток, заключающийся в отсутствии единого методологического

основания, на котором выработывался бы надежный методический инструментарий для исследования феномена правосознания (общественного, индивидуального, обыденного, массового, профессионального).

В отечественной науке психолого-правовой подход к изучению природы права и феномена правосознания получил свое начало в работах Л.И. Петражицкого. Он был одним из первых ученых-теоретиков, чьи работы с психолого-правовым анализом правовых явлений почитали как в отечественной науке, так и в западной. Ученый указывал на важность глубокого осмысления психологии людей и ее влияния на правовые явления, в том числе на право. Он полагал, что представления о нормах права как обязательных и принудительных существуют лишь в сознании людей, поэтому право следует понимать как явление психологическое. Л.И. Петражицкий отмечал большую роль переживаний в качестве основы для правотворческой деятельности, полагая, что существуют моральные и правовые эмоции. Элементами настоящего, действительного права являются правовые эмоции [112]. Но такой подход к изучению правосознания не может быть исчерпывающим.

Наиболее обстоятельно структурно-содержательные характеристики правосознания в отечественной психологии изучены в рамках системного (Е.О. Голынчик, О.А. Гулевич, Г.Х. Ефремова, А.Р. Ратинов, Л.А. Ясюкова и др.) и субъектно-деятельностного подхода (К.А. Абульханова, М.И. Воловикова, А.Н. Славская и др.). Помимо этого в рамках указанных подходов проводятся исследования проблем, связанных по существу с правосознанием: нравственное сознание, социальное мышление, социальные представления (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, М.И. Воловикова и др.), моральное развитие (Б.С. Братусь, О.П. Николаева), нравственная социализация (Д.В. Сочивко), аттитюды по отношению к правовым объектам (О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик) и др.

Сделаем попытку проанализировать понятие «правосознание» в рамках указанных подходов.

Правосознанием принято именовать ту сферу индивидуального, группового и общественного сознания, которая отражает правовые явления (А.Р. Ратинов). Термин «правосознание» сочетает в себе два понятия: «право» и «сознание».

В рамках общей теории права понятие «право» имеет несколько значений: во-первых, право как притязание человека на какую-то общественную, естественную ценность (жизнь, свободу и др.), данное понимание права получило свое развитие в рамках теории естественного права; во-вторых, право как система формально-определенных государственно-обязательных норм, которая опирается на силу государственного принуждения. Именно это значение права используется в юридической практике [12; 116].

Право, регламентируя внешнее поведение, обязывает или запрещает его, предусматривая соответствующие правовые последствия, связанные с его выполнением или невыполнением. Между правом и реальным поведением находится посредствующее звено – сознание человека [123; 124].

Понятие сознания в психологии – это прежде всего процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя. У человека в процессе жизни, общения, обучения складывается система объективированных в слове более или менее обобщенных знаний, посредством которых он может осознавать окружающее и самого себя, опознавая явления действительности через их соотношение с этими знаниями (С.Л. Рубинштейн) [128].

Человеческое сознание складывается из специфики отражаемых объектов и сфер общественной жизни, подчиняясь общим закономерностям, которые в целом присущи и общественному сознанию. Нельзя недооценивать влияния на сознание субъекта общественного сознания. Как полагает К.А. Абульханова, эта детерминация осуществляется от общества, действует через понятия, установки, нормы, ценности, традиции, идеалы, начиная с самого детства, формируя способы поведения и мышления [1; 2; 3]. Довольно часто такая интервенция осуществляется вполне целенаправленно (идеологическое, политическое влияние через СМИ и другие источники). По мнению Л.А. Ясюковой, развитие

правосознания происходит стихийно, поэтому является частью обыденного сознания [167].

Одной из важнейших сфер общественной жизни является право. Сознание испытывает регулирующее воздействие всех явлений правовой действительности и направлено на их усвоение, образуя соответствующую форму сознания – правосознание. Сам способ познания субъектом права социален, в том смысле, что детерминирован объективной позицией субъекта в этой правовой действительности, которая имеет конкретное социально-культурное основание (К.А. Абульханова) [1]. Причем явления, имеющие правовое значение, усваиваются в сознании людей по-разному. Для одних они представляют собой сферу их актуального сознания, для других – сферу довольно далеких от осознания правовых представлений, а для иных – вообще то, чему они противостоят.

Как любая другая сфера человеческого сознания, правосознание формируется на соответствующей реальной основе, является относительно самостоятельным образованием и выполняет только ему присущие функции. Правосознание есть непосредственный проводник права в общественную деятельность. Следовательно, правомерное и отклоняющееся поведение – это результат определенной совокупности свойств и особенностей правового сознания [123].

Отличительная особенность правового сознания от других сфер сознания – правовое опосредование и переживание социальных явлений [123; 124]. Никакое нравственное, этическое или политическое сознание не может в полной мере обеспечить соответствующее правовое поведение.

Таким образом, под понятием правосознания понимается *сфера сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний и умений, оценочных отношений к праву и практике его применения, ценностных ориентаций и правовых установок, регулирующих человеческое поведение* (А.Р. Ратинов). Это источник правовой активности человека и внутренний регулятор юридически значимого поведения (А.Р. Ратинов) [123]. При этом под

общественным правосознанием понимаются правовые представления, оценочные отношения, установки, которые существенны для определенной общности людей. О групповом правосознании можно говорить в отношении тех общностей, которые возникли и существуют на основе реальных связей и отношений, когда отношения и деятельность юридически значимы (трудовые коллективы). Индивидуальное правосознание представляет собой сочетание общих черт целой эпохи, а также черты, связанные с определенной социальной группой, и черты, которые обусловлены воспитанием и личными обстоятельствами индивида [114; 123].

Схожее определение дает Д.Я. Ягофаров, который понимает под правосознанием совокупность знаний, идей, убеждений, а также чувств, эмоций, настроений, ценностных ориентаций, установок, оценок, выражающих отношение людей, социальных групп, общества в целом к действующему или желаемому праву, его ценностям, принципам и нормам, к поведению в сфере права [163; 166]. В данном определении упускается регулятивная функция правосознания в поведении человека.

В духе юридического нормативизма В.Л. Васильев рассматривает правосознание как одну из форм общественного правосознания, отражающую общественные отношения, которые регулируются нормами права, чье содержание и развитие обуславливается материальными условиями существования общества [37].

Л.А. Ясюкова рассматривает правосознание как систему представлений, которые основаны на понимании роли закона, правовых норм в регуляции взаимоотношений между членами общества, между личностью и государством, под влиянием которых формируются установки к этим нормам [167; 168].

В рамках системного подхода П.П. Баранов предлагает рассматривать правосознание как систему, обладающую целями, структурой, центром, подсистемами, противоречивостью, изменчивостью, ресурсами, окружающей средой, относительной изолированностью и обратной связью от нее, способностью самостоятельно функционировать и организовывать свою работу и,

следовательно, собственным опытом, способностью поддерживать свои параметры на необходимом уровне, а также возможностью быть измеренной [14].

В.А. Щегорцев также предлагает рассматривать правосознание как целостное состояние, под которым понимается совокупность элементов (идей, взглядов, представлений, чувств), находящихся во взаимосвязи, с элементом, занимающим ведущую позицию по отношению к остальным [162].

На Западе психологический подход к научному осмыслению правосознания отметился сравнительно недавно, во второй половине XX столетия. Проблемой правосознания, как правило, в зарубежной психологии занимаются в совокупности с изучением факторов противоправного поведения и социальных представлений общества (S. Moscovici (1987), J. Tapp, F. Levine (1977) и др.) [98; 187; 195].

Для решения проблемы противоправного поведения традиционно используются различные концепции поведенческой и когнитивной психологии. Используют теорию бихевиоризма (Б.Ф. Скиннер, Дж. Уотсон), теорию ожиданий Дж. Роттера, согласно которой будут ли осуществляться определенные противоправные действия зависит от наших ожиданий и от того, какую ценность мы придаем вероятным результатам нашего поведения (Дж. Роттер, У. Мишель). Применяется подход моделирования в процессе социального научения (А. Бандура), принцип дифференциальной ассоциации (Р. Бургес, Д. Крейсси, R.L. Akers, E.H. Sutherland), также теория индуцированного фрустрацией противоправного поведения (Л. Берковитц) [15; 169; 192]. Интересна теория нонконформизма (Т. Hirschi, 1983), согласно которой, правонарушения имеют место тогда, когда тяготение человека к нормативным стандартам ослабевает или в значительной степени отсутствует, то есть процесс правовой социализации остается незавершенным или становится деформированным [180, с.552–584].

Многие западные исследования направлены на изучение связи правовых рассуждений с правонарушающим поведением (E.S. Cohn, S.O. White, S. Sutton); намерений человека (P. Sheeran, C. Abraham); гендерных различий в прогнозировании противоправного поведения (E. S. Cohn, K. L. Modecki);

прямого и косвенного влияния моральных рассуждений на правовое поведение человека (A. Blasi) [170; 173; 174; 175; 191; 193]. Создаются интегрированные модели, рассматривающие во взаимосвязи когнитивные компоненты (правовые и моральные рассуждения) и правовые установки, оказывающие влияние на правонарушающее поведение (E. S. Cohn, D. Bucolo, C. J. Rebellon, K. Van Gundy (2010)) [176].

Таким образом, правовое поведение человека может прогнозироваться на основании его поведенческих привычек, ожиданий от правового поступка, социальных представлений, правовых и моральных рассуждений, степени тяготения к социальным нормам.

В соответствии с принципом единства сознания и деятельности, принципом системности структуру правосознания можно рассматривать по результатам его функционирования [42; 86; 129].

С психолого-правовой позиции в отечественной психологии структура правосознания представляет собой множество сложных образований. В структуре правового сознания выделяют когнитивный, эмоциональный и волевой компоненты, которые служат основанием для установления трех основных функций правового сознания: познавательной, оценочной и регулятивной (Г.К. Ефремова, А.Р. Ратинов, А.В. Ярмоленко и др.). Каждая из функций имеет свое сочетание компонентов.

Познавательная функция выражает когнитивный компонент правосознания, показателями которого в деятельности являются юридические знания и умения субъекта. Оценочная функция правосознания субъекта отражает когнитивно-эмоциональный компонент и выражается в деятельности оценочными мнениями к праву и практике его использования. Регулятивная функция, характеризуемая правовыми установками и ориентациями, отражает когнитивно-эмоционально-волевой компонент правосознания.

Следует отметить, что познавательная функция правосознания людей не выражается только приобретением юридических знаний (А.Р. Ратинов). Необходимо учитывать практический опыт использования юридических знаний

субъекта. Правовые знания и умения через правовую практику включаются в личный опыт субъекта деятельности. Затем познаваемые им правовые явления соотносятся с его потребностями, интересами, целями и, естественно, вызывают к себе определенные отношения. Значимые для личности правовые явления приобретают определенный смысл, становясь ценностью. И здесь оценочное отношение к правовым объектам познания и практической деятельности приобретает когнитивно-эмоциональную окраску. В правосознании право и его применение, соотносясь с интересами и потребностями личности, рассматриваются как некие ценности и вызывают к себе отношения. А.Р. Ратинов, выделяет четыре типа оценочных суждений: отношения к праву, правовому поведению людей, правоохранительным органам, к своему правовому поведению [123].

Опыт действия в правовой сфере является составной частью социального опыта личности, индивидуального опыта, состоящего из знания о мире и самом себе, умения пользоваться этими знаниями как способами деятельности, личностных смыслов, установок и стереотипов, определяющих эмоционально-ценностное отношение человека к миру [66; 88].

Система оценочных отношений может никогда не реализоваться в практике без необходимых пусковых механизмов активности субъекта в правовой деятельности. Роль пускового механизма в данном случае осуществляет волевой компонент сознания личности, формирующий готовность действовать определенным образом в юридически значимой ситуации. Речь идет о диспозиции личности, которая мотивирует деятельность субъекта, участвует в постановке целей [83]. Система ценностных ориентаций представляет собой совокупность правовых установок [123].

Таким образом, правовые установки и ориентации осуществляют регулятивную функцию правового сознания, стабилизирующую правовое поведение человека.

Существует также подход к определению особенностей функционирования правосознания в отдельных сферах жизнедеятельности (Л.А. Ясюкова). Автор

выделяет три относительно самостоятельные сферы функционирования правосознания: бытовую, профессионально-деловую и социально-гражданскую. Предлагаемая модель строится на представлениях об обыденном правосознании, которое включает в себя отношения не только к правовому регулированию, но и к различным менталитетам, верованиям, традициям, этическим нормам. Правосознание рассматривается как средство реализации законодательства в обществе, которое обладает неоднородным общественным сознанием, с неизбежно возникающими противоречиями [167].

Функционирование правосознания в бытовой сфере прежде всего связано с морально-этическими установками человека, которые начинают формироваться с раннего детства. Морально-этические представления складываются на основе эмоциональных оценок и образных представлений о том, что такое «хорошо», а что «плохо». Информация черпается из семейных традиций воспитания, литературных произведений, средств массовой информации и других источников. Правосознание на бытовом уровне представляет собой отношение к другим ценностям, верованиям, культурным традициям, нормам общества. Сформированное правосознание личности складывается из принятия и уважения иных морально-этических ценностей, не схожих с его собственными, и прекращает свое развитие при нетерпимости к иному образу жизни других людей, групп, общностей.

Правосознание в профессионально-деловой сфере начинает складываться при вхождении человека в профессиональную деятельность. В любой организации есть четкие предписания необходимых действий и взаимодействий сотрудников для соблюдения их прав и обязанностей. Такие предписания выражаются в должностных инструкциях, трудовых уставах, инструкциях, приказах, трудовом кодексе. Люди с развитым правосознанием в этой сфере ориентированы на объективные, единые для всех участников нормы трудового процесса, которые дают гарантию от обмана и произвола. При несформированности правосознания в деловой сфере доминирует ориентация на

личные взаимоотношения, присутствует склонность действовать в обход предписанным правилам, трудовому законодательству.

Люди с развитым правосознанием в социально-гражданской сфере осознают необходимость правового регулирования, соглашаются с обязательствами и принимают их даже вопреки собственным интересам. Несформированность проявляется в социальном инфантилизме, гражданской пассивности, беспомощности, в отсутствии самостоятельного поиска выхода из сложных ситуаций.

Функциональная модель Л.А. Ясюковой позволяет нам обнаружить степень сформированности обыденного правосознания личности в той или иной сфере жизнедеятельности. Как отмечает автор, правосознание может быть не полностью развитым во всех сферах сразу. Оно может регулировать поведение человека во всех или только в одной-двух сферах.

Л.А. Ясюкова полагает, что внутренняя структура правосознания может быть противоречива, включая рациональное и эмоциональное, поэтому изучение его психологического содержания не должно ограничиваться рамками ценностного подхода [167].

Схожую модель структуры правосознания, разработанную А.Р. Ратиновым, предлагают О.А. Гулевич и Е.О. Голынчик. Они рассматривают структуру правосознания через четыре основные области. Это аттитюды к закону, преступлениям и преступникам, наказанию и работникам профессиональных правовых институтов. Каждая из них включает в себя три компонента – когнитивный (содержательный и оценочный), аффективный (чувства по отношению к объекту восприятия), поведенческий (готовность или намерения вести себя определенным образом в правовой ситуации) [51; 52; 53].

Актуальным для современной юридической психологии остается вопрос о формировании правосознания личности. Многие ученые соглашаются с тем, что основы развития правосознания закладываются в социальном процессе – правовой социализации (О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик, А.Р. Ратинов, Л.А. Ясюкова, E.S. Cohn, J.L. Tapp, S.O. White и др.).

Процесс формирования правосознания осуществляется уже в рамках включения субъекта в основные социальные институты. Правосознание формируется в процессе взросления индивида, развития личности и субъектности (А.Р. Ратинов, Л.А. Ясюкова).

Уже с самого раннего детства ребенок приобретает первые представления о правовой жизни, и огромную роль здесь играет семья, семейные взаимоотношения, стиль воспитания ребенка [10; 97].

В процессе взросления человек, включаясь в более сложные виды деятельности, коммуникации, обогащает и развивает правовую сферу сознания. В этот период влияние на правовую социализацию оказывают социальные учреждения, в которые включена личность (школа, колледж, высшая школа, организации досуга, трудовые коллективы и др.). Как отмечают ученые, существует большая проблема в России, заключающаяся в том, что современная система образования и воспитания никак не влияет на процессы нравственного становления личности [141]. Следовательно, у ребенка не существует основы для нормального развития правосознания.

Важную роль в правовой социализации играют нормы права, органы правоохраны, досудебные правоохранительные органы, органы правовой ресоциализации, специализированные формы правовой пропаганды (А.Р. Ратинов). В процессе интериоризации нормативная система становится устойчивой от внешних воздействий, независимой, самостоятельной от давления внешних факторов [44]. В данном процессе большое значение приобретают факторы внутренней детерминации поведения. А.Р. Ратинов отмечает в качестве внешних факторов детерминации нормы, правила, санкции, которые оказывают определенное воздействие на правовое сознание личности, регулируя ее поведение, а внутренние факторы – это сформированная индивидуальная ценностно-нормативная модель личности, которая выражается в собственной правовой концепции, нормах и стандартах поведения [123].

Имеются работы, в которых рассматривается влияние на развитие правосознания таких отдельных характеристик личности, как самооценка,

тревожность, адаптированность, догматизм (О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик, Ф. Левин, Дж. Тапп). На формирование правосознания оказывает влияние самостоятельность субъекта в сфере права, в том числе в рамках правовых институтов (О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик). В ходе эмпирических исследований ученые приходят к выводу о том, что существенное место в развитии правосознания занимает ответственность за принятие новой социально-правовой роли (например, участие в работе коллегии присяжных), а также изменение рамок восприятия правовой информации и ситуации. Такой опыт принятия правовых решений приводит к развитию самостоятельности субъекта в юридически значимых ситуациях.

Существуют и другие подходы к пониманию развития правового сознания, где отмечается его связь с индивидуальными особенностями человека. Так, на основе когнитивной теории развития морального сознания Л. Колберга Дж. Тапп разработана трехуровневая концепция правового развития. Это уровни правопослушания, правоподдержания и правотворчества, на каждом из которых правовое поведение человека определяется его мотивацией. Основными мотивами послушания законам личности, находящейся на уровне правопослушания, являются потребность в избегании наказаний и подчинение авторитету власти. У субъекта не возникает сомнений в справедливости и правильности существующих законов, они принимаются им как «данные свыше» [194; 195].

Согласно теории морального развития Л. Колберга человек, находящийся на доконвенциональном уровне морального развития, в качестве морального поведения рассматривает лишь то, которое удовлетворяет баланс между наказанием и вознаграждением [9; 50; 184].

Находящийся на уровне правоподдержания человек считает, что законы необходимы для поддержания порядка в обществе. Люди, соответствующие данному уровню, следуют законам из-за своей конформности и желания оправдать ожидания окружающих. Этот уровень правового развития согласуется с конвенциональным уровнем морального развития (по Л. Колбергу), на котором

главной целью человека является соблюдение ряда правил, норм для сохранения целостности значимой малой группы (семьи, друзей) и в целом общества [9; 50].

Последний уровень правового развития – правотворчество – характеризует человека, который привержен к системе моральных норм и соотносит их с системой законов. Если законы не соответствуют моральным принципам личности, то она не подчинится закону, захочет или попытается его изменить. Наличие у субъекта третьего уровня правового развития характеризует развитое правосознание личности с полностью усвоенным кодексом законов, соответствующим его внутренним моральным принципам [194; 195]. Характеристики этого уровня соответствуют интерпретации постконвенционального уровня морального развития личности (Л. Колберг). Для человека, находящегося на этом уровне, особое значение имеет справедливость правил, решений. Он самостоятельно выбирает единственную систему моральных норм и следует ей [9; 50; 184].

В нашем обществе мы можем наблюдать принципиальное отторжение закона и желание у граждан в правовых ситуациях руководствоваться моральными принципами. Наши граждане изначально действуют в правовых ситуациях, опираясь на свою систему моральных законов, которые часто не соответствуют правовым нормам. К сожалению, одно только моральное сознание не может обеспечить законопослушного поведения. Некоторые наказуемые законом действия не всегда оцениваются как безнравственные, поэтому моральные критерии непригодны для определения меры юридической ответственности личности.

Исследования, проведенные в 1988–1992 гг. М.И. Воловиковой, О.П. Николаевой, обнаружили специфичность правового развития наших граждан в отличие от выборки западных стран. На Западе правовая социализация осуществляется через подражание принятым в обществе правовым нормам. У наших граждан наблюдается неравномерность правового развития. Правовая социализация осуществляется либо в виде послушания под страхом наказания, либо через высшие этические принципы и совесть. Продолжающиеся

исследования в 2001–2002 гг. показали отсутствие знаний о правах у наших граждан, но при этом обозначилась потребность в безопасности, свободе. Общей характеристикой и отличительной особенностью правосознания именно наших граждан, обнаруженной в результате исследования в 1998–2002 гг., является опора в решении правовых вопросов на нравственные принципы [40; 103; 104].

В концепции Л.А. Ясюковой ориентация в юридически значимых ситуациях только на моральные принципы является характеристикой низкого уровня развития правосознания – правового нигилизма [167]. Человек, находящийся на данном уровне, не признает существования правового регулирования, ориентируются только на морально-этические нормы в том виде, в котором их сам признает, что является, согласно концепции Л. Колберга и Дж. Тапп, показателем высокого развития морального сознания в случае несоблюдения закона из-за его несправедливости.

На современном этапе развития нашего общества установки на подчинение закону воспринимаются как пережитки тоталитарного прошлого. Исследования Н.А. Шматковой показывают, что в нашем обществе до сих пор доминирует «восприятие законов как аппарата репрессий, а прав личности – как полной свободы действий; отрицается юридическая ценность законов, они воспринимаются не как целесообразные принципы общественного устройства, а как произвольные предписания» [161, с.158–160]. Причины кризиса правосознания нашего общества все те же, что столетие назад.

Второй уровень развития правосознания Л.А. Ясюкова характеризует как неполноценное или противоречивое правосознание, не сформированное полностью во всех сферах. При несформированности правосознания в бытовой сфере человек непоследователен и потенциально конфликтен из-за непонимания морально-этических норм группы, невозможности принять иную систему ценностей. В социальной сфере несформированность правосознания характеризуется пассивной гражданской позицией, социальным инфантилизмом, беспомощностью, ожиданием от государства и окружающих благ и обеспечения всем необходимым. Наконец, несформированность правосознания в

профессионально-деловой сфере выражается у человека в ориентации на личные взаимоотношения в обход должностным предписаниям.

Близкую точку зрения на возможность развития неполноценного и противоречивого правосознания у человека выражал А.Р. Ратинов, когда указывал, что правосознание имеет разное содержание в гражданском, административном, трудовом, уголовном и процессуальном праве. Принимая и одобряя определенный общеправовой принцип, люди иногда отвергают его конкретное проявление в той или иной отрасли права [123].

Третий уровень развития правосознания в модели Л.А. Ясюковой характеризует в основном сформированное правосознание при возможности сохранения отрицательного отношения к правовому регулированию и существующим законам. При этом человек, достаточно конформный, ведет себя в соответствии со стереотипами поведения, в деятельности старается не нарушать закон и различные предписания, надежен в деловой сфере. Этот уровень соответствует уровню правоподдержания в концепции правового развития Дж. Тапп.

Последний, четвертый уровень характеризует полностью сформированное правосознание. Человек осознает необходимость формально-правового регулирования. Надежный человек в деловых отношениях, толерантный к иным морально-этическим ценностям, умеет налаживать контакты с различными социальными категориями, независимо от национальной или религиозной принадлежности.

Как отмечает Л.А. Ясюкова, процесс оптимизации формирования правосознания личности зависит от ряда психологических факторов. К их числу относятся: развитый интеллект, общая практическая направленность, развитые деловые качества, самостоятельность, независимость, широта социальных контактов. Естественно, противоположные качества (инфантилизм, беспомощность, понимание информации без критического осмысления) только препятствуют развитию правосознания [167]. Некоторые ученые также отмечают влияние интеллекта на развитие морального сознания (Ж. Пиаже, Л. Колберг),

играющего существенную роль в развитии правового сознания, а также на особое значение в моральном развитии самостоятельности личности и ее эмоционального благополучия [50].

М.И. Воловикова отмечает связь нравственно-правовых представлений в позитивном выражении с нравственными принципами личности. Нравственное совершенствование человека является неотъемлемым условием ее правильного и здорового развития. В негативном смысле нравственно-правовые представления связаны с потерей субъектности и психотравмирующими переживаниями личности. Так исторически сложилось, что обращение к правовому регулированию для многих российских граждан часто связано с трагическими обстоятельствами. Субъектом права личность становится тогда, когда принимает закон как ценность. В этом случае опасности утраты субъектности содействуют нарушения законности представителями правоохранительных структур, что вызывает психотравмирующие переживания и отчуждение юридической сферы от граждан [40; 41].

Таким образом, правосознание формируется в процессе правовой социализации в соотношении с комплексом личностных свойств, которые в процессе индивидуального развития наполняются тем или иным содержанием и являются внутренними условиями развития правосознания. Под влиянием внутренних условий, через которые действуют внешние факторы (например, правила, нормы, травмирующие события), формируется отношение личности к общественным ценностям и сторонам действительности, правовым нормам и институтам, к самому себе и своим обязанностям, к окружающим людям и т. д. В итоге складывается правосознание из совокупности знаний, умений, ценностных ориентаций, чувств по отношению к правовой действительности (в том числе пенитенциарной), правовых установок. При этом правосознание выполняет присущие только ему функции: познавательную, оценочную и регулирующую поведение личности в юридически значимой ситуации.

1.2. Личностные характеристики правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы

На сегодняшний день системе исполнения наказаний требуется профессионал, способный развиваться и достигать вершин в своей практике. По данным официальной статистики ФСИН России, за период 2011–2012 гг. показатель преступлений со стороны должностных лиц системы исполнения наказаний увеличился на 23%, сотрудники допускают нарушения законности, служебной дисциплины, 71 % преступлений совершены сотрудниками при исполнении своих служебных обязанностей (Г.А. Корниенко). Высоким остается уровень жалоб на нарушения законности сотрудниками УИС (в 2012 году – 2116 жалоб; в 2013 году – 2018) [60].

Нарушающее поведение во многом предопределяется состоянием правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). От степени развития правосознания зависит качество выполнения сотрудниками должностных обязанностей, соблюдение ими законности, служебной дисциплины.

Проблема правосознания сотрудников УИС нашла свое отражение в работах ряда авторов (П.П. Баранов, О.А. Бурканова, Ю.А. Борзенко, Ю.М. Грошева, Р.А. Кузнецов, Н.Я. Соколов, В.М. Столовский и др.). Исследования посвящены изучению специализированного, профессионального правосознания сотрудников УИС, например пенитенциарного правосознания (Ю.А. Борзенко) [29].

Чаще всего ученые рассматривают профессиональное правосознание как вид специализированного правового сознания, которое сформировано конкретной юридической практикой и характеризуется знанием ее правовых норм, оценочными отношениями и правовыми установками к конкретной правоприменительной деятельности.

Н.Н. Вопленко считает профессиональным правосознанием «обусловленную спецификой социальной роли и юридической деятельности профессионально формируемую систему правовых идей, взглядов, чувств,

ценностных ориентаций, определяющих образ жизни и мотивы поведения в служебной сфере представителей юридической профессии» [43, с.22].

По мнению П.П. Баранова, правосознание специалистов конкретизируется в системе присущих профессиональной группе правовых знаний, оценок, представлений, ценностных ориентаций [14].

А.Р. Ратинов, рассматривая виды правосознания по широте распространения, выделяет специализированное правосознание как совокупность элементов правосознания, характерных для людей в связи с их профессиональной деятельностью [123].

Считается, что содержание профессионального правосознания складывается только в процессе профессиональной деятельности или является результатом специальной подготовки (А.А. Бондарев, Ю.А. Борзенко, Н.С. Кожевников, А.А. Пивоварова, Н.А. Полякова, В.М. Столовский, Н.А. Шейфетдинова) [28; 29; 79; 113; 115; 142; 161]. Но в этом случае не учитывается влияние всех условий процесса правовой социализации, которые включают в себя внешние факторы жизнедеятельности субъекта (бытовые, политические, экономические, социальные, этические и др.), а также внутренние условия, которые влияют на содержание правосознания субъекта на протяжении всей его жизни. Правоприменительная деятельность накладывает свой отпечаток на правосознание сотрудника, но не является единственным фактором, обуславливающим его содержание.

Безусловно, значительное влияние на правосознание персонала исправительных учреждений оказывает среда, в которой реализуется деятельность: экстремальный характер работы, криминальная среда осужденных, коррупция, местные условия труда и др. [18; 54; 55; 56; 57; 62; 75; 121; 123; 147; 150]. Профессиональная деятельность в исправительных учреждениях обладает значительной спецификой, как, впрочем, и любая другая, которая становится связанной с правосознанием сотрудника.

Учитывая взгляды ученых на определение профессионального правосознания, мы не рассматриваем правосознание сотрудников УИС как

самостоятельный вид профессионального правосознания, формирующийся только в процессе профессиональной деятельности или специальной подготовки. И согласимся с мнением о том, что структурные и функциональные компоненты правосознания носят, по большому счету, универсальный для всех форм и видов характер (П.П. Баранов, О.А. Бурканова) [14; 34].

Правосознание сотрудников УИС рассматривается нами более обобщенно, как сфера сознания, включающая в себя совокупность знаний, умений, ценностных ориентаций, чувств по отношению к правовой действительности, в том числе пенитенциарной, правовых установок, регулирующих правовое поведение личности в юридически значимых ситуациях. Правовое сознание, его основные компоненты под влиянием системы внутренних условий складываются в процессе правовой социализации и продолжают развитие, включаясь во все более сложные виды деятельности (Г.Х. Ефремова, А.Р. Ратинов).

В юридической психологии проблема правосознания сотрудников, как правило, обсуждается в контексте деформации, нарушений законности, противоправного поведения (С.П. Безносков, В.И. Белослудцев, А.А. Бондарев, М.Г. Дебольский, А.А. Орлова, А.В. Пищелко, И.И. Соколов и др.). В качестве детерминант деформации правосознания личности отмечают деформацию системы потребностей, деформацию принятия решений, деформацию самоконтроля [84], темперамент, характер, уровень интеллектуальности, особенности восприятия, эмоционально-волевые качества, социальные представления, ответственность за свои действия, и другие личностные качества, которые могут значительно повлиять на правосознание [29; 52; 121]. Данные работы, имея недостаток в отсутствии описания механизмов воздействия на правосознание личностных характеристик, подчеркивают значимость изучения внутренних условий его развития.

В пенитенциарной психологии встречается не так много работ, напрямую посвященных изучению личностных характеристик правосознания сотрудников УИС. Как правило, проблема правосознания поднимается наряду с изучением противоправного поведения персонала исправительных учреждений. В качестве

детерминант противоправного поведения персонала рассматриваются ценностные ориентации (В.П. Голубев, А.С. Михлин, В.Ф. Пирожков, А.Р. Смирнов, Г.Ф. Хохряков), жизненные планы (В.Г. Деев, А.В. Наприс), диспозиции (В.Н. Иванченко, Т.В. Калашникова), мотивы (В.К. Вилюнас, И.А. Иванов, К.Е. Игошев) [39; 111; 138]. Чаще встречаются исследования правосознания осужденных и влияния на него тюремной субкультуры [144; 145].

Среди многих причин, определяющих неразвитость правосознания личности, ученые отмечают потерю субъектности (К. А. Абульханова, М.И. Воловикова) [41]. Человек теряет способность к организации собственной жизни, регуляции объективно существующих обстоятельств, выработке своих способов решения возникающих противоречий.

Потере субъектности способствует большой исторический опыт столкновения наших граждан с неконтролируемыми ситуациями, вызванными экономическими, социальными, политическими потрясениями, отразившимися на всех общественно значимых системах. Сама тема правопорядка для многих российских граждан часто связана с травмирующими переживаниями. Этому также содействует и нарушение законности лицами правоохранительных органов, которые призваны соблюдать и охранять закон. Нарушения законности вызывают психотравмирующие переживания у граждан, отчуждая юридическую сферу от тех, кому она должна служить [41].

Отсутствие возможности управлять юридически значимыми ситуациями приводит к накоплению негативного правового опыта и осознанию личностью бессилия в защите своих прав (М.И. Воловикова, А.Н. Славская).

Негативный правовой опыт, подпитываемый все новыми травмирующими переживаниями, подталкивает к возникновению у человека состояния беспомощности, которое появляется значительно чаще у людей, имеющих к нему внутренние предпосылки.

Такие внутренние предпосылки беспомощности, как пессимистический атрибутивный стиль, высокая тревожность, депрессивность, низкая самооценка и др., по сути, являются совокупностью устойчивых характеристик личности,

обозначенной в отечественной психологии как личностная беспомощность (Д.А. Циринг, 2010).

Концепция личностной беспомощности разрабатывается в рамках субъектно-деятельностного подхода, где понятия субъекта и субъектности рассматриваются неоднозначно.

По С.Л. Рубинштейну субъект характеризуется активностью, способностью к развитию и интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию. Человек в силу своей активности имеет возможность изменить бытие [129], тогда как субъект с личностной беспомощностью ограничивает свое взаимодействие с миром.

Субъект рассматривается как определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования условий (внутренних и внешних) для осуществления деятельности (А.В. Брушлинский) [24; 31; 32].

В настоящее время в отечественной психологии сложились два подхода к пониманию субъекта: акмеологический и эволюционный. Согласно акмеологическому подходу субъект является вершиной развития личности (К.А. Абульханова, В.В. Знаков, З.И. Рябикина и др.) [1; 143] или определенным этапом человеческого развития, в котором формирование психических свойств и механизмов протекает в профессиональной деятельности (Б.Г. Ананьев) [6].

В процессе профессионального развития происходит конструирование человеком своей субъектности, которая обусловлена высоким уровнем развития интегральных личностных характеристик (Л.М. Митина). Представители акмеологического подхода ставят перед собой задачу изучения характеристик субъектности, как «основания осуществления и самоосуществления человека» (А. А. Деркач) [120].

В акмеологическом понимании достижение вершин в профессиональной деятельности невозможно без личностно-профессионального развития, которое зависит от развития целого ряда личностных характеристик (целеустремленности, инициативности, организованности, настойчивости, нравственности и др.) (А.А. Бодалев, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин и др.) [4].

Второй подход – эволюционный, согласно которому человек становится субъектом постепенно, в течение всей своей жизни, обретая характеристики субъекта уже в детстве (Л.И. Анцыферова, Л.И. Божович, Е.А. Сергиенко, В.Н. Слободчиков, Д.А. Циринг и др.) [8; 26; 132; 137; 156]. «Субъект становится системообразующим фактором создания сложной многоуровневой системы психической организации» (Е.А. Сергиенко) [132, с.107].

Согласно учению А.В. Брушлинского о субъекте личностная беспомощность рассматривается, с одной стороны, как совокупность определенных личностных особенностей, характеризующих личность, с другой стороны, как системный феномен, «который не сводится к сумме составляющих его частей, а приобретает новое качество более высокого уровня, представляет собой характеристику такого способа самоорганизации личности, такого способа согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, который, координируя психические процессы, состояния, свойства, а также способности, возможности и ограничения личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности, определяет низкий уровень субъектности» [155, с.18].

Субъектность человека, как отмечает В.И. Слободчиков, проявляется в деятельности, в особой форме активности, посредством которой он воспроизводит себя, свое собственное бытие. Под воспроизводством имеется в виду воспроизводство мира в себе и себя в мире через предметную деятельность; жизнь человека как воспроизводство психофизиологической целостности; воспроизводство общности с другими людьми (деятельность общения); воспроизводство себя как носителя сознания деятельности [137].

В рамках концепции личностной беспомощности Д.А. Циринг под субъектностью понимается «способность человека преобразовывать действительность, а также собственную жизнедеятельность, управлять своей деятельностью, преодолевать трудности, быть автором своего жизненного пути» [156, с.178]. Личностная беспомощность и противоположная ей характеристика – самостоятельность соотносятся на континууме с разными уровнями субъектности,

то есть личностная беспомощность представляет собой проявление низкого уровня субъектности, а самостоятельность – высокого, выражающегося в способности человека преобразовывать действительность и собственную жизнедеятельность.

Личностная беспомощность регулирует восприятие, отношение к действительности, поведение и деятельность субъекта так, что он остается в жестких рамках бытия. В силу объективных или субъективных причин (субъект сталкивается с окружающей действительностью, которую он не в состоянии контролировать. Самостоятельный субъект, в отличие от беспомощного, использует широкий диапазон активности, преобразует бытие, становясь автором своей жизни (Д.А. Циринг) [156].

Таким образом, личностная беспомощность как характеристика субъекта оказывает влияние на способ согласования системы внутренних условий с правовой действительностью, на координацию возможностей и ограничений личности по отношению к целям, задачам правового характера.

Субъект с личностной беспомощностью в соответствии с особенностями этого феномена ограничен во взаимодействии с миром, что приводит к его низкой активности и, как следствие, к недостаточному опыту самостоятельного решения правовых проблем. Такая личность ориентирована на ожидание помощи со стороны государства, начальства, родных и близких людей. Личностная беспомощность в правосознании проявляется пассивностью, безынициативностью, отсутствием желания личности прикладывать собственные усилия для самостоятельного решения правовых проблем.

Правосознание представляется интегральным показателем гражданской зрелости человека (Л.А. Ясюкова), которая выражается в понимании субъектом возможностей и преимуществ правового регулирования, осознании того, что государство – «это не стоящая над всем сила, а нечто, складывающееся из деятельности его граждан» [168, с.4]. Само по себе государство ничего не организует, не делает – все делают люди. Отсюда если граждане не проявляют активность, а только пассивно ожидают помощи от государства, то понятно,

почему они ничего не имеют. Развитое правосознание несовместимо с позицией инфантилизма и иждивенчества.

Взаимосвязь инфантилизма и иждивенчества, феноменами близкими по смыслу личностной беспомощности, с неполноценно сформированным правосознанием эмпирически подтвердилась в исследованиях Л.А. Ясюковой. Среди психологических факторов, которые положительно влияют на развитие правосознания личности (личностная зрелость, здоровое честолюбие), Л.А. Ясюкова выделяет самостоятельность и независимость [168].

Самостоятельность как характеристика высокого уровня субъектности, обуславливающая успешность в профессиональной деятельности, во взаимоотношениях, поведении, является качеством, способствующим развитию правосознания, профессиональному росту и достижению акме.

Самостоятельность играет важную роль в повышении уровня морального сознания. Как показывают исследования, низкий уровень морального развития наблюдается у детей, чьи родители не предоставляют возможности ребенку совершать самостоятельные действия. К некоторой свободе действий следует добавить эмоциональное благополучие. Психологические травмы способствуют «застреванию» человека на ранних стадиях морального развития [50]. И, как было замечено выше, именно развитие морального сознания является основой для развития правосознания. Без нравственного развития личности правосознание останется на уровне правового нигилизма.

Таким образом, в результате анализа имеющейся литературы по изучаемой проблеме мы приходим к предположению о том, что правосознание сотрудников УИС с личностной беспомощностью может иметь свои особенности и отличаться от правосознания сотрудников УИС с признаками самостоятельности. Правосознание сотрудников УИС с личностной беспомощностью характеризуется недостаточной сформированностью и специфическим содержанием на уровне всех структурных компонентов. Когнитивный компонент правосознания отличается низкой познавательной активностью, отсутствием интереса к правовым явлениям, недостаточными юридическими знаниями. Когнитивно-

эмоциональный компонент правосознания, несущий оценочную функцию, отличается безразличным отношением к существующей правовой политике государства и системы исполнения наказаний, отрицанием эффективности правового регулирования и справедливости системы исполнения наказаний, негативным эмоциональным отношением к праву, пессимистическими оценками профессионально значимых качеств сотрудников УИС. Когнитивно-эмоционально-волевой компонент правосознания сотрудников с личностной беспомощностью отличается пассивностью, безынициативностью в реализации правовых норм, несамостоятельностью в решении вопросов правового характера. В результате сотрудник с личностной беспомощностью недостаточно психологически подготовлен к действиям в юридически значимой ситуации.

Изучение правосознания сотрудников УИС в контексте личностной беспомощности дает возможность более эвристично взглянуть на проблему, выяснить внутренние условия развития правосознания и возможности его профилактики.

Особенности профессиональной деятельности сотрудника пенитенциарного учреждения предъявляют повышенные требования к наличию у них эмоциональной устойчивости, высоких адаптивных способностей, склонности к нормативному правовому поведению, умению профессионально реагировать на любые попытки осложнить ситуацию в исправительных учреждениях и следственных изоляторах [81; 82; 122].

Возникновение беспомощности у сотрудников в условиях профессиональной деятельности оказывает отрицательное влияние на выполнение ими служебных обязанностей. В работе сотрудников в зависимости от обстановки, атмосферы, в которых профессиональная деятельность и личность реализуются, могут возникать такие состояния, которые нередко затрудняют их деятельность, делая ее неэффективной (состояния напряженности, неуверенности и пессимизм, неверие в успех на работе, беспечность). Одним словом, такое состояние можно определить как выученную беспомощность, которая возникает значительно чаще, если сформирована личностная беспомощность. В этом случае

состояние беспомощности, скорее всего, является одним из видов профессиональной деформации.

Многие ученые отмечают, что риск возникновения профессиональной деформации, возможность совершения нарушений увеличивается с длительностью выполнения служебных обязанностей (трудовой стаж) в пенитенциарных учреждениях. Профессиональная деформация проявляется в среднем к 5 годам работы в исправительных учреждениях (В.В. Лебедев, А.И. Мокрецов, А.В. Шамис). У сотрудников со стажем работы более 5 лет в УИС отмечается тенденция к появлению безразличия, потере интереса к работе, эмоционального выгорания [147; 150]. По данным В.И. Огородникова, разочарование в выбранной профессии и желание поменять профиль деятельности возникают с увеличением стажа службы [107].

Ю.А. Борзенко применила в отношении сотрудников УИС понятие «профессиональное правосознание», которое может быть позитивным, негативным, комбинированным. Негативное правосознание характеризуется негативным отношением к существующей политике государства в уголовно-исполнительной системе, к органам, исполняющим наказания, и отрицанием исправления преступника, негативными правовыми чувствами, отрицательными правовыми эмоциями, отсутствием правовых навыков, глубоких юридических знаний [29].

Исследования показывают, что негативное правосознание выражено у преступников, отбывающих наказание, и у сотрудников УИС со стажем работы от 5 лет. Сотрудники с негативным типом правосознания, с одной стороны, признают ценности правосознания пенитенциарного типа, необходимость уважать и защищать права и свободы осужденных, с другой стороны, затрудняются назвать непосредственные способы и методы реализации указанных ими намерений по отношению к осужденным, что является признаком негативного пенитенциарного правосознания сотрудников [29].

Если рассматривать профессиональную деятельность в пенитенциарных учреждениях как одно из внешних условий формирования беспомощности, то

признаки последней могут проявиться у сотрудника уже к пяти годам работы. Личностная беспомощность, сопряженная с низким уровнем субъектности, обуславливает снижение успешности деятельности, увеличивает риск нарушений служебных предписаний, препятствуя профессиональному развитию и достижению акме.

Как отмечает А.Н. Славская, скрытым резервом правового сознания современной личности является развитие у нее ответственности, которая превращается в свободу самостоятельного поведения, усиливая чувство уверенности в себе, готовность к преодолению трудностей своими силами, дееспособность личности [135; 136]. На развитие именно таких потенциально существующих качеств личности, как ответственность и самостоятельность, должны быть направлены усилия, которые приведут к повышению уровня развития правового сознания сотрудника УИС. Самостоятельность должна стать психологическим способом реализации деятельности, взаимоотношений, поведения субъекта в соответствии с правом. Для развития самостоятельности, как качества необходимого для достижения высокого уровня личностно-профессионального развития и профессионализма, необходимо использовать акмеологические технологии, направленные на раскрытие внутреннего потенциала личности. Принятые меры поспособствуют становлению развитого правосознания, признаками которого являются: наличие у сотрудника УИС познавательной активности, юридических знаний, умений, позволяющих воссоздать объективную, неискаженную картину юридически значимой ситуации, преобладание позитивных правовых чувств, настроений, эмоций в восприятии правовой (в том числе пенитенциарной) деятельности, позитивные оценки уголовно-исполнительной политики государства, активная реализация правовых норм.

1.3. Личностная беспомощность и самостоятельность как интегративные личностные характеристики

Исследования проблемы беспомощности в мировой психологической науке продолжаются уже на протяжении нескольких десятилетий. Так, в основе нескольких направлений психоанализа лежит мысль об изначальном состоянии беспомощности человека. По З. Фрейду, состояние беспомощности есть нечто объективное. Это состояние испытывает новорожденный, который не способен к эффективным действиям (двигательная беспомощность). Неподконтрольное напряженное состояние психики, вызванное на некоторую потребность, Фрейд обозначил как психическую беспомощность. Состояние беспомощности младенца предполагает полную зависимость его от матери и оказывает сильнейшее влияние на структуру его психики в плане отношений со взрослыми. Фрейд говорит об утрате или разлуке, приводящей к напряжению, или о возбуждении, с которым субъект не справляется в связи с состоянием беспомощности [178].

Значимую роль в обнаружении состояния выученной беспомощности сыграли эксперименты И.П. Павлова, который обнаружил возможность экспериментального формирования неврозов у собак. При включении электрического раздражения на новые участки тела у собак разрушался условный рефлекс [109].

Благодаря исследованиям И.П. Павлова в зарубежной психологии сформировался традиционный поведенческий подход к изучению беспомощности у животных как результат обучения (learned helplessness – выученная беспомощность) (Р. Соломон, С. Майер, М. Селигман и др.) [179; 183; 188; 189; 190; 197]. В лабораторных экспериментах собаки, испытывающие многочисленные удары электрического тока, которого они не могли избежать, через 24 часа помещались в ящик, в котором перепрыгивание барьера должно было прекратить удары током. В результате две трети собак покорно переносили электрические удары. Эти животные казались беспомощными, по сравнению с другими собаками, заранее не подверженных ударам электрического тока. Собаки не были склонны продолжать случайные успешные попытки (когнитивный

дефицит), открыто эмоциональные реакции (эмоциональный дефицит) пока были под влиянием электрического тока. Они производили мало попыток избежать удара, проявляя мотивационный дефицит [159].

Затем теория беспомощности получила развитие в экспериментальных исследованиях на людях (С. Кохен, М. Ротбарт, С. Филлипс, В. Миллер, М. Селигман, Д. Хирото и др.). В западных исследованиях рассматривается связь выученной беспомощности с академическими успехами (Дж.Л. Петиприн, М.И. Джонсон, К. Де Мосс и другие), жизненными событиями (М. Селигман, К.С. Рапс, К.И. Рейнхард), атрибутивным стилем (Дж. Тисдейл, Дж. Кахл, М. Вейсс, А. Миллер, В. Норман, М. Селигман), половыми и возрастными особенностями (Дж. С. Гиргас, М. Селигман), депрессией (М. Селигман, Н. Каслоу, Л. Абрамсон и другие), а также изучаются возможности коррекции и профилактики выученной беспомощности (К. Двек, Н. Репуци, С. Вэлинс, М. Селигман и другие) [156; 186; 196].

Выученная беспомощность отражает отношение человека к эффективности своих действий. Она характеризуется наличием дефицита в трех сферах (мотивационной, когнитивной и эмоциональной). Мотивационный дефицит проявляется в неспособности человека действовать, активно вмешиваясь в ситуацию; когнитивный – неспособности в последующем обучаться тому, что в подобных ситуациях действие может оказаться эффективным, и эмоциональный – в депрессивном состоянии [46; 47].

По мнению М. Селигмана, существует, как минимум, три источника формирования беспомощности: опыт переживания неблагоприятных событий, отсутствие возможности их контролировать (смерть близкого человека, развод родителей, обиды, наносимые ребенку от родителей, воспитателей, учителей и др.); опыт наблюдения за беспомощными людьми; отсутствие самостоятельности в детстве [131; 189]. При этом автор теории выученной беспомощности подчеркивает, что существует «категория людей, обладающих определенным свойством личности, предрасполагающим к быстрому и частому возникновению

состояния беспомощности, сформировавшимся в результате опыта, полученного в детстве и подростковом возрасте» [155, с. 3].

В качестве таких личностных свойств, влияющих на возникновение выученной беспомощности, ученые рассматривают пессимистический атрибутивный стиль и депрессию (Л. Абрамсон, Г. Металски, С. Нолен-Хоуксема, М. Селигман и др.), тревожность (К. Двек), локус контроля и самооценку (К. Петерсон, М. Селигман, Д. Хирото). Наиболее изучена роль атрибутивного стиля в возникновении беспомощности.

Атрибутивный стиль (*attribute* – объяснять, приписывать) – это устойчивый стиль объяснений причин происходящего, складывающаяся в процессе жизни человека. От того, как человек объяснит причину переживаемой неудачи (как результат обстоятельств или недостатка своих собственных усилий), зависит, впадет он в состояние выученной беспомощности или нет [151; 152]. Атрибутивный стиль является способом восприятия причины событий своей прошлой жизни, от которого зависят ожидания, связанные и с будущим. Причины имеют свой характер на основе трех критериев: внутренние или внешние, постоянные или временные, глобальные или локальные. Люди, которые приписывают негативным событиям внешние, временные и локальные причины, являются оптимистами, которые используют оптимистический атрибутивный стиль. Те же, кто считает, что негативные события, неудачи, проблемы носят внутренний, постоянный и глобальный характер – пессимисты, обладатели пессимистического атрибутивного стиля [59]. Атрибутивная модель пессимизма и оптимизма М. Селигмана отличается от других, например диспозиционной модели Ч. Карвера и М. Шейера [171], измеряющей присущие оптимизму ожидания непосредственно. Атрибутивная модель М. Селигмана выявляет не сами по себе ориентации на будущее, а причины их формирования, коренящиеся в прошлой жизнедеятельности человека [59, с. 301]. Таким образом, пессимизм как фактор риска возникновения выученной беспомощности, согласно концепции М. Селигмана, измеряется через атрибуции.

Несмотря на то что в западной психологии изучаются личностные предпосылки, ведущие к формированию выученной беспомощности, основным предметом исследований остается феномен беспомощности как состояние, возникающее на непредсказуемые и неподконтрольные негативные события (Л. Абрамсон, С. Майер, М. Селигман, Р. Соломон, Дж. Тисдейл и др.). Тип личности, предрасположенный к частому и быстрому возникновению беспомощности, остается без внимания западных исследователей. Но при этом ученые обращены к изучению психологических явлений, имеющих позитивную природу и представляющих собой панацею от беспомощности. Именно в позитивистском направлении теория выученной беспомощности получила свое дальнейшее развитие.

М. Селигман акцентирует внимание на исследование оптимизма, качества, помогающего человеку преодолевать трудности, быть более счастливым. Оптимизм, приобретенный в успешной борьбе с препятствиями, в меньшей степени снижает мотивацию к активным действиям при столкновении с временными непреодолимыми трудностями, по сравнению с людьми с пессимистическим атрибутивным стилем, склонными к выученной беспомощности [156].

В позитивной психологии человек уже не рассматривается как пассивное существо, со сниженной личной ответственностью, который занимает позицию жертвы по отношению к внешним обстоятельствам [179; 190]. Предмет исследования сместился с выученной беспомощности на позитивные стороны личности, которые следует развивать с целью преодоления беспомощности: духовное удовлетворение от погружения в любимую деятельность (М. Чиксентмихайи), оптимизм (М. Селигман, К.С. Карвер, К. Петерсон, М.Ф. Шэйер), удовлетворенность жизнью (Р.А. Камминс, Б. Хэди, А. Уэринг), самоэффективность (А. Бандура), самодетерминация (Э. Деси, Р. Райан), жизнестойкость (С. Мадди) и др. Значимость позитивных психологических явлений заключается в представлении их как личностных ресурсов, обеспечивающих устойчивость к возникновению беспомощности у человека.

В отечественной психологии изучением феномена выученной беспомощности начали заниматься только в 90-е годы XX столетия. До этого времени изучались близкие беспомощности психические явления (Н.А. Батурин, Т.Г. Бохан, Б.А. Вяткин, В.С. Мерлин, Н.В. Тарабрина и другие). На сегодняшний день проблема беспомощности активно привлекает внимание отечественных исследователей (Е.В. Веденева, Т.О. Гордеева, И.В. Девятковская, Е.В. Забелина, В.Г. Ромек, В. Ротенберг, Д.А. Циринг, Ю.В. Яковлева и др.). Однако практически отсутствуют работы с описанием системного, целостного характера беспомощности. Рассмотрим некоторые взгляды на феномен беспомощности в отечественной психологии.

Так, в исследованиях поведения человека при достижении поставленных целей было обнаружено, что серия неудач может привести к выученной беспомощности. По своей природе неудачи являются стрессовыми и вызывают состояние психической напряженности, на которое накладывается конфликт между оценкой своих возможностей и реальными результатами (Н.А. Батурин) [16; 134].

По мнению Т.О. Гордеевой, нарушение мотивации в результате пережитой человеком неподконтрольности ситуации приводит к образованию выученной беспомощности, которая впоследствии негативно влияет на мотивацию достижения. Формированию выученной беспомощности также способствует высокий уровень мотивации к избеганию неудач [46; 69].

Существует также понимание природы беспомощности как отказа от поиска в концепции поисковой активности (В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский). Поисковая активность – биологически обусловленная форма поведения в условиях неопределенного прогноза. Человек, находясь в поиске, старается изменить ситуацию действием, учитывая возникающие изменения. Поисковая активность повышает устойчивость организма к стрессу и к выученной беспомощности. Противоположным поиску является стереотипное поведение, характеризующее выученную беспомощность, когда цепочка действий, будучи запущена, выполняется уже без отслеживания внешних и внутренних изменений [127].

В.Г. Ромек утверждает (на примере детей), что однообразие последствий поведения приводит к образованию выученной беспомощности. Интенсивное поощрение, возникающее вне зависимости от характера поведения детей, так же как и наказание, в итоге приводит к потере активности и способности к борьбе [126].

Таким образом, обычно беспомощность рассматривается как состояние, возникающее на травмирующие, неконтролируемые негативные события [154]. Однако выученную беспомощность следует отличать от беспомощности как устойчивого феномена личности (личностной беспомощности). Личностная беспомощность представляет собой симптомокомплекс predispositions состояния выученной беспомощности (Д.А. Циринг).

В отечественной психологии наиболее разработанной является концепция личностной беспомощности, предложенная Д.А. Циринг. По ее мнению, уязвимость человека к возникновению выученной беспомощности объясняется свойствами целостной системы личности. Состояние выученной беспомощности определяется личностными особенностями человека, представляющими собой личностную беспомощность [155].

В рамках данной концепции изучена структура и психологическое содержание личностной беспомощности и противоположного ей феномена самостоятельности (Е.В. Веденева, Е.В. Забелина, Д.А. Циринг, Ю.В. Яковлева), связь беспомощности в структуре интегральной индивидуальности с коммуникативной активностью (Е.В. Забелина), изучено формирование личностной беспомощности (И.В. Пономарева, С.А. Сальева, Д.А. Циринг) [38; 64; 156].

Концепция личностной беспомощности развивается в русле субъектно-деятельностного подхода, позволяющего обнаружить связь личностной беспомощности с субъектностью.

Из понимания Д.А. Циринг субъектности как способности человека изменять собственную жизнедеятельность, преобразуя ее и управляя ею, преодолевая трудности [156] сложилось определение личностной беспомощности

как «качества субъекта, представляющего собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой семейных взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющего низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить цели и достигать их, преодолевая различного рода трудности» [156, с.185].

Таким образом, личностная беспомощность является, с одной стороны, комплексную характеристику личности, а с другой стороны, качество субъекта, определяющее низкую способность человека к преобразованию, управлению и контролю своей жизнедеятельности (Д.А. Циринг).

В отечественной психологии изучаются противоположные беспомощности позитивные феномены, относимые к характеристикам субъектности человека: оптимизм (Т.О. Гордеева, И.А. Джидарьян), смысл жизни, личностный потенциал (Д.А. Леонтьев), мудрость (Л.И. Анцыферова), удовлетворенность жизнью (Г.М. Головина, Т.Н. Савченко), самореализация (Э.В. Галажинский, Л.А. Коростылева, И.В. Солодникова), саморегуляция (Л.Г. Дикая, В.И. Моросанова) и самостоятельность (В.Н. Мясищев, Г. Сартан, Д.А. Циринг, Ю.В. Яковлева) и другие [45; 58; 89; 99; 110; 131; 139; 156; 164].

В контексте концепции личностной беспомощности противоположным качеством личностной беспомощности является самостоятельность, которое рассматривается как целостное качество субъекта, включающее в себя различные когнитивные, мотивационные, эмоциональные и волевые особенности личности. Самостоятельный человек, в отличие от беспомощного, характеризуется выраженной волевой активностью, эмоциональной уравновешенностью, оптимистическим мировосприятием, интратенсивной мотивацией, креативностью, ответственностью, уверенностью в себе и другими качествами, которые определяют в единстве его высокий уровень субъектности. Самостоятельность проявляется у человека в более эффективных стратегиях

поведения, успешности деятельности, благополучных взаимоотношениях с людьми (Д.А. Циринг) [156].

Личностная беспомощность и самостоятельность рассматриваются как полюса на одном континууме. Высокий уровень одного качества определяет низкий уровень другого. Самостоятельность характеризуется высоким уровнем субъектности и успешностью деятельности, соответственно личностная беспомощность – низким уровнем субъектности и сниженной успешностью деятельности. В феномене самостоятельности проявляются различные формы активности человека в поведении, деятельности, взаимоотношениях [156].

Системный, целостный характер психики обуславливает рассмотрение структурных компонентов личностной беспомощности во взаимосвязи, как составляющие системы [155]. Структура личностной беспомощности характеризуется особенностями когнитивного, мотивационного, эмоционального и волевого компонентов. Особенности когнитивного компонента у человека с личностной беспомощностью выражаются в таких качествах, как ригидность мышления, пессимистический атрибутивный стиль. Мотивационный компонент характеризуется мотивацией избегания неудач, низким уровнем притязаний, высоким уровнем субъективного контроля, экстратенсивной мотивацией. Личностная беспомощность обуславливает такие особенности эмоциональной сферы человека, как замкнутость, неуверенность, эмоциональная неустойчивость, чувство вины, обидчивость, тревожность, депрессивность и другие. Волевая сфера человека с личностной беспомощностью характеризуется безынициативностью, нерешительностью, робостью, низкой организованностью и настойчивостью, недостаточной выдержкой и целеустремленностью [156]. Все перечисленные особенности в совокупности образуют симптомокомплекс, определяющий психологические отличия субъекта с личностной беспомощностью, характеризующие низкий уровень субъектности [155].

Таким образом, выученная беспомощность возникает под влиянием травмирующих событий у людей, которые имеют к этому состоянию внутренние личностные предпосылки: низкую самооценку, пессимистический атрибутивный

стиль, тревожность, депрессивные состояния и другие. Внутренние предпосылки состояния беспомощности на ранних этапах онтогенеза формируются из опыта взаимодействия с миром. Совокупность этих устойчивых личностных характеристик обозначена как личностная беспомощность (Д.А. Циринг, 2010).

Указанные устойчивые личностные характеристики как внутренние предпосылки возникновения состояния беспомощности у человека определены в качестве основных диагностических показателей личностной беспомощности, представляющие собой совокупность таких критериев, как пессимистический атрибутивный стиль, депрессивность, тревожность, пониженная самооценка. Самостоятельность определяется при противоположных показателях. Диагностируются в данном случае не депрессия, тревожность, атрибутивный стиль и самооценка как таковые, а целостная (системная) характеристика личности, проявляющаяся сочетанием упомянутых личностных особенностей (Д. А. Циринг, 2010).

Пессимистический атрибутивный стиль как один из показателей личностной беспомощности представляет собой пессимистический стиль объяснений причин происходящего с человеком. В симптомокомплексе личностной беспомощности атрибутивный стиль характеризуется сочетанием приписывания постоянства, генерализованности и персонифицированности причинам неудачи и, наоборот, при успехе сочетанием обратных по смыслу параметров [156].

Человек, имеющий пессимистический атрибутивный стиль, считает, что неприятности, неудачи, случающиеся в его жизни, происходят по его собственной вине и имеют постоянный, устойчивый характер во всех сферах жизни, положительные же события представляются временными явлениями, возникающими по стечению обстоятельств, не зависящими от собственных усилий. Оптимистический атрибутивный стиль характеризует человека, полагающего, что причиной положительных событий является он сам, удачи и успехи, по его мнению, явление постоянное, происходящее во всех сферах жизни. Личностная беспомощность вероятнее возникает у человека, имеющего

пессимистический атрибутивный стиль. Однако, как утверждает Д.А. Циринг, возникновение беспомощности зависит не только от наличия пессимистического атрибутивного стиля, но и от реальных, негативных событий высокой интенсивности.

Другим показателем личностной беспомощности является уровень депрессии. Речь идет о депрессивности, то есть об относительно повышенном уровне депрессии. При этом депрессия (от лат. *depressio* – подавление, угнетение) понимается как аффективное состояние личности, характеризующееся состоянием подавленности, безысходности и общей пассивностью поведения [119].

В психологии существуют различные подходы к пониманию природы депрессивных состояний. Особый интерес вызывают когнитивные поведенческие теории (А. Бек, М. Селигман). Например, широко известна когнитивная теория депрессии, выдвинутая А. Беком, согласно которой подверженные депрессии люди имеют «негативную когнитивную установку», характеризующуюся самообвинением и в целом негативным представлением о себе. А. Бек выделял триаду устойчивых негативных представлений депрессивных больных: видение себя лишенным каких-либо достоинств; видение окружающего мира как жестокого и вызывающего отвращение; безнадежность в отношении к будущему. Данные представления являются причиной когнитивных ошибок и ведут к развитию печали, пассивности, самообвинения, утрате переживания, появлению суицидальных мыслей [19].

В теории выученной беспомощности М. Селигмана депрессия рассматривается как результат мучительного состояния, когда человек чувствует, что не в силах справиться с ситуацией. Сама по себе вера в то, что, предприняв какие-то действия, удастся контролировать или изменить ситуацию, является хорошей защитой от депрессии. По мнению ряда психологов, «иммунитет» к депрессии может быть заложен в детстве, если условия позволяют ребенку убедиться в том, что его поступки действительно влияют на жизненные события [156].

Выученная беспомощность рассматривается как предвестница депрессии, возникающая на неподконтрольные негативные события (М. Seligman, L.M. Kiefer, С. Peterson, S.F. Maier и др.) [180; 182; 183; 188; 189]. У человека возникает пассивность, чувство безнадежности. Предполагается, что такой паттерн со временем может привести к возникновению и сохранению депрессивных расстройств. Изучение природы депрессии – вопрос актуальный для современной науки. Сегодня отмечается тенденция роста числа депрессий, обуславливаемая увеличением удельного веса депрессивных состояний (неглубокой депрессии) [25].

Личностная беспомощность рассматривается как одна из причин возникновения выученной беспомощности и в последующем вероятных депрессивных состояний (Д.А. Циринг). Следовательно, риск возникновения депрессивных состояний у людей с личностной беспомощностью выше, чем у людей с противоположными позитивными характеристиками [158].

Еще одним показателем личностной беспомощности является сниженная самооценка человека. М. Селигман полагает, что самооценка является лакмусовой бумагой состояния человеческой психики. Если у человека в жизни преобладают положительные события, то самооценка высокая, когда же возникают трудности – самооценка снижается, что может привести к депрессии [131].

Уровень выраженности личностной беспомощности определяет качественные особенности субъекта, проявляясь в качественном своеобразии психической организации субъекта. Личностная беспомощность обуславливает снижение успешности деятельности, пассивность в поведении, неспособность использовать имеющиеся возможности, трудности во взаимоотношениях, неэффективные совладающие стратегии поведения [38; 156].

Остается недостаточно изученным вопрос о формировании личностной беспомощности. К основным, но не исчерпывающим весь перечень факторам формирования относятся нарушения в системе семейных взаимоотношений, в том числе травмирующие отношения, вторичным фактором являются неподконтрольные для субъекта травмирующие события, социальные показатели

(материальная обеспеченность, полнота семьи, серьезные социальные, экономические, политические потрясения). Большой опыт столкновения с неконтролируемыми социальными, экономическими и политическими потрясениями предрасполагает человека к возникновению беспомощности (Д.А. Циринг, 2010).

Личностная беспомощность формируется с большей вероятностью в семьях, где используются следующие четыре стиля воспитания: доминирующая гиперпротекция, то есть чрезмерное внимание к воспитанию ребенка; повышенная моральная ответственность; жестокость родителей и непоследовательность родителей.

Полученные эмпирические данные на выборке детей 8–12 лет свидетельствуют о том, что личностная беспомощность является одним из последствий травмирующих неподконтрольных событий в жизни ребенка. Опыт их неподконтрольности формирует определенные убеждения у ребенка, которые связаны с представлениями о тщетности собственных действий, о бессилии что-либо изменить. Такие установки определяют дальнейшее снижение активности в поведении человека [156].

Таким образом, особенности стиля воспитания, большой опыт столкновения с неконтролируемыми травмирующими событиями являются факторами, детерминирующими формирование личностной беспомощности.

Природа личностной беспомощности преимущественно носит социально обусловленный характер. В качестве факторов риска при наличии средовых факторов рассматриваются врожденные предпосылки личностной беспомощности (особенности нервной системы, половые, конституционные и др.). Отмечается, что для испытуемых с личностной беспомощностью (детского, подросткового и юношеского возраста) характерны особенности слабой нервной системы: преобладание процесса возбуждения, эмоциональная неустойчивость, импульсивность, раздражительность, утомляемость, чувствительность, склонность остро реагировать на любую угрозу, интровертированность. Некоторые свойства нервной системы могут быть врожденными предпосылками

личностной беспомощности. Однако личностная беспомощность не predeterminedена врожденными особенностями человека, решающее значение имеют средовые факторы. При этом биологический пол не влияет на формирование личностной беспомощности и самостоятельности (Д.А. Циринг, 2010).

Таким образом, изучению личностной беспомощности как устойчивой личностной характеристики предшествовал этап исследования беспомощности как состояния. Обстоятельно беспомощность как целостная характеристика личности, включающая в себя единство определенных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, как внутренняя предпосылка к возникновению состояния выученной беспомощности стала рассматриваться только в рамках концепции личностной беспомощности. На основании многочисленных эмпирических исследований изучена структура личностной беспомощности, характеризующаяся специфическим содержанием, отражающаяся на всей сфере жизнедеятельности субъекта в неэффективном адаптивном поведении в стрессовых ситуациях, в трудностях межличностного общения и снижении успешности в различных видах деятельности. Выделены показатели, сочетание которых позволяет диагностировать наличие личностной беспомощности.

Возрастающий интерес психологической науки к изучению беспомощности, исследованию позитивных феноменов, противостоящих возникновению беспомощности, указывают на общие тенденции развития взглядов на природу беспомощности человека.

Выводы по первой главе

Подводя итог теоретического анализа изучаемой проблемы можно сделать следующие основные выводы.

Проблема определения правосознания в науке до сих пор не разрешена. Она имеет междисциплинарную основу, следовательно, различия в подходах к определению. Неоднозначное понимание психологического содержания

правосознания, практически отсутствие инструментария для психодиагностики правосознания создают препятствия на пути его психологического эмпирического исследования.

Теоретические положения психолого-правового подхода к изучению правосознания (О.А. Гулевич, Г.Х. Ефремова, А.Р. Ратинов, Л.А. Ясюкова, Дж. Тапп, Л. Колберг) дают возможность разработки методического инструментария для его диагностики. Для изучения содержательных характеристик правосознания личности является ценной модель функциональной структуры правосознания (А.Р. Ратинов), разработанная в рамках системного подхода. Структура представляет собой сложное образование эмоционального, когнитивного и волевого компонентов, служащих основанием для установления трех основных функций правового сознания: познавательной, оценочной и регулятивной. Познавательная функция выражает когнитивный компонент правосознания, показателями которой в деятельности являются юридические знания и умения субъекта. Оценочная функция правосознания субъекта отражает когнитивно-эмоциональный компонент и выражается в деятельности оценочными мнениями к праву и практике его использования. Регулятивная функция отражает когнитивно-эмоционально-волевой компонент правосознания и характеризуется правовыми установками и ориентациями.

Правосознание формируется в процессе правовой социализации в соотношении с внутренними условиями развития. Система внутренних условий может быть охарактеризована через единство личностных особенностей, которые в процессе индивидуального развития наполняются тем или иным содержанием. Под влиянием внутренних условий, через которые действуют внешние факторы, формируется отношение личности к социальным ценностям и сторонам действительности, правовым нормам и институтам, к самому себе и своим обязанностям, к различным общностям, группам и т. д. В итоге складывается правосознание.

Небольшое количество научных работ, посвященных изучению личностных характеристик правосознания, не позволяет оценить значение системы внутренних условий для развития правового сознания субъекта.

Одной из причин, определяющих низкий уровень правосознания личности, является потеря субъектности (К.А. Абульханова, М.И. Воловикова). Потере субъектности способствует большой исторический опыт столкновения наших граждан с неконтролируемыми, травмирующими ситуациями, которые отразились на всех значимых общественных сферах.

Накопленный негативный правовой опыт, подпитываемый все новыми травмирующими переживаниями, подталкивает к возникновению у человека состояния беспомощности, которое появляется значительно чаще у людей, имеющих к нему внутренние предпосылки. Указанные внутренние предпосылки беспомощности, по сути, являются совокупностью устойчивых характеристик, обозначенной в отечественной психологии как личностная беспомощность (Д.А. Циринг).

Личностная беспомощность препятствует проявлению субъектности, способности преобразовывать действительность. Низкая способность личности к организации собственной жизни, регуляции объективно существующих жизненных обстоятельств, выработке своих способов решения возникающих противоречий являются причинами низкого развития правосознания (К.А. Абульханова, М.И. Воловикова).

Личностная беспомощность влияет на поведение, восприятие, отношения и деятельность субъекта, таким образом, что тот заключен в жесткие рамки бытия. Субъект сталкивается с неподконтрольностью окружающей действительности, возникающей в силу объективных и субъективных причин.

Структура личностной беспомощности включает в себя особенности мотивационного, когнитивного, эмоционального, волевого компонентов, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом, образующих симптомокомплекс, определяющий психологические особенности субъекта, ограничивающие его взаимодействие с миром.

Таким образом, личностная беспомощность, являясь характеристикой низкого уровня субъектности, по причине своих внутренних условий способна ограничить развитие правосознания личности, стать фактором низкой активности и, как следствие, привести к недостаточному опыту самостоятельного решения правовых проблем.

Согласно концепции личностной беспомощности на противоположном полюсе континуума субъектности находится самостоятельность, обуславливающая успешность деятельности, общения, поведения. Самостоятельный человек использует широкий диапазон активности. Самостоятельность субъекта способствует становлению его гражданской зрелости, поэтому самостоятельность, характеризующая высокий уровень субъектности, способствует развитию правосознания. На развитие именно этого качества должны быть направлены общественные и индивидуальные усилия, которые приведут к формированию и укреплению правового сознания. При этом работу по укреплению правосознания следует начинать с представителей правовых систем, призванных охранять и защищать права и свободы граждан.

Пенитенциарная система представляет собой часть правовой системы, выполняющей специфические функции, связанные с исполнением наказаний. Качество исполнения сотрудниками уголовно-исполнительной системы своих должностных функций напрямую зависит от состояния их правосознания. Когда сотрудник является носителем личностной беспомощности, то его правосознание характеризуется недостаточной сформированностью и специфическим содержанием на уровне всех структурных компонентов. Когнитивный компонент правосознания отличается низкой познавательной активностью, отсутствием интереса к правовым явлениям, недостаточными юридическими знаниями. Когнитивно-эмоциональный компонент правосознания, несущий оценочную функцию, отличается безразличным отношением к существующей правовой политике государства и системы исполнения наказаний, отрицанием эффективности правового регулирования и справедливости системы исполнения наказаний, негативным эмоциональным отношением к праву, пессимистическими

оценками профессионально значимых качеств сотрудников УИС. Когнитивно-эмоционально-волевой компонент правосознания сотрудников с личностной беспомощностью отличается пассивностью, безынициативностью в реализации правовых норм, несамостоятельностью в решении вопросов правового характера. В результате сотрудник с личностной беспомощностью недостаточно психологически подготовлен к действиям в юридически значимой ситуации.

Представленный в первой главе анализ указывает на отсутствие должного внимания науки к изучению личностных характеристик правосознания специалиста. Благодаря теоретическим основаниям психолого-правового подхода к изучению правосознания, стала достижимой разработка методик для изучения правосознания как психологического феномена.

Изучение правосознания в контексте личностной беспомощности дает возможность более эвристично взглянуть на проблему нарушений сотрудниками служебной дисциплины, выяснить личностные характеристики правосознания и возможности его развития. Преодоление личностной беспомощности приведет к профессиональному росту и высоким достижениям личности.

Глава 2. Организация и методы исследования правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками

2.1. Организация исследования

Организация эмпирического исследования определялась целью работы: выявить и изучить самостоятельность и беспомощность как интегративные личностные характеристики сотрудников уголовно-исполнительной системы, и исследовать правосознание у сотрудников с данными особенностями.

В соответствии с целью исследования выборку испытуемых составили сотрудники уголовно-исполнительной системы, непосредственно работающие с осужденными (49 % от общего числа – сотрудники Курганской области, 51 % – сотрудники Челябинской области). Другие аспекты профессиональной деятельности в работе не рассматривались. В исследовании приняли участие сотрудники исправительных колоний (457 человек), следственных изоляторов (88 человек), воспитательных колоний (12 человек), лечебно-профилактических учреждений (7 человек), колоний-поселений (38 человек); начальники отрядов, инспекторы, младшие инспекторы отделов охраны (185 человек), безопасности (215 человек), воспитательной работы (99 человек), режимной службы (184 человека) в возрасте от 20 до 35 – 481 человек, от 36 до 52 – 189 человек. Общее количество сотрудников, принявших участие на разных этапах исследования, – 670 человек (531 мужчин, 139 женщин).

Исследование проводилось на базе учреждений УИС Челябинской и Курганской областей с 2007 по 2013 год.

В соответствии с поставленными в работе задачами эмпирическое исследование включало в себя реализацию нескольких этапов.

На первом этапе изучались характеристики личностной беспомощности / самостоятельности у сотрудников УИС. Для реализации задачи вначале оценивалась валидность методики многостороннего исследования личности (ММИЛ) для диагностики личностной беспомощности. В исследовании валидности методики испытуемыми были студенты старших курсов Челябинского государственного университета в количестве 129 человек (описание результатов исследования представлено в параграфе 2.2).

На данном этапе также изучалась динамика показателей личностной беспомощности у сотрудников УИС, чей рабочий стаж достиг пяти лет. Для начала собирались данные методики многостороннего исследования личности (ММИЛ), полученные у сотрудников УИС (2007 г.). Были сформированы профили 670 сотрудников. Критериями личностной беспомощности были показатели низкой самооценки, депрессивности, тревожности, пессимистического атрибутивного стиля, а также их взаимосвязь. В группу сотрудников с личностной беспомощностью вошли испытуемые с высокими показателями неуверенности, тревоги, низкой самооценки, пессимистической оценки ситуации и перспективы, депрессивности ($N=115$; ср.возраст – 30; std.откл. – 7,9). В группу с признаками, полярными беспомощности, вошли испытуемые с низкими показателями тревоги, тревожности, депрессивности, пессимистического атрибутивного стиля, высокими значениями самооценки ($N=127$; ср.возраст – 30,4; std.откл – 6,9). В остальные группы вошли сотрудники с промежуточными показателями по перечисленным критериям личностной беспомощности (Приложение 1, табл. 2).

Затем из 670 сотрудников были отобраны лица со стажем работы в УИС менее пяти лет и распределены на четыре экспериментальные группы: 1-я группа – сотрудники с личностной беспомощностью ($N=52$; ср. возраст - 25,8; std.откл. – 4,3); 2-я группа – сотрудники с самостоятельностью (с полярными значениями личностной беспомощности) ($N=52$; ср. возраст – 26,9; std.откл. – 5,05); 3-я

группа – условно «активисты» (N=31; ср. возраст – 26,7; std.откл. – 4,3); 4-я группа – условно «реалисты» (N=44; ср. возраст - 27,5; std.откл. - 4,4) (3 и 4 группа с промежуточными значениями показателей личностной беспомощности).

В 2009 г., когда стаж работы сотрудников экспериментальных групп достиг пяти лет, мы провели у них повторную диагностику показателей личностной беспомощности (с использованием ММИЛ), за исключением сотрудников, находящихся на период исследования в отпуске, командировке, отсутствующих по состоянию здоровья, уволившихся сотрудников. Стаж работы пять лет выбран неслучайно. По мнению ученых, профессиональная деформация проявляется в среднем к пяти годам работы в системе исполнения наказаний (Ю.А. Борзенко, О.В. Крапивина, В.В. Лебедев, Л.И. Мирнова, А.И. Мокрецов, В.И. Огородников и др.). Длительный период работы в пенитенциарных учреждениях способствует деформации личности [29; 107; 147; 150]. Если предположить, что условия, в которых реализуется профессиональная деятельность и личность сотрудника УИС, являются одной из причин образования состояния выученной беспомощности, которое возникает значительно чаще, если сформирована личностная беспомощность, то к пяти годам работы в исправительных учреждениях признаки личностной беспомощности проявят себя в большей степени, чем в начале работы. В связи с этим для исследования динамики показателей личностной беспомощности были выбраны сотрудники, имеющие стаж работы в пенитенциарных учреждениях пять лет. Так как была обнаружена динамика показателей личностной беспомощности, мы провели ММИЛ повторно у всех сотрудников, не вошедших в экспериментальные группы, но участвующих в исследовании на первоначальном этапе. Это сотрудники со стажем работы более пяти лет (N=315; ср. возраст – 35; std.откл.-7,1; ср. стаж работы – 9,3; std.откл.-3,8). Среди них с признаками личностной беспомощности – 63 человека (ср. возраст – 36,1; std.откл-9,7; ср. стаж работы – 10,2; std.откл.- 4,6); с признаками самостоятельности – 22 человека (ср. возраст – 36,4; std.откл. – 7,4; ср. стаж работы – 8; std.откл. – 1,8). Затем испытуемые со стажем более пяти лет были объединены с группой сотрудников со стажем работы пять лет. В итоге,

общий объем выборки составил 494 человек. Описательные статистики по основным показателям личностной беспомощности у данной выборки представлены в Приложении 1 (табл.3).

Группу испытуемых с личностной беспомощностью составили 115 человек, и 74 – группу испытуемых с признаками самостоятельности. Остальные группы с промежуточными результатами. Именно эта выборка принимала участие в дальнейшем исследовании личностной беспомощности и при изучении правосознания и его особенностей у сотрудников УИС с личностной беспомощностью.

Для целостного изучения личностной беспомощности как свойства субъекта на данном этапе изучались ее структурные компоненты (мотивационные, когнитивные, эмоциональные, волевые) и особенности проявления в поведении и деятельности. Показателями мотивационного компонента личностной беспомощности / самостоятельности являлись значения мотивации избегания неудач, мотивации стремления к успеху, общая интернальность, стремление к межличностным контактам (ММИЛ (Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец), методика «УСК» (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд), методика исследования мотивации достижения успеха и избегания неудач (Т. Элерс)); когнитивного – значения интегрального показателя общих умственных способностей (Краткий ориентировочный тест (В.Н. Бузин, Э.Ф. Вандерлик)); эмоционального – значения тревожности, депрессивности, самооценки, соматизация тревоги, эмоциональная напряженность в поведении, ригидность аффекта (ММИЛ); волевого компонента - решительность, целеустремленность (шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение» ММИЛ, методика «УСК»), инициативность, продуктивность, настойчивость, уравновешенность, организованность, активность (шкала «Отрицание тревоги», шкала F ММИЛ, методика «УСК»), ответственность (шкала «Социальные контакты» ММИЛ).

На данном этапе также изучалась факторная структура личностной беспомощности у сотрудников УИС. Для определения характера связей между

исследуемыми переменными личностной беспомощности использовался факторный анализ.

На втором этапе эмпирического исследования изучалось состояние правосознания сотрудников УИС в целом по всей выборке (N=494), а также выявлялись особенности правосознания у сотрудников УИС с личностной беспомощностью (N=115) / самостоятельностью (N=74). Для реализации задачи разрабатывались авторские методики изучения правосознания сотрудников, наряду с уже имеющимися в наличии. Выявлялись характеристики структурных компонентов правосознания (когнитивного, эмоционального, волевого компонентов), особенности его функционирования в различных сферах жизнедеятельности, уровень правового развития сотрудников.

Показателями когнитивного компонента правосознания являлись интерес к правовой системе, к правовой информации (методика «Правосознание сотрудников УИС» (Е.А. Евстафеева, В.С. Красник)), развитие, качество и содержание правовых понятий (методика профессиональных понятий (С.В. Горностаев); когнитивно-эмоционального - оценка профессионально-моральных качеств сотрудников; оценка закона, значимости закона для общества и системы исполнения наказаний, оценка осужденных, защиты прав осужденных; чувства по отношению к праву (методика «Правосознание сотрудников УИС»), неосознаваемое отношение к правовым категориям (Цветовой тест отношений (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд); когнитивно-эмоционально-волевого компонента - правовые установки; готовность оказать поддержку в реализации правовых норм; готовность искать правовую информацию в популярных и специальных источниках; готовность проявить активность в юридически значимой ситуации; готовность участвовать в процессе ресоциализации осужденных (методика «Правосознание сотрудников УИС»), готовность субъекта придерживаться правовых норм в профессиональной деятельности и межличностных отношениях (методика обыденного правосознания (Л.А. Ясюкова)).

Показателями уровня правового развития являлись значения интегрального показателя правосознания (методика обыденного правосознания (Л.А. Ясюкова)),

отнесение испытуемых к одному из уровней правового развития (правопослушание, правоподдержание, правотворчество) на основании модели правового развития Дж. Тапп, Ф. Левина (анкета «Уровень правового развития» (О.А. Гулевич).

На данном этапе проводился сравнительный анализ дисциплинарной практики «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников. Фиксировались нарушения, связанные с невыходом на службу без уважительной причины, появлением на службе в нетрезвом состоянии и с остаточными признаками алкогольного опьянения, грубостью с осужденными, применением силы без законных оснований, превышением служебных полномочий. Указанные дисциплинарные нарушения рассматривались в качестве показателя состояния правосознания в практической деятельности сотрудников.

На заключительном, четвертом этапе анализировались, обобщались, интерпретировались полученные в ходе эмпирического исследования данные, на основании которых разрабатывались практические рекомендации, направленные на развитие правосознания сотрудников УИС.

Достоверность результатов нашего исследования обеспечивалась непротиворечивостью исходных методологических положений, теоретическим обоснованием изучаемых проблем, адекватностью методов исследования целям и задачам работы.

2.2. Методы исследования и их интерпретация

Приведем описание и обоснование использованных в диссертационной работе методов эмпирического исследования. В работе использовались следующие группы методов психологического исследования:

- 1) методы исследования личностной беспомощности, её структурных компонентов, проявления в поведении и деятельности у сотрудников УИС;
- 2) методы исследования правосознания сотрудников УИС.
- 3) методы математической обработки данных.

Методики исследования подбирались исходя из специфики изучаемых явлений и на основе изучения теоретической и психодиагностической литературы.

Для хранения и обработки данных использовалось лицензионное программное обеспечение SPSS 12.0, которое позволяет осуществлять различные виды статистического анализа данных [100; 101].

В группу методов исследования личностной беспомощности у сотрудников УИС вошли следующие методики:

1. Методика многостороннего исследования личности (ММИЛ), представляющая собой вариант теста ММРІ (Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец).

2. Методика исследования адаптивных стратегий поведения (Н. Н. Мельникова).

3. Методика исследования уровня субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд).

4. Методика исследования мотивации достижения успеха и избегания неудач, предложенная Г. Элерсом.

5. Краткий отборочный тест (КОТ), авторы В.Н. Бузин и Э.Ф. Вандерлик.

6. Методика экспертной оценки проявления беспомощности в поведении и деятельности.

Кратко представим характеристики использованного диагностического инструментария.

В качестве метода диагностики личностной беспомощности использовалась **методика многостороннего изучения личности (ММИЛ)**, вариант теста ММРІ (Minnesota Multiphasi Personality Inventory, авторы С. Хатуэй, Дж. Маккинли, 1940). Авторы адаптации в нашей стране – Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец (1976) [21; 23].

Методика предназначена для интегрального исследования личности и является одной из наиболее признанных в мировой психологической практике. Она позволяет определить основные характерологические особенности личности:

особенности настроения, общительность, замкнутость, оптимизм и пессимизм, депрессивность, тревожность, формы реакции на стресс, агрессивность и многие другие. Методика является наиболее защищенной от попыток испытуемых сознательно исказить результаты, имеет хорошо разработанный популяционный стандарт, полученный при исследовании стратифицированной выборки.

Методика включает в себя 377 вопросов (утверждений). Эти утверждения составляют десять шкал. Для проверки достоверности результатов обследования в методике есть три оценочные шкалы (L, F, K). Таким образом, результаты обследования представлены в виде десяти основных и трех дополнительных шкал. Результаты в пределах 30 – 70 Т – баллов считаются нормой и могут считаться достоверными [21; 23].

Для изучения личностной беспомощности сотрудников УИС интерес представляют только несколько диагностических шкал ММИЛ: вторая шкала «Депрессивные тенденции»; седьмая шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение»; девятая шкала «Отрицание тревоги», так как именно по этим шкалам можно выявить основные показатели личностной беспомощности.

Основными диагностическими показателями личностной беспомощности являются такие критерии, как пессимистический атрибутивный стиль, депрессивность, тревожность, пониженная самооценка. Самостоятельность определяется при противоположных показателях личностной беспомощности. Диагностируются в данном случае не депрессия, тревожность, атрибутивный стиль и самооценка как таковые, а целостная характеристика личности, проявляющаяся в сочетании упомянутых личностных особенностей.

В исследованиях Д.А. Циринг была подтверждена правомерность использования указанных психологических характеристик в качестве диагностических и их взаимосвязь, которая подтверждает, что сочетание приведенных выше показателей диагностирует особый психологический феномен, несводимый к каждому из отдельных показателей [156].

Нами была проведена процедура проверки валидности вышеперечисленных шкал ММИЛ с целью диагностики личностной беспомощности. Выборку для исследования составили студенты факультета психологии и педагогики Челябинского государственного университета. Для проверки валидности использовался корреляционный анализ показателей второй, седьмой и девятой шкал ММИЛ с диагностическими показателями личностной беспомощности: атрибутивный стиль, самооценка, тревожность, депрессивность. Показатели личностной беспомощности диагностировались у студентов традиционными методиками: «Шкала депрессии» (Г.И. Балашова) и «Шкала тревоги» (адаптация Т.А. Немчинова, В.Г. Норакидзе), «Нахождение количественного выражения уровня самооценки» (С.А. Будасси), тест на оптимизм (Л.М. Рудина) [130], представляющий собой вариант адаптации методики ASQ М. Селигмана.

Составляющие вторую шкалу ММИЛ утверждения касаются диагностики таких психических явлений, как неуверенность, тревога, пониженная самооценка, пессимистическая оценка перспективы, депрессивные тенденции.

Так, в результате исследования были обнаружены корреляционные связи между значениями второй шкалы с общим показателем атрибутивного стиля у студентов ($r = -0,794$; $p \leq 0,001$), с уровнем депрессии ($r = 0,665$; $p \leq 0,009$), с показателями самооценки ($r = -0,697$; $p \leq 0,006$), с уровнем тревожности ($r = 0,75$; $p \leq 0,002$). Полученные результаты подтверждают валидность шкалы теста для диагностики уровня тревожности, депрессивных тенденций и пессимистического атрибутивного стиля.

Седьмая шкала включает в себя утверждения, касающиеся диагностики таких показателей, как тревожность, низкая самооценка, неуверенность в себе и в окружающих.

Для проверки валидности седьмой шкалы также использовался корреляционный анализ значений данной шкалы и показателей тревожности, депрессии, самооценки и атрибутивного стиля. В результате были выявлены корреляции между значениями седьмой шкалы с общим показателем атрибутивного стиля ($r = -0,762$; $p \leq 0,002$), с уровнем депрессии ($r = 0,71$;

$p \leq 0,004$), с показателями самооценки ($r = -0,732$; $p \leq 0,003$), с уровнем тревожности ($r = 0,728$; $p \leq 0,003$). Полученные высокие корреляции подтверждают валидность шкалы теста для диагностики уровня тревоги и тревожности, самооценки как основных показателей личностной беспомощности.

Для проверки валидности девятой шкалы с целью диагностики депрессивных тенденций, самооценки, оптимизма также использовался корреляционный анализ. В результате были получены корреляции только между показателями девятой шкалы и значениями атрибутивного стиля ($r = 0,469$; $p \leq 0,09$). Между показателями девятой шкалы ММИЛ и уровня депрессии, тревожности и самооценки корреляционные связи не обнаружены.

Следует отметить, что в результате исследования личностной беспомощности на выборке студентов обнаружены взаимосвязи между показателями второй, седьмой и девятой шкал ММИЛ. Значения второй шкалы ММИЛ имеют положительную высокую корреляцию со значениями по седьмой шкале ($r = 0,617$; $p \leq 0,01$), последняя, в свою очередь, имеет отрицательную корреляционную связь со значениями девятой шкалы ($r = -0,70$; $p \leq 0,005$). При этом показатели девятой шкалы имеют менее выраженные корреляционные связи с показателями второй шкалы ($r = 0,521$; $p \leq 0,05$) [157].

Таким образом, нами было проведено исследование, подтверждающее валидность трех шкал ММИЛ для диагностики личностной беспомощности у сотрудников УИС.

Опишем методики, использованные нами для изучения структурных компонентов личностной беспомощности и самостоятельности у сотрудников УИС.

Методика исследования адаптивных стратегий поведения, разработанная Н.Н. Мельниковой, направлена на выявление индивидуальных предпочтений в выборе стратегий поведения во взаимодействии с социальной средой. В опроснике описаны конкретные проблемные ситуации взаимодействия, для разрешения которых предлагается несколько вариантов стратегий поведения.

Предлагаемые ситуации отобраны таким образом, чтобы стимулировать у испытуемого процесс переживания себя в ситуации [96].

Методика исследования уровня субъективного контроля (УСК), авторы Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд. Методика является прототипом известной шкалы локуса контроля Дж. Роттера. По сравнению со шкалой Дж. Роттера УСК является более многомерной, включает в себя семь диагностических шкал. Все они направлены на изучение типа локализации субъективного контроля личности в разных сферах жизнедеятельности (неудач, достижений, семейных отношений, здоровья, межличностного общения). Всего выделяют два типа локализации субъективного контроля (локуса контроля): экстернальный тип, то есть внешний, и второй – интернальный, то есть внутренний. Если субъект в основном считает себя ответственным за происходящее с ним, то ему свойствен интернальный локус контроля. Экстернальный локус контроля принадлежит субъекту, который не берет ответственность за происходящее с ним на себя и считает, что все происходящие события обусловлены действиями других людей или внешних обстоятельств [5; 11; 125].

Методика исследования мотивации достижения успеха и избегания неудач, предложенная Т. Эллерсом. Методика изучения мотивации избегания неудач позволяет выявить степень выраженности у человека потребности избежать неудачных последствий своей активности и страха за возможное развитие событий.

Люди, мотивированные на успех, ставят перед собой цели, достижение которых однозначно расценивается ими как успех. Они отличаются потребностью, стремлением добиться успеха в различных видах деятельности, решительностью, желанием получить одобрение за действия, которые направлены на достижение целей [95; 151]. Совершенно по-другому ведут себя люди, мотивированные на избегание неудач. Для них выраженная цель в деятельности заключается в том, чтобы избежать неудачи. Они проявляют неуверенность в себе, беспокойство, боятся критики, не испытывают удовольствия от деятельности [117; 118; 125].

Краткий ориентировочный тест (КОТ), авторы В.Н. Бузин и Э.Ф. Вандерлик.

Данная методика направлена на изучение когнитивной сферы личности. Получаемый в итоге общий интегральный показатель отражает общие умственные способности, отражающиеся в познавательной активности и возможностях усвоения новых знаний, действий, сходных форм деятельности субъекта (Зейгарник, 1976) [65]. Общий показатель является многомерным. Вопросы теста включают в себя диагностику таких показателей интеллекта, как способность обобщения и анализа материала, гибкость мышления, инертность мышления, эмоциональные компоненты мышления, скорость и точность восприятия, грамотность, пространственное воображение, математические способности. Данные показатели формируют общий показатель интеллектуальных способностей, но давать количественную оценку каждому фактору в рамках теста не рекомендуется [106].

Методика экспертной оценки проявления беспомощности в поведении и деятельности (Е.А. Евстафеева, В.С. Красник). Экспертами выступили непосредственные руководители сотрудников, а также их коллеги и подчиненные, психологи учреждения, в которых работают оцениваемые сотрудники.

В результате анализа научной литературы было выделено несколько критериев, по которым возможно обнаружить существенные различия в поведении и деятельности между «беспомощными» и «самостоятельными». Эти критерии включались в вопросы, ориентированные на оценку успешности деятельности, взаимоотношений с коллегами, поведения при выполнении обязанностей, при принятии решения, участия в делах коллектива, поведения в конфликте. Низкие средние оценки указывают на характеристики личностной беспомощности у сотрудников, высокие оценки свидетельствуют о признаках самостоятельности в поведении и деятельности сотрудников. Максимальный возможный балл при оценке сотрудников – 2 балла, минимальный балл – (-2). Бланк экспертной оценки представлен в приложении 2.

В группу методов исследования правосознания сотрудников УИС вошли следующие методы.

1. Методика «Правосознание сотрудников УИС» (Е.А. Евстафеева, В.С. Красник).
2. Методика изучения обыденного правосознания (Л.А. Ясюкова).
3. Анкета «Уровень правового развития» (О.А. Гулевич).
4. Методика изучения эмоционального отношения (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд).
5. Методика профессиональных понятий (С.В. Горностаев).
6. Анализ дисциплинарной практики сотрудников УИС посредством контент-анализа личных дел сотрудников и экспертных оценок.

Методика «Правосознание сотрудников УИС» (Е.А. Евстафеева, В.С. Красник). Методика включает в себя 27 вопросов, каждый из которых направлен на изучение правосознания сотрудников УИС. Методика на сегодняшний день может быть инструментом диагностики только особенностей правосознания у сотрудников УИС.

С целью подготовки методики было проведено пилотажное исследование в форме опроса. Испытуемыми являлись сотрудники отдела охраны, отдела безопасности, отдела по воспитательной работе, режимного отдела. Объем выборки составил 405 человек. Сотрудникам раздавались бланки с инструкциями, в которых им предлагалось ответить на вопросы.

В основе методики заложена пятибалльная шкала Лайкерта – варианты ответов от «полностью согласен» до «полностью не согласен». По степени согласия респондентов с различными утверждениями оценивались компоненты правосознания сотрудников УИС. Вопросы методики прошли проверку на надежность по внутренней согласованности, что является показателем однородности заданий для оценки изучаемого качества [35; 36; 49]. Полученный коэффициент надежности равен 0,84 (альфа Кронбаха). Также через три месяца методика была проведена повторно с целью проверки ее надежности (показатель

ретестовой надежности $r=0,76$; $p=0,05$). Бланк с вопросами методики представлен в приложении (приложение 2).

Теоретической основой разработанной методики для изучения компонентов правосознания сотрудников УИС стала модель функциональной структуры правосознания, предложенная А.Р. Ратиновым [63; 123].

Проявления познавательной, оценочной, регулятивной функции правосознания изучались через ответы испытуемых на серию вопросов об интересе к деятельности правовой системы, правовой информации, об оценке необходимости соблюдения закона в целом, в отношении осужденных, в частности, эффективности системы исполнения наказаний, о качестве реализации закона. Изучалось эмоциональное отношение к закону, чувства, возникающие при соблюдении или нарушении закона, справедливость системы исполнения наказаний, оценка моральных и профессиональных качеств сотрудников УИС. Изучалась готовность реализации правовых норм, готовности получать правовую информацию.

Представим результаты факторного анализа, на основании которых выделены основные шкалы методики. Каждая шкала представляет собой фактор, который является латентной причиной взаимосвязи нескольких переменных, характеризующих правосознание сотрудников УИС.

Первый этап заключался в оценке пригодности данных для факторного анализа. Данные для факторного анализа – это значения 27 переменных для каждого испытуемого. Переменными, по сути, являются 27 вопросов, составленных нами для опроса сотрудников. Пригодными для факторного анализа считаются данные, где мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина (К-М-О) превышает значение 0,5 и где критерий Бартлетта должен быть значимым (А.Д. Наследов, 2008). В нашем случае мера выборочной адекватности К-М-О = 0,78 и значение критерия Бартлетта статистически значимое ($\chi^2 = 1776,47$; $p=0,00$). Данные, полученные в результате опроса сотрудников, являются пригодными для факторного анализа.

Следующий этап факторного анализа заключался в решении проблемы числа факторов. Применялся критерий отсеивания Р. Кеттелла и критерий Кайзера – величины собственного значения фактора, большего 1. Максимально возможное число факторов после анализа главных компонент (Principal Components) составило 9.

Третий этап заключался в факторизации матрицы интеркорреляций. Основным методом факторизации был метод максимального правдоподобия (Maximum likelihood). Метод направлен на уменьшение разности исходных и вычисленных корреляций между признаками. Этот метод позволил получить важный показатель полноты факторизации по распределению остаточных коэффициентов корреляции – статистическую оценку «качества подгонки». Мерой качества являлась оценка различия исходных и вычисленных коэффициентов корреляции по χ^2 – критерию, значимость которого определяется в зависимости от числа факторов и количества переменных. Отклонение исходных и вычисленных корреляций должно быть статистически не значимым по χ^2 -критерию. Статистическая значимость позволяет судить о том, достаточное ли количество факторов выделено. В результате при девятифакторном решении статистическая значимость составляет $p = 0,07$ ($\chi^2 = 169,9$). Полученный результат свидетельствует в пользу выбора девятифакторного решения. Результатом данного этапа стала факторная структура до вращения.

Четвертый этап заключался во вращении факторов и их предварительной интерпретации. В качестве аналитического метода вращения факторов был выбран варимакс-вращение (Varimax normalized). В результате вращения достигнута факторная структура, наиболее доступная для интерпретации при данном соотношении переменных и факторов. Интерпретация факторов производилась по таблице факторных нагрузок после вращения. Полученная факторная структура после вращения приведена в приложении 2. Далее по каждому фактору выписывались обозначения переменных, имеющих наибольшие нагрузки по этому фактору. При этом учитывался знак факторной нагрузки. Полученная на данном этапе суммарная доля дисперсии (информативность)

факторов 54 % – более половины, что считается приемлемым результатом (приложение 2). Это показатель того, насколько полно выделяемые факторы могут представить данный набор признаков (выделяемые факторы). На основе данных, полученных с помощью факторного анализа, было выявлено 9 основных латентных переменных, скрытых за взаимосвязью 27 переменных. Результаты факторного анализа послужили основанием для выделения девяти основных шкал методики, каждая из которых включает в себя наиболее согласованные между собой показатели компонентов правосознания сотрудников. Подробное описание полученной факторной структуры приведено в параграфе 3.3 настоящей работы.

При оценке результатов, полученных с помощью авторской методики «Правосознание сотрудников УИС», учитывалось значение среднего, стандартное отклонение и нормальность распределения по каждому показателю теста. Значения больше среднего по каждой шкале оценивались как выше среднего или высокие. Соответственно, значения меньше среднего по каждой шкале оценивались как ниже среднего и низкие. Максимальный балл, который мог получить испытуемый – 5, минимальный – 0 баллов.

Методика изучения правосознания Л.А. Ясюковой. Методика направлена на оценку сформированности правового самосознания и готовности субъекта придерживаться правовых норм в профессиональной деятельности и межличностных отношениях. Методика разрабатывалась на протяжении серии экспериментальных исследований правового сознания на различных по социально-демографическим и статусно-профессиональным характеристикам группах городского населения.

Методика включает в себя 13 вопросов, на которые предлагается три варианта ответа (приложение 2). Один ответ отражает ориентацию на правовые нормы, другой – на эмоциональные групповые (возрастные, национальные, статусные и пр.) или абстрактно-гуманистические нормы, третий предлагается для тех, кто не может четко определиться в выборе и выражает некую «промежуточную» позицию.

В методике сформированы три блока, позволяющие получить информацию о функции правосознания в трех сферах жизнедеятельности.

1. Бытовая сфера, включает в себя 2 шкалы:

- 1-я шкала. Законопослушное поведение – правовой нигилизм;
- 3-я шкала. Признание равноправия различных менталитетов – монокультурная позиция.

2. Социально-гражданская сфера, включает в себя 2 шкалы:

- 4-я шкала. Наличие правовых знаний – инфантилизм правовых представлений;
- 5-я шкала. Гражданская самостоятельность (социальная зрелость) – социальный инфантилизм (беспомощность).

3. Профессионально-деловая сфера, включает в себя 2 шкалы:

- 2-я шкала. Ориентация в профессиональной деятельности на трудовое законодательство – ориентация на личные взаимоотношения;
- 6-я шкала. Ориентация на деловую компетентность – ориентация на моральные качества представителей власти.

Данная методика позволяет выделить четыре уровня развития правосознания:

- 1) правовой нигилизм;
- 2) уровень противоречивого и неполноценного правового сознания;
- 3) уровень в основном сформированного правосознания;
- 4) уровень полностью сформированного правосознания.

Максимальный балл, указывающий на высокий уровень правосознания – 26, минимальный – 0. Отдельно по каждой шкале уровень оценивался от 0 до 8 баллов [167].

Анкета «Уровень правового развития» (О.А. Гулевич). Для изучения особенностей правосознания сотрудников УИС также использовалась анкета, разработанная О.А. Гулевич на основе теста незаконченных предложений. В зависимости от типа ответа определялся уровень правового развития сотрудника УИС через оценку представлений о функциях закона и условиях его исполнения,

согласие с конкретными правовыми нормами, эффективности системы исполнения наказаний.

Основанием для оценки уровня правового развития стала модель правового развития, предложенная Дж. Тапп и Ф. Левином (1977). Авторы выделили три уровня правового развития: правопослушание – низкий уровень, правоподдержание – средний уровень, правотворчество – высокий уровень.

Подробно данная теоретическая концепция рассмотрена в параграфе 1.1.

Анкета состоит из четырех вопросов-утверждений (Приложение 2). Каждое утверждение представляет собой незаконченное предложение с четырьмя вариантами завершения (ответа). Три варианта ответа отражают определенный уровень развития правосознания, четвертый вариант предполагает собственную точку зрения респондента на утверждение. В итоге четвертый вариант ответа испытуемого, в зависимости от его содержания, относят к одному из трех уровней правового развития в соответствии с теоретической моделью правового развития Дж. Тапп, Ф. Левина [53].

Методика изучения профессиональных понятий. Оригинальная методика направлена на изучение структуры профессионального понятийного аппарата сотрудников исправительных учреждений УИС (автор С.В. Горностаев) [48]. В нашем исследовании методика использовалась для изучения содержания и уровня развития, качества правового понятийного аппарата как показателя когнитивного компонента правосознания сотрудников УИС. Методика состоит из двух блоков. Первый блок оценивает качество и развитие правовых понятий по нескольким параметрам: объем понятий, адекватность, соблюдение правил образования понятия, второй блок – содержание правового понятийного аппарата испытуемых. Развитость оценена для каждого понятия по шкале от 0 до 3 баллов: значимые признаки не включены в понятие (0), включен только основной признак (1), включено большинство значимых признаков (2), включены все значимые признаки (3). Качество понятий также оценивалось по шкале от 0 до 3, которая складывалась из оценок (1 или 0) по следующим параметрам: объем – оптимален (1) или неоптимален (0) (недостаточен (включены не все существенные признаки)

или избыточен (включены излишние признаки)); адекватность наличие (0) или отсутствие (1) неадекватных признаков в понятии; соблюдение (1) или несоблюдение (0) в дефиниции правил образования понятия (правила деления объема понятия и др.), дача общих определений или подмена понятий конкретными примерами). Адекватность и объем соединены как составляющие качества в связи с тем, что эти характеристики зачастую обратно зависимы - чем меньше объем понятия, тем меньше вероятность включения в него неадекватных свойств. Испытуемые получал наивысший балл только когда понятие приведено в общем виде, в оптимальном объеме, в число существенных признаков не включены несущественные или ошибочные признаки. Оценки, полученные за отдельные понятия (по развитости и качеству) складывались, давая общую оценку испытуемых по данным шкалам от 0 до 9 за развитость и качество. По второму блоку баллы не суммировались, так как проводился качественный анализ. В оценку содержания понятийного аппарата сотрудников УИС вошли: а) принадлежность приведенных понятий к одному из источников профессионализации: предметно-целевые, технологические, институциональные и комплексные; б) принадлежность приведенных понятий к выделенным сферам профессиональной деятельности: 1) режимно-оперативная 2) юридическая деятельность, 3) организационно-управленческая деятельность, 4) психологическая деятельность, 5) педагогическая деятельность, 6) деятельность по оказанию помощи в работе другим правоохранительным органам ОВД, прокуратуры, суда, вышестоящим инстанциям, не связанная прямо с задачами ИУ (внешне-вспомогательная деятельность); в) принадлежность приведенных понятий к одной из групп определяемых средой и направленностью деятельности: общетюремные, общепрофессиональные и специально-профессиональные; г) понятия теоретико-эмпирического и эмпирического происхождения. По каждой шкале испытуемый мог получить оценку от 0 до 3 баллов соответственно числу приведенных правовых понятий, отнесенных к той или иной категории. Эти оценки и отображали содержание понятийного аппарата. Затем показатели в процентах от общего числа понятий [48]. Для сравнительного анализа были взяты

из юридического словаря определения таких понятий, как «личные права и свободы», «закон», «правонарушение» [27].

Методика изучения эмоционального отношения. Цветовой тест отношений (ЦТО) является диагностическим методом для изучения эмоциональных компонентов отношений личности. Авторы теста Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд (1985). В основу методики заложена концепция отношений В.Н. Мясищева, представления об образной структуре психики (Б.Г. Ананьев), о чувственно-смысловых образах личности (А.Н. Леонтьев) [6; 87]. В тесте используются восемь цветных карточек, заимствованных из восьмицветового варианта теста Люшера. Методической основой теста является цветоассоциативный эксперимент, базирующийся на предположении отражения существенных характеристик невербальных компонентов отношений к значимым другим и к самому себе в цветовых ассоциациях к ним. Каждый из цветов обладает устойчивым и определенным эмоциональным значением. Данная методика позволила оценить эмоциональное отношение испытуемых к таким категориям, как право, норма, закон, правонарушение.

Анализ дисциплинарной практики сотрудников УИС, результаты которого использовались в качестве показателя правосознания сотрудников УИС в практической деятельности. Сотрудники были разделены на две группы на основе результатов анализа их личных дел и экспертных оценок руководителей и психологов исправительных учреждений: 1) сотрудники, имеющие в своей трудовой практике отмеченные нарушения в служебной дисциплине: невыход на службу без уважительной причины, появление на службе в нетрезвом состоянии и с остаточными признаками алкогольного опьянения; грубость с осужденными, применение силы без законных оснований; превышение служебных полномочий; 2) сотрудники, не имеющие зафиксированных нарушений служебной дисциплины и психологически не склонные к ним (не включенные в группу риска).

2.3. Методы статистической обработки результатов

В отдельную группу методов вошли методы математической обработки данных, которые использовались на протяжении всех этапов исследования. Приведем описание и обоснование используемых в исследовании методов математической статистики.

Первичные описательные статистики использовались с целью замены множества значений переменных, измеренных на выборке испытуемых, одним числом (средним значением как мерой центральной тенденции) [100].

Параметрический критерий t -Стьюдента предполагает сравнение средних значений двух независимых выборок по признаку, измеренному в метрической шкале. Требования к использованию критерия: две выборки, независимые друг от друга; распределение признака в обеих выборках соответствует нормальному; дисперсии в обеих выборках примерно одинаковы.

Критерий F -Фишера как параметрический метод использовался для сравнения дисперсий двух выборок в случае сравнения средних для независимых выборок с помощью критерия t -Стьюдента.

В работе использовались непараметрические методы сравнения средних значений как аналоги параметрическим методам.

Критерий U -Манна-Уитни самый популярный и чувствительный аналог критерия t -Стьюдента для двух независимых выборок. Эмпирическое значение критерия U -Манна-Уитни показывает, насколько пересекаются два ряда значений измеренного признака. Отсюда чем меньше совпадений, тем больше различий между рядами.

Непараметрический метод сравнения **критерия H -Краскала-Уоллеса** позволяет обнаружить различия более двух выборок по уровню выраженности изучаемого признака, оценивает степень совпадений нескольких рядов значений измеренного признака.

Критерий T -Вилкоксона основан на упорядочивании величин разностей значений признака в каждой паре его измерений. T -критерий основан на ранжировании абсолютных разностей пар значений зависимых выборок. Чем

меньше эмпирическое значение T , тем больше различия между зависимыми выборками [100; 133].

Анализ таблиц сопряженности применялся для решения задачи сравнения двух распределений между собой. Таблица сопряженности включает в себя строки – градации одной номинативной переменной, столбцы – градации другой номинативной переменной. В исследовании использовались таблицы 2×2 (по две градации для каждой переменной). В данном случае испытуемые классифицированы по двум различным дихотомическим основаниям и для сравнения используются **критерий χ^2 -Пирсона**.

Дискриминантный анализ применялся как метод прогнозирования и позволил решить следующие задачи в работе: предсказание зависимой переменной, которой является номинативный признак; определение того, какие независимые переменные лучше всего подходят для предсказания зависимой переменной.

Факторный анализ использовался в работе для анализа корреляций множества признаков. Основные задачи, которые позволил решить факторный анализ: 1) обнаружить структуру взаимосвязей переменных. Каждая группировка взаимосвязанных переменных определяется фактором, по которому эти переменные имеют максимальные нагрузки; 2) идентификация факторов как скрытых причин взаимосвязи исходных переменных; 3) вычисление значений факторов для испытуемых как новых переменных.

В нашей работе использовались два метода факторного анализа. Во-первых, использовался *метод главных компонент (Principal Components)*. Следует обратить внимание на недостаток метода – факторная структура искажается в сторону преувеличения абсолютных величин факторных нагрузок, в итоге мы получаем грубое решение о возможном числе факторов. Во-вторых, использовался *метод максимального правдоподобия (Maximum likelihood)*, который направлен на уменьшение разности исходных и вычисленных корреляций между признаками. Метод позволяет получить важный показатель полноты факторизации – статистическую оценку «качества подгонки» [100].

Таким образом, в работе использовался адекватный целям и задачам исследования, валидный и надежный психодиагностический инструментарий. Применялись методы математической статистики для обработки полученных данных.

Выводы по второй главе

Во второй главе представлено описание организации и методов исследования личностной беспомощности и правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Эмпирическое исследование проводилось на базе исправительных учреждений Челябинской и Курганской областей с 2007 по 2013 год. Выборку для исследования составили сотрудники отделов безопасности, воспитательной работы, охраны и режимной службы.

В качестве основных эмпирических методов исследования использовались: метод тестирования, анализ личных дел, экспертные оценки, которые были разделены на две группы: методы исследования правосознания; методы исследования личностной беспомощности. Методики исследования подбирались исходя из специфики изучаемых явлений и на основе изучения теоретической и психодиагностической литературы.

В работе применялись математические методы для обработки данных, включающие в себя показатели первичной описательной статистики, методы анализа номинативных данных (анализ таблиц сопряженности, χ^2 -Пирсона), непараметрические методы сравнения выборок (критерий U-Манна-Уитни, критерий T-Вилкоксона), параметрические методы сравнения двух выборок (критерий t-Стьюдента, критерий F-Фишера), многомерные методы анализа данных (дискриминантный анализ, факторный анализ).

Адекватные целям и задачам работы методы и методики обеспечили достоверность полученных результатов эмпирического исследования.

Глава 3. Исследование правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками

3.1. Анализ результатов исследования интегративных личностных характеристик (самостоятельности и личностной беспомощности) у сотрудников УИС

Определение личностной беспомощности позволяет изучить ее, с одной стороны, как характеристику личности, в основе которой целостный комплекс личностных особенностей, а с другой стороны, как качество субъекта, определяющее низкий уровень субъектности: снижение успешности в деятельности, пассивность в поведении, трудности во взаимоотношениях с окружающими [156, с.190]. В соответствии с указанным пониманием феномена личностной беспомощности была обозначена логика его исследования.

На этапе исследования личностной беспомощности у сотрудников УИС при поступлении на службу в пенитенциарные учреждения принимали участие 670 сотрудников пенитенциарных учреждений.

Первым шагом в нашем исследовании стала классификация множества испытуемых на различающиеся группы. Для начала была определена мера

центральной тенденции, которая позволяет компактно описать группы испытуемых, определяя числа, характеризующие выборку по уровню выраженности измеренных показателей личностной беспомощности, и в дальнейшем интерпретировать результаты измерений. В качестве меры центральной тенденции было выбрано среднее значение, так как выполнялись условия для сравнения средних значений переменных. Используя критерий Z – Колмогорова-Смирнова, полученные значения по всем переменным прошли проверку на нормальность распределения (Приложение 1, табл.1).

В приложении 1 (табл. 1) приведены результаты первичной описательной статистики средних значений по основным показателям личностной беспомощности у всех сотрудников УИС мужского и женского пола при поступлении на службу в исправительные учреждения (данные первого среза).

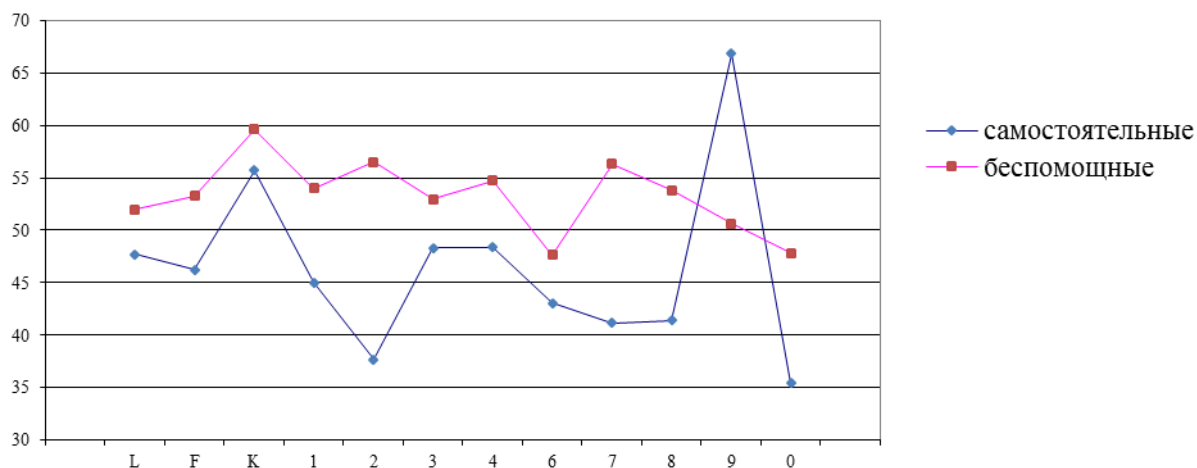
В результате полученных данных по методике ММИЛ при поступлении на службу выделены группы испытуемых с различными средними значениями по трем шкалам (2, 7, 9), определяющими личностную беспомощность и противоположные ей признаки, то есть самостоятельность (приложение 1, табл.2). С помощью критерия Н-Краскала-Уоллиса установлены различия между группами испытуемых по уровню исследуемых признаков. Уровень признака изменяется при переходе от группы к группе (приложение 1, табл. 2). Полярные значения наблюдаются в 1-й и 2-й группах испытуемых. Высокие значения тревоги, тревожности, пониженной самооценки, пессимистической оценки ситуации и перспективы, депрессивных тенденций, неуверенности в себе, сниженной активности наблюдаются в 1-й группе (+2; +7; -9), а низкие значения перечисленных признаков – во 2-й группе (-2; -7; +9). Остальные группы – с промежуточными значениями.

Следует отметить, что сравнительный анализ показателей личностной беспомощности сотрудников мужского и женского пола с признаками личностной беспомощности и признаками самостоятельности не показал значимых различий (приложение 1, табл. 2). Эти данные согласуются с результатами, полученными Д.А. Циринг. В ее исследованиях было установлено, что различия в

выраженности личностной беспомощности не связаны с биологическим полом [156, с. 311].

На основании полученных данных были выделены группы сотрудников при поступлении на службу с признаками личностной беспомощности (N=115; ср.возраст – 30; std.откл. – 7,9) и противоположная ей группа сотрудников с признаками самостоятельности (N=127; ср.возраст – 30,4; std.откл – 6,9), остальные группы – с промежуточными результатами. Следует также отметить две группы с большой численностью сотрудников, имеющих промежуточные результаты. Это третья группа сотрудников, которая получила название «активисты» (N=113; ср.возраст – 30,7; std.откл. – 6,5), и четвертая группа, получившая название «реалисты» (N=121; ср.возраст – 31,4; std. откл. – 7,04). Сотрудники, вошедшие в группу «активисты», имеют высокие значения по всем трем шкалам ММИЛ, диагностирующим личностную беспомощность. Сотрудники, вошедшие в группу «реалисты», имеют по второй, седьмой и девятой шкалам ММИЛ низкие значения.

Таким образом, 17 % сотрудников Челябинской и Курганской областей приходят на службу в исправительные учреждения с признаками личностной беспомощности (из 670 сотрудников мужского и женского пола). У сотрудников с признаками личностной беспомощности (далее – «беспомощные») наблюдается выраженное повышение профиля на второй и седьмой шкалах и выраженное понижение на девятой шкале (рис. 3.1). В другой группе сотрудников, именуемых как «самостоятельные» (19 %), наблюдаются противоположные значения по второй, седьмой и девятой шкалам (рис. 3.1).

Условные обозначения:

L – шкала «Социальное одобрение».

F – шкала «Искажение результатов»

K – шкала «Отрицание трудностей».

1 – шкала «Соматизация тревоги».

2 – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

3 – шкала «Вытеснение факторов, вызывающих тревогу».

4 – шкала «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении».

6 – шкала «Ригидность аффекта».

7 – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

8 – шкала «Аутизация».

9 – шкала «Отрицание тревоги».

0 – шкала «Социальные контакты».

Рис. 3.1. Профиль сотрудников УИС при поступлении на службу с признаками личностной беспомощности и самостоятельности

Выраженное повышение профиля у сотрудников УИС на второй шкале может быть проявлением как тревоги, так и депрессии.

Личность, профиль которой характеризуется главным образом повышением на второй шкале, может восприниматься окружающими как пессимистичная, замкнутая, молчаливая, застенчивая или чрезмерно серьезная, однако в действительности испытывающая потребность в глубоких и прочных контактах с окружающими. Если система установившихся связей с другими людьми нарушается, то такая ситуация воспринимается ею как катастрофическая и может привести к глубокой депрессии.

Пик профиля на второй шкале сохраняется, если тревога устраняется при нарастании депрессии. Депрессия в данном случае может рассматриваться как устранение фрустрации, вызвавшей тревогу, за счет снижения уровня побуждения через обесценивание исходной потребности.

Характер профиля при поступлении на службу в исправительные учреждения у сотрудников с личностной беспомощностью указывает на преобладание у них депрессивных тенденций над тревогой. Об этом также свидетельствует снижение профиля сотрудников на девятой шкале «Отрицание тревоги» (рис. 3.1).

Низкие значения профиля на второй шкале отмечаются у сотрудников с признаками самостоятельности (далее – «самостоятельные»). У них низкий уровень тревоги, они характеризуются как активные, общительные (рис. 3.1).

У «беспомощных» сотрудников наблюдается высокий профиль на седьмой шкале, что свидетельствует о наличии у них тревожности, неуверенности в себе, пониженной самооценки и стремлении избежать вероятных опасностей (рис. 3.1). Сотрудники характеризуются низкой способностью к вытеснению. Они обращают внимание даже на несущественные факты. Постоянную тревожность еще больше усиливает ситуация, которая не представляется достаточно определенной. Чем сильнее выражена тревожность, тем меньше способность выделять существенные факты. Это обуславливает наличие сомнения, беспомощность при принятии решения, тревогу и страхи по поводу возможных последствий. Поэтому сотрудники стремятся держаться известного направления.

Низкие значения по седьмой шкале отмечаются у «самостоятельных» сотрудников. Для них характерна решительность, гибкость поведения и низкий уровень тревожности, отсюда уверенность при необходимости принимать решения.

Вызывает интерес в профиле сотрудников с личностной беспомощностью сочетание пиков на второй и седьмой шкалах. Такой тип профиля указывает на более выраженные и стабильные депрессивные состояния в сочетании с постоянной внутренней напряженностью и тревогой.

Наблюдаемое у «беспомощных» сотрудников снижение профиля на девятой шкале (рис. 3.1) свидетельствует о сниженной продуктивности, инициативе, об ощущении подавленности в сочетании с пессимистичной окраской ситуации и перспективы.

Сотрудники УИС с умеренным повышением профиля на девятой шкале характеризуются оптимистичностью, общительностью, способностью к высокой активности, непринужденностью в общении. Для лиц этого типа характерны: эмоциональная яркость, умение испытывать удовольствие от жизни, отсутствие приверженности к жесткой схеме. Описанные характеристики соответствуют психологическому портрету самостоятельного субъекта в рамках концепции личностной беспомощности [156, с.133].

В результате корреляционного анализа на выборке сотрудников УИС обнаружены взаимосвязи между показателями второй, седьмой и девятой шкал ММИЛ. Значения второй шкалы ММИЛ имеют положительную высокую корреляцию со значениями по седьмой шкале ($r = 0,522$; $p \leq 0,001$), последняя, в свою очередь, имеет корреляционную связь со значениями девятой шкалы ($r = 0,180$; $p \leq 0,001$). При этом показатели девятой шкалы имеют отрицательные корреляционные связи с показателями второй шкалы ($r = -0,133$; $p = 0,001$), то есть повышение показателей по второй шкале одновременно сопровождается понижением на девятой, и наоборот. Полученные результаты свидетельствуют о совместной изменчивости и единстве трех переменных, выступающих в качестве диагностических критериев личностной беспомощности.

Таким образом, сотрудники с личностной беспомощностью при поступлении на службу в исправительные учреждения характеризуются пессимистической оценкой ситуации и перспектив, повышенной тревожностью, депрессивными тенденциями, заниженной самооценкой и сниженной активностью.

Рассмотрим результаты исследования динамики показателей личностной беспомощности у сотрудников УИС. Предполагается, что личностная беспомощность может формироваться у сотрудников в процессе профессиональной деятельности, которая отличается неблагоприятными условиями. Особенно устойчивыми и выраженными показатели беспомощности будут у сотрудников со сформированной личностной беспомощностью. Метод

сравнения показателей личностной беспомощности у сотрудников при поступлении на службу и через пять лет позволил подтвердить нашу гипотезу.

В 2007 г. из 670 сотрудников были отобраны лица со стажем менее пяти лет. Среди них выделены сотрудники с личностной беспомощностью, с самостоятельностью, а также две группы с промежуточными показателями: «активисты», «реалисты». В итоге были сформированы четыре экспериментальные группы. В 2009 г. на этих группах была проведена повторная диагностика показателей личностной беспомощности с помощью того же инструментария (ММИЛ). В качестве метода математической обработки данных использовался непараметрический метод сравнения двух зависимых выборок (критерий Т-Вилкоксона). Полученные результаты представлены в таблице 3.1.

Таблица 3.1

Показатели личностной беспомощности у сотрудников УИС к пяти годам работы

Шкалы ММИЛ	Первый срез	Второй срез	Т	р
	Среднее значение			
«Беспомощные»				
Тревога и депрессивные тенденции (2-я шкала)	55,0	51,5	-1,24	0,21
Фиксация тревоги и ограничительное поведение (7-я шкала)	58,58	56,0	-0,29	0,76
Отрицание тревоги (9-я шкала)	48,33	53,1	-1,22	0,22
«Самостоятельные»			Т	р
Тревога и депрессивные тенденции (2-я шкала)	37,25	41,25	-2,24	0,02
Фиксация тревоги и ограничительное поведение (7-я шкала)	42,00	48,68	-1,95	0,05
Отрицание тревоги (9-я шкала)	65,19	64,18	-0,74	0,45

Условные обозначения:

N=52 («беспомощные»).

N=52 («самостоятельные»).

р – уровень значимости.

Т – критерий Вилкоксона.

Как видно из данных, представленных в таблице 3.1, показатели депрессивных состояний, пониженной самооценки, сниженной активности и пессимизма у сотрудников с личностной беспомощностью во втором полученном профиле (после пяти лет работы) не изменились и значимо не отличаются от первого профиля ($p \geq 0,1$). У «беспомощных» сотрудников не были обнаружены различия между первичными показателями личностной беспомощности, выявленными при поступлении на службу, и данными, полученными у сотрудников после пяти лет работы в исправительных учреждениях (табл. 3.1). При этом выявлены различия между двумя профилями «беспомощных» сотрудников по некоторым другим шкалам ММИЛ (рис. 3.2). Появился пик профиля на первой шкале, который отсутствовал у сотрудников при поступлении на службу, также прослеживается увеличение профиля на четвертой и седьмой шкалах и спад на второй шкале, что свидетельствует о снижении депрессивных тенденций. Отметим, что при поступлении на службу в исправительные учреждения для «беспомощных» сотрудников были характерны депрессивные состояния в сочетании с тревогой.

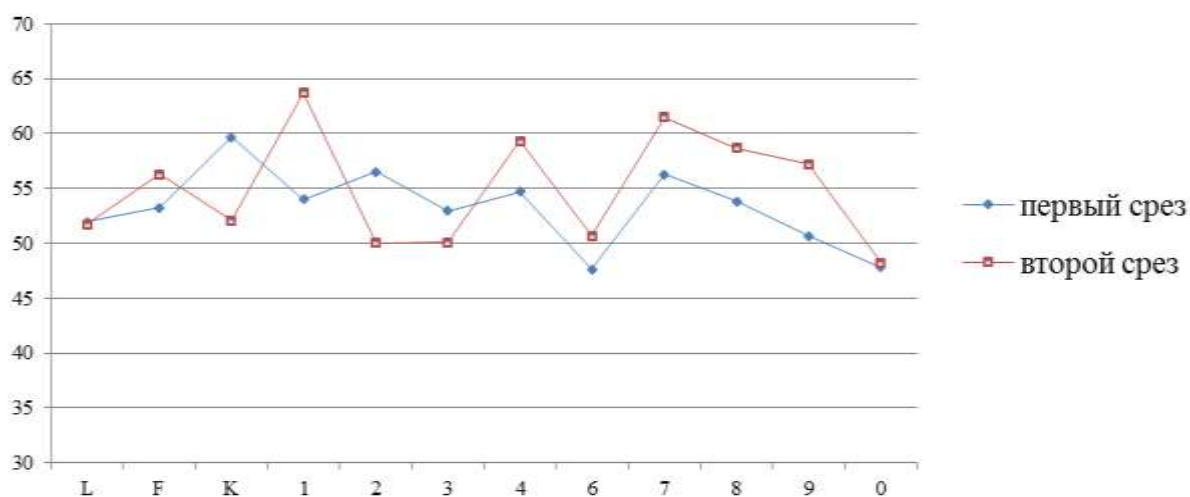
У «самостоятельных» сотрудников картина наблюдается иная. Уровень выраженности депрессивных состояний у «самостоятельных» сотрудников во втором профиле значимо выше, чем в первом ($T = -2,24$; $p = 0,02$), значимо выше уровень личностной тревожности ($T = -1,95$; $p = 0,05$).

«Самостоятельные» сотрудники, которые характеризовались низким уровнем тревожности, отсутствием депрессивных тенденций при поступлении на службу в УИС, через пять лет обнаруживают в профиле личности увеличение тревожности, пессимистичности, депрессивных тенденций, неуверенности в себе, понижение самооценки. Следует отметить тот факт, что на фоне повышенной тревожности и депрессивных тенденций уровень активности у данных сотрудников сохранился на высоком уровне.

По мнению Ф.Б. Березина, высокая активность обуславливает стремление к действиям, подчас непродуманным, а высокая тревожность выражается в последующем тщательном анализе совершенных действий, в сомнениях по

поводу правильности поступка. В экстремальных условиях это может приводить к хаотическому поведению [21; 23].

Исходя из полученных данных, подтверждается предположение о влиянии условий профессиональной деятельности УИС на формирование беспомощности у сотрудников.

Условные обозначения:

L – оценочная шкала «Социальное одобрение».

F – оценочная шкала «Искажение результатов»

K – оценочная шкала «Отрицание трудностей».

1 – шкала «Соматизация тревоги».

2 – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

3 – шкала «Вытеснение факторов, вызывающих тревогу».

4 – шкала «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении».

6 – шкала «Ригидность аффекта».

7 – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

8 – шкала «Аутизация».

9 – шкала «Отрицание тревоги».

0 – шкала «Социальные контакты».

Рис. 3.2. Профили сотрудников с признаками личностной беспомощности при поступлении на службу (первый срез) и через пять лет (второй срез)

Результаты исследования в двух других основных группах («активисты», «реалисты») представлены в приложение 1 (табл. 4, 5).

В группе сотрудников «активисты» полученные результаты свидетельствуют об отсутствии изменений показателей личностной беспомощности. Значения по трем шкалам ММИЛ первого профиля значимо не отличаются от значений этих же шкал во втором профиле ($p \geq 0,1$). В данной

группе наблюдаются высокие значения пессимистической оценки перспектив, депрессивные тенденции, высокий уровень личностной тревожности. Этим они похожи на сотрудников с личностной беспомощностью. Основное отличие от «беспомощных» сотрудников заключается в уровне активности. Высокая активность в сочетании с тревожностью приводит к тщательной оценке совершенного действия, наличию сомнения в его правильности. У этих сотрудников легко возникает чувство вины и сожаления в связи с уже минувшей ситуацией, но это не меняет их поведения в будущем.

Как видно из полученных данных (приложение 1, табл. 5), существуют значимые различия в уровне выраженности показателей личностной беспомощности в первом профиле и во втором у сотрудников, вошедших в группу «реалисты». Значимые различия обнаружены по показателям второй шкалы «Тревога и депрессивные тенденции» и девятой шкалы ММИЛ «Отрицание тревоги». Более высокие показатели тревоги, заниженной самооценки, пессимистической оценки перспективы, а также высокая активность наблюдаются у сотрудников во втором профиле.

Как утверждает Ф.Б. Березин, высокий уровень побуждений и активности может сопровождаться не оптимизмом, а более или менее выраженным ощущением угрозы [23].

Обнаруженные на уровне статистической тенденции различия в показателе седьмой шкалы свидетельствуют о повышении уровня личностной тревожности у сотрудников «реалистов» во втором профиле, чем в первом при поступлении на службу.

Таким образом, мы можем утверждать, что существует динамика показателей личностной беспомощности у сотрудников в процессе работы в пенитенциарных учреждениях. У «самостоятельных» сотрудников наблюдается тенденция к увеличению показателей тревоги, личностной тревожности, депрессии, пессимистической оценки ситуации и перспектив, снижению самооценки с сохранением уровня активности. Увеличение некоторых показателей личностной беспомощности может возникать на фоне тщательной

оценки действий, которые совершаются сотрудниками в условиях профессиональной деятельности. Но в дальнейшем эти действия подвергаются сомнению в их правильности (возможно, под влиянием факторов профессиональной деятельности), при этом само поведение остается активным.

Во всех четырех сравниваемых группах у испытуемых наблюдается либо сохранение высоких значений тревоги, личностной тревожности, пессимизма, низкой самооценки, либо их увеличение.

Представим результаты исследования структуры личностной беспомощности, особенностей ее компонентов, а также проявления личностной беспомощности в поведении и деятельности сотрудников. Четырехкомпонентная структура личностной беспомощности состоит из взаимосвязанных между собой эмоционального, мотивационного, когнитивного, волевого компонентов. Каждый из входящих в структуру компонентов имеет специфические особенности [155; 156].

На данном этапе проводилась повторная диагностика ММИЛ у сотрудников, чьи данные использовались для диагностики личностной беспомощности и самостоятельности при поступлении на службу, включая тех, на ком изучалась динамика личностной беспомощности. В итоге получены профили 494 сотрудников.

Одновременно с изучением структурных компонентов личностной беспомощности проводился дискриминантный анализ, результаты которого позволили обнаружить предсказательную силу диагностических показателей личностной беспомощности, полученных с помощью ММИЛ, у сотрудников при поступлении на службу, то есть данные, полученные в результате дискриминантного анализа, дают возможность, с определенной долей вероятности, прогнозировать возникновение личностной беспомощности у сотрудников УИС в процессе их профессиональной деятельности с помощью показателей личностной беспомощности, полученных на этапе профессионального психологического отбора на службу.

Для дискриминантного анализа из всей выборки испытуемых были выделены два основных класса «беспомощных» (115 человек) и «самостоятельных» (74 человека) по значениям переменных второй, седьмой и девятой шкал ММИЛ, полученных при повторной диагностике (второй срез).

Исходные данные для анализа – это дискриминантные переменные (значения второй, седьмой и девятой шкал ММИЛ, полученные в первом срезе) и классифицирующая переменная – классификация «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников по результатам второго среза, для которых известны значения дискриминантных переменных. Данные соответствовали основным статистическим принципам дискриминантного анализа. Переменные измерены в метрической шкале, признаки соответствуют нормальному распределению, отсутствует линейная зависимость между дискриминантными переменными, равная 1.

Качество классификации сотрудников УИС определялось совпадением действительной классификации (после второго среза) и предсказанной для «известных» объектов с помощью канонических функций. Мерой качества служила вероятность ошибочной классификации как соотношение количества ошибочного отнесения к общему количеству «известных» объектов.

Процент совпадения нашей классификации с классификацией объектов с помощью дискриминантных канонических функций, в основе которых значения диагностических показателей личностной беспомощности при поступлении на службу составляют 97,3 %, то есть точность предсказания групп объектов (испытуемых) очень высока.

Таким образом, мы можем принять первичные значения диагностических показателей личностной беспомощности, полученные у сотрудников при поступлении на службу, в качестве прогнозирующих критериев возникновения личностной беспомощности у сотрудников УИС к пяти годам работы.

Представим результаты ANOVA (однофакторного дисперсионного анализа) для каждой дискриминантной переменной. Различия между группами «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников УИС по каждой переменной в

отдельности статистически достоверны (приложение 1, табл. 6). λ -Вилкса является мерой достоверности различения классов при помощи заданного набора переменных. Чем меньше λ -Вилкса, тем лучше данная каноническая функция различает объекты. Таким образом, получены статистически значимые различия между группами по каждой из дискриминантных переменных.

λ -Вилкса показывает, что на каждом шаге увеличивается дискриминативная способность набора дискриминантных переменных (значение λ уменьшается). Таким образом, присоединение каждой переменной увеличивает дискриминативную способность набора переменных (второй, седьмой, девятой шкал ММИЛ) (приложение 1, табл. 7, 8). Первая каноническая функция обладает 100 % дискриминативных возможностей. Общая дискриминативная способность канонической функции достоверна на высоком уровне статистической значимости ($p = 0,000$) (приложение 1, табл. 9). Таким образом, полученная каноническая функция имеет высокие возможности в различении классов (групп). На положительном полюсе расположен центроид для группы «беспомощных», а на отрицательном – центроид для группы «самостоятельных» (приложение 1, табл. 10). Чем больше значения этой канонической функции, тем выше вероятность личностной беспомощности у сотрудников УИС.

Проведенный дискриминантный анализ переменных показал, что в вопросе отнесения сотрудников к группам «беспомощных» или «самостоятельных» являются значимыми показатели по 2, 7, 9-й шкалам ММИЛ. Из них больший вес имеет 2-я шкала – «Тревога и депрессивные тенденции» (приложение 1, табл. 11). Можно сказать и то, что из всех переменных ММИЛ показатели 2-й шкалы являются основными, по которым можно предсказать вероятность принадлежности сотрудников к группе «беспомощных» или «самостоятельных».

Представим результаты исследования особенностей эмоционального, мотивационного, когнитивного, волевого компонентов структуры личностной беспомощности у сотрудников УИС. Описательные статистики показателей представлены в Приложении 1 (табл. 12).

Прежде чем приступать к описанию результатов исследования особенностей эмоционального компонента в структуре личностной беспомощности, следует отметить, что диагностические показатели личностной беспомощности (тревожность, депрессивные тенденции, заниженная самооценка) уже отражают специфику эмоционального компонента изучаемого явления. Нижеприведенное описание дополнит картину эмоциональной сферы сотрудников с личностной беспомощностью.

Для изучения особенностей эмоциональной сферы сотрудников УИС с признаками личностной беспомощности, помимо уже известных нам данных, полученных с помощью 2, 7, 9-й шкал ММИЛ, использовались шкалы невротической триады (1-я – «Соматизация тревоги» и 3-я – «Вытеснение факторов, вызывающих тревогу»), 4-я шкала – «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении», 6-я шкала – «Ригидность аффекта».

Таблица 3.2

Результаты сравнения эмоциональной сферы «беспомощных»
и «самостоятельных» сотрудников по показателям ММИЛ

Шкала	Среднее значение		F	p	t	p
	«Беспомощные»	«Самостоятельные»				
Соматизация тревоги	63,75	51,25	1,79	0,18	2,44	0,01
Вытеснение факторов, вызывающих тревогу	50,11	46,40	0,05	0,82	1,49	0,14
Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении	59,30	48,80	1,25	0,26	3,35	0,00
Ригидность аффекта	50,72	43,65	0,22	0,64	2,25	0,02

Условные обозначения:

N = 115 («беспомощные»).

N = 74 («самостоятельные»).

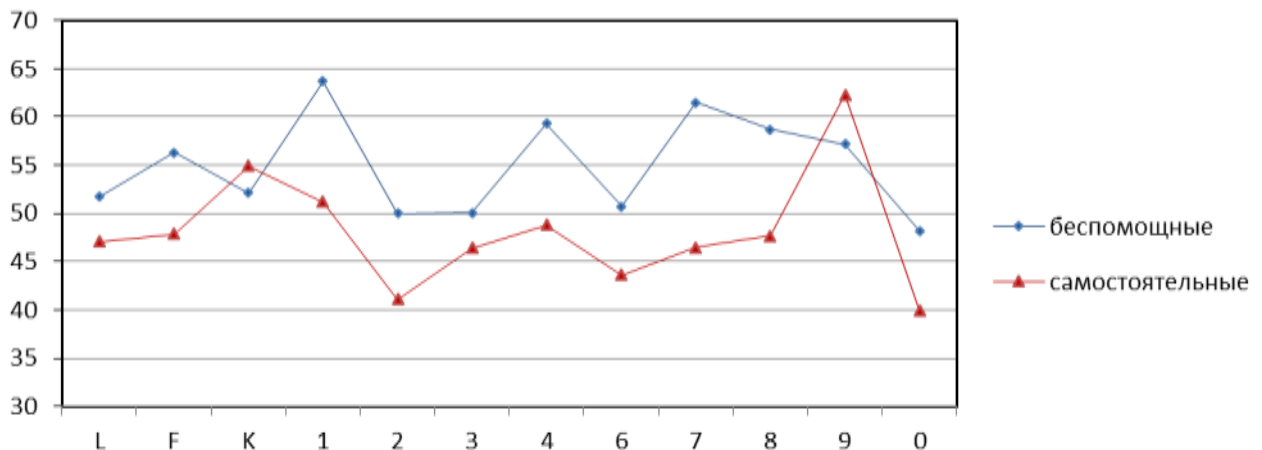
t – критерий Стьюдента;

F – критерий равенства дисперсий;

p – уровень значимости различий.

Выявленные различия между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками с помощью критерия t-Стьюдента по показателям шкал ММИЛ представлены в таблице 3.2.

При анализе полученных значимых различий в эмоциональной сфере между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками следует обратить внимание на характер профиля, полученного с помощью ММИЛ. При оценке среднего профиля наибольшее значение имеет отношение уровня профиля на каждой шкале по отношению к соседним шкалам. Следует помнить о том, что профиль не должен оцениваться как совокупность отдельных шкал. Результаты по шкалам не должны оцениваться изолированно друг от друга. Профили «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников представлены на рисунке 3.3.

Условные обозначения:

L – шкала «Социальное одобрение».

F – шкала «Искажение результатов»

K – шкала «Отрицание трудностей».

1 – шкала «Соматизация тревоги».

2 – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

3 – шкала «Вытеснение факторов, вызывающих тревогу».

4 – шкала «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении».

6 – шкала «Ригидность аффекта».

7 – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

8 – шкала «Аутизация».

9 – шкала «Отрицание тревоги».

0 – шкала «Социальные контакты».

Рис. 3.3. Профили «беспомощных» (N=115) и «самостоятельных» (N=74) сотрудников УИС по показателям ММИЛ

Значимые различия между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками обнаружены по показателю первой шкалы ММИЛ «Соматизация тревоги» ($p = 0,01$). У группы «беспомощных» сотрудников в отличие от «самостоятельных» сотрудников наблюдается выраженный подъем профиля по данной шкале в сочетании с подъемом профиля на 4-й и 7-й шкалах и снижением на 2-й шкале, что свидетельствует о снижении депрессивных тенденций у «беспомощных» сотрудников, которые были выраженными у них при поступлении на службу.

Как отмечает Ф.Б. Березин, устранение депрессивных состояний может проходить по двум вариантам. Во-первых, если меняется окружение и, во-вторых, если изменяется отношение к окружению. В первом случае депрессивные состояния устраняются за счет смены окружения и мы наблюдаем понижение пика на второй шкале. Во втором случае депрессивные состояния устраняются за счет интрапсихической адаптации и в зависимости от характера этого механизма будет меняться профиль личности по мере изменения показателей по другим шкалам [22; 23].

В нашем случае предполагать, какой механизм лежит в основе устранения депрессивных состояний у сотрудников с личностной беспомощностью, следует осторожно. Но на основании профиля, полученного при повторной диагностике ММИЛ, мы можем предположить варианты устранения этих состояний. Один из таких способов – интрапсихическая адаптация. На это указывает наличие во втором срезе подъема в профиле «беспомощных» сотрудников по 1-й шкале и 9-й, а также его снижение на 2-й (рис. 3.3). Пик профиля на 1-й шкале свидетельствует об устранении депрессивных состояний за счет соматизации, которая осуществляется через психическую переработку вегетативных проявлений, связанных с тревогой (например, сердцебиение, боли в этой области). Можно предположить, что для «беспомощных» сотрудников соматические ощущения имеют большее эмоциональное значение. Такие испытуемые характеризуются повышенным вниманием к себе, которое обуславливает

перенесение ощущения угрозы извне на внутренние процессы, происходящие в собственном организме. Они обнаруживают склонность к жалобам, пессимизм.

Таким образом, «беспомощные» сотрудники снижают уровень тревоги за счет ее соматизации. Для них это способ адаптации к ситуации. За счет внутренних механизмов адаптации, в частности соматизации тревоги, у сотрудников снижается уровень депрессивных состояний.

Низкие значения по 1-й шкале у «самостоятельных» сотрудников свидетельствуют об отсутствии переживаний о состоянии своего здоровья, об энергичности и деятельности испытуемых. Как отмечает Ф.Б. Березин, такие личности при прочих равных условиях успешнее разрешают свои трудности, используя более адаптивные формы поведения [23].

У «самостоятельных» сотрудников наблюдается подъем в профиле на 3-й шкале по сравнению с профилем «беспомощных» (рис. 3.3), что отражает способность «самостоятельных» сотрудников к устранению тревоги, за счет вытеснения из сознания обуславливающих ее факторов. Высокий уровень вытеснения позволяет сохранять самооценку на высоком уровне за счет игнорирования отрицательных сигналов извне.

По показателям 4-й шкалы «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении» обнаружены значимые различия между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками ($p = 0,00$). Сотрудники с личностной беспомощностью имеют высокие значения по данному параметру и выраженное повышение профиля на 4-й шкале (рис. 3.3). Показатели свидетельствуют о наличии у «беспомощных» сотрудников неудовлетворенности жизнью, принадлежности к определенной группе; недовольства своим положением в группе; ощущения собственной неприспособленности; переживания несправедливости и непонимания со стороны окружающих; пренебрежения к принятым общественным нормам, моральным и этическим ценностям, правилам поведения. Но сотрудники с личностной беспомощностью характеризуются низкой активностью, оттого пренебрежение принятыми правилами выражается у них пассивно или в косвенной форме, что

подтверждается наличием повышения профиля на 7-й шкале. Сочетание пика профиля на 4-й шкале с пиком на 7-й шкале указывает на трансформацию асоциальных проявлений, когда враждебность и протест против существующей нормы осуществляются косвенным путем.

Асоциальные проявления приобретают косвенную форму в том случае, если есть потребность в положительной оценке со стороны окружающих, что ограничивает проявление гетероагрессивных тенденций, если асоциальные проявления касаются только ближайшего окружения и если имеет место социально приемлемая рационализация и узкая направленность враждебности [23].

Нельзя оставить без внимания наличие сочетания пика профиля на 1-й шкале с пиком на 4-й у «беспомощных» сотрудников. Пик профиля на 1-й и шкале выше по отношению к 4-й. Это свидетельствует о том, что «беспомощные» сотрудники своим беспокойством о состоянии здоровья могут замаскировать асоциальные проявления. Они используют соматические жалобы для давления на окружающих с целью получения преимуществ и рационализации недовольства своим положением в группе, ощущения несправедливости и т. п., поэтому явное асоциальное поведение в открытой агрессивной форме встречается редко.

Следует также обратить внимание на сочетание понижения профиля на 2-й шкале при пике на 4-й, которое указывает на снижение тревоги в соотношении с асоциальной тенденцией и на отсутствие мотивации, направленной на изменение этой тенденции (рис. 3.3).

Значимые различия между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками обнаружены в показателях по 6-й шкале «Ригидность аффекта» ($p = 0,02$). Более высокие значения по данному параметру обнаруживаются у сотрудников с признаками личностной беспомощности, хотя профиль в обеих группах на данной шкале снижается (рис. 3.3). Низкий уровень профиля на 6-й шкале может быть связан с недоверчивостью и осторожностью испытуемых, опасаящихся, что их откровенность может иметь неприятные последствия. Оценка профиля личности в данном случае затрудняется.

Данные об особенностях эмоциональной сферы сотрудников с личностной беспомощностью согласуются с результатами исследований эмоционального компонента структуры личностной беспомощности, полученными Д.А. Циринг. Психологическое содержание эмоционального компонента личностной беспомощности отражается в замкнутости, тревожности, депрессивности, неуверенности и других качествах, противоположных самостоятельности [156, с.261].

Для описания особенностей мотивационного компонента личностной беспомощности использовались данные, полученные с помощью ММИЛ; методики исследования уровня субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд); методик исследования мотивации достижения успеха и избегания неудач (Т. Элерс).

Выявленные различия в мотивационной сфере между группами сотрудников с признаками беспомощности и самостоятельности с помощью критерия t-Стьюдента по показателям шкал ММИЛ представлены в таблице 3.3.

Таблица 3.3

Результаты сравнения мотивационной сферы «беспомощных»
и «самостоятельных» сотрудников по показателям ММИЛ

Шкала ММИЛ	Среднее значение		F	P	t	p
	«Беспомощные»	«Самостоятельные»				
L	51,7	47,1	0,58	0,44	1,39	0,17
F	56,3	47,9	0,54	0,46	2,67	0,01
K	52,1	54,9	0,23	0,62	-0,89	0,37
Тревога и депрессивные тенденции	50	41,1	2,25	0,13	3,57	0,001
Фиксация тревоги и ограничительное поведение (шкала 7)	61,5	46,5	0,82	0,36	3,55	0,001
Аутизация (шкала 8)	58,7	47,7	0,87	0,35	2,39	0,02
Отрицание тревоги (шкала 9)	57,2	62,3	6,50	0,01	-2,04	0,02
Социальные контакты (шкала 0)	48,2	40	0,02	0,87	3,17	0,002

Условные обозначения:

N = 115 («беспомощные»).

N = 74 («самостоятельные»).

t – критерий Стьюдента;

F – критерий равенства дисперсий;

p – уровень значимости различий.

Выявлены значимые различия по оценочной шкале F у сотрудников с личностной беспомощностью и самостоятельностью ($t = 2,67$; $p = 0,01$). Умеренное повышение профиля и высокие средние значения по данному параметру наблюдаются у «беспомощных» сотрудников (рис. 3.3, табл. 3.3). Это свидетельствует о наличии у них внутренней напряженности, плохо организованной активности и недовольстве ситуацией. У «самостоятельных» сотрудников наблюдаются склонность следовать конвенциональным нормам и отсутствие внутренней напряженности.

Результаты, полученные по диагностирующим личностную беспомощность шкалам ММИЛ (2, 7, 9-я), дают возможность нам охарактеризовать особенности мотивационной сферы сотрудников с личностной беспомощностью.

Как уже было отмечено, по 2-й шкале «Тревога и депрессивные тенденции» значимо выше показатели у сотрудников с личностной беспомощностью ($t = 3,57$; $p = 0,001$). Их мотивационная сфера характеризуется постоянной потребностью в глубоких и прочных контактах с окружающими. Связь с мотивацией избегания неудач проявляется у таких лиц в стремлении избежать разочарования через уединенность и отгороженность. Для «самостоятельных» сотрудников с низкими значениями по 2-й шкале характерна активность, общительность, ощущение своей значимости.

Полученные различия в значениях по 7-й шкале «Фиксация тревоги и ограничительное поведение» дают информацию о специфическом содержании мотивационной сферы сотрудников с личностной беспомощностью ($t = 3,55$; $p = 0,001$). Для «беспомощных» сотрудников характерно стремление избежать вероятных опасностей. «Самостоятельные» сотрудники характеризуются

решительностью, гибкостью поведения, уверенностью при необходимости принимать решения.

Повышенный профиль по 7-й шкале свидетельствует о стремлении «беспомощных» избежать неудачи в своей деятельности. Такое ограничительное поведение определяется страхом навлечь на себя опасность неверными действиями или потерпеть неудачу в результате допущенной ошибки, отсюда *отказ от деятельности*. Они стремятся к получению максимальной информации о ситуации и к построению подробных планов. Непредсказуемые ситуации, не поддающиеся планированию и контролю являются для сотрудников с личностной беспомощностью стрессовыми.

Выше были отмечены различия между сравниваемыми группами по показателям 9-й шкалы ММИЛ «Отрицание тревоги» ($t = -2,04$; $p = 0,02$). Напомним, что снижение профиля по данной шкале у «беспомощных» сотрудников свидетельствует о снижении у них продуктивности, инициативы. Сотрудники с признаками самостоятельности характеризуются способностью к высокой активности. Такие субъекты хорошо приспосабливаются к переменам и даже стремятся к ним, что является показателем высокого уровня субъектности.

Значимые межгрупповые различия обнаружены по 8-й шкале «Аутизация» ($t = 2,39$; $p = 0,02$). Больше значение имеют не полученные различия, а понижение профиля по данной шкале в обеих группах, что свидетельствует об отсутствии у сотрудников дистанцирования, ухода во внутренний мир, эмоциональной холодности.

Значимые различия между группами обнаружены по показателю нулевой шкалы «Социальные контакты» ($t = 3,17$; $p = 0,002$). Высокие значения обнаружены у «беспомощных» сотрудников, хотя повышение профиля на шкале не наблюдается (рис. 3.3). Понижение профиля на нулевой шкале отражает стремление «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников к межличностным контактам и интерес к людям. Более резкое понижение профиля на нулевой шкале у сотрудников с признаками самостоятельности, что свидетельствует о наличии у них высокого уровня общительности, отзывчивости, ответственности за

общественные обязанности, чем у «беспомощных». Понижение профиля на нулевой шкале может характеризовать различные личностные типы, так как социальная экстраверсия зависит от ряда личностных характеристик. Как отмечает Ф.Б. Березин, в наибольшей мере выраженность экстраверсии определяется спонтанностью поведения, то есть способностью к активным действиям [23]. С увеличением активных действий в осуществлении межличностных контактов возрастает потребность в социальных связях, в общении с новыми людьми. Наличие этой потребности у «самостоятельных» сотрудников подтверждает повышение профиля на 9-й шкале и шкале К.

У «беспомощных» сотрудников наблюдается понижение на нулевой в сочетании с повышением профиля на 7-й, 1-й и 4-й шкалах. Сотрудники такого типа могут быть трудны в общении из-за склонности следовать в поведении жестким правилам. Межличностные отношения у «беспомощных» определяются чувством долга и регулируются планом. Для них характерно стремление к выполнению социальных обязанностей, основанное на чувстве долга.

Проанализируем результаты, полученные с помощью методик исследования мотивации достижения и избегания неудач, представленные в таблице 3.4, а также результаты исследования субъективного контроля у «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников УИС.

Таблица 3.4

Результаты сравнения мотивационной сферы «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников по показателям мотивации стремления к успеху и избеганию неудач

Показатель	Среднее значение		F	p	t	P
	«Беспомощные»	«Самостоятельные»				
Мотивация избегания неудач	10,50	9,18	0,68	0,40	2,06	0,03
Мотивация стремления к успеху	14,55	12,58	3,05	0,08	1,61	0,10

Условные обозначения:

N = 115 («беспомощные»).

N = 74 («самостоятельные»).

F – критерий Фишера.

t – критерий Стьюдента.

p – уровень значимости.

Значимые различия между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками обнаружены по показателю «мотивация избегания неудач» ($t = 2,06$; $p = 0,03$).

Для сотрудников с личностной беспомощностью характерен средний уровень мотивации к избеганию неудач. В отличие от «самостоятельных» сотрудников для них свойственно проявление неуверенности в себе, беспокойство за возможные временные неудачи. Результаты согласуются с данными, полученными по 7-й шкале ММИЛ у «беспомощных» сотрудников.

«Самостоятельные» сотрудники характеризуются низким уровнем мотивации к избеганию неудач. Для них характерно проявление уверенности в себе. Сотрудники способны адекватно оценивать себя, не испытывая страха перед неудачами.

При изучении особенностей мотивационной сферы «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников УИС были обнаружены значимые различия по параметрам субъективного контроля (табл. 3.5).

Значимые различия между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками обнаружены по параметру «общая интернальность» ($t = -2,93$; $p = 0,003$). У «беспомощных» сотрудников наблюдается тенденция к экстернальному локусу контроля. Сотрудники не видят связи между своими действиями и событиями их жизни. Они полагают, что не способны контролировать их развитие.

Таблица 3.5

Результаты сравнения мотивационной сферы «беспомощных»
и «самостоятельных» сотрудников
по показателям субъективного контроля

Интернальность	Среднее значение		F	p	T	P
	«Беспомощные»	«Самостоятельные»				
Общая	47,43	50,68	2,34	0,12	-2,93	0,003
Достижений	51,44	54,81	4,26	0,03	-3,21	0,001
Неудач	50,0	52,30	0,35	0,55	-2,19	0,02
Семейная	49,87	52,49	0,63	0,42	-2,59	0,01

Производства	48,81	49,56	6,13	0,01	-0,84	0,39
Межличностная	49,23	51,97	3,76	0,05	-2,42	0,01
Здоровья	50,40	50,84	0,17	0,67	-0,42	0,67

Условные обозначения:

N = 115 («беспомощные»).

N = 74 («самостоятельные»).

F – критерий Фишера;

t – критерий Стьюдента;

p – уровень значимости.

Для «самостоятельных» сотрудников характерна тенденция к интернальному локусу контроля. Они считают, что события в их жизни являются результатом их действий. Таким образом, они чувствуют ответственность за свою жизнь.

Значимые различия между «самостоятельными» и «беспомощными» сотрудниками обнаружены по показателю «интернальность достижений» ($t = -3,21$; $p = 0,001$). Выше показатели у сотрудников с признаками самостоятельности, что соответствует экстернальному локусу контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Сотрудники считают, что они сами добились всего в жизни, и что они способны с успехом добиваться всего в будущем. Они последовательны и настойчивы в достижении поставленных целей.

Ниже показатель по данному параметру наблюдается у «беспомощных» сотрудников, что свидетельствует о наличии у них тенденции к приписыванию своих успехов и достижений внешним обстоятельствам (везению, счастливой судьбе, помощи других людей, государства). Они ненастойчивы в достижении поставленных целей, занимают позицию ожидания от окружения, не стремясь преодолевать неблагоприятные для достижения целей условия.

Различия обнаружены по показателю «интернальность неудач» ($t = -2,19$; $p = 0,02$). В обеих группах значения выше среднего. Но более высокие значения обнаружены у «самостоятельных» сотрудников, что указывает на наличие у них выраженного чувства субъективного контроля над отрицательными событиями и ситуациями, которое проявляется в склонности обвинять самого себя в

разнообразных неприятностях. Немного ниже показатель по данному параметру у «беспомощных» сотрудников.

По показателю «семейная интернальность» также имеются значимые различия между группами ($t = -2,59$; $p = 0,01$). Значения выше среднего в группе «беспомощных» сотрудников, что указывает на переживания ими ответственности за события, происходящие в семейной жизни. Ниже показатели по данной шкале обнаружены у «самостоятельных» сотрудников. Низкий показатель указывает на то, что субъект считает партнеров причиной значимых ситуаций, возникающих в его семье.

Различия получены по показателю «межличностная интернальность» ($t = -2,42$; $p = 0,01$). В обеих группах значения выше среднего. Но тенденция к интернальности в сфере межличностных отношений значимо выше у «самостоятельных» сотрудников. Более высокие показатели свидетельствуют о том, что сотрудники считают себя в состоянии контролировать свои формальные и неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию. Более низкие показатели обнаружены у «беспомощных» сотрудников, что указывает на неспособность активно формировать свой круг общения и склонность считать свои отношения результатом действия партнеров.

Таким образом, сотрудники, обладающие интернальным локусом контроля, более уверены в себе, более настойчивы в достижении целей, склонны к рефлексии, более общительны и независимы. В достаточной степени у них развиты организаторские и коммуникативные качества. Внутренний локус контроля социально одобряем.

Склонность к внешнему локусу контроля, напротив, обнаруживается в таких чертах характера, как неуверенность в себе, неуравновешенность, неопределенность, тревожность, подозрительность. Внешний локус контроля чаще встречается у субъектов с личностной беспомощностью. Организаторские возможности у таких лиц минимальны, способность к общению с людьми понижена. Данные согласуются с результатами, полученными по ММИЛ для «беспомощных» сотрудников.

Таким образом, мотивационная сфера сотрудников с личностной беспомощностью характеризуется сниженной активностью, мотивацией к избеганию неудач, отказом от деятельности, экстернальным локусом контроля при объяснении причин успехов и неудач.

Для изучения когнитивного компонента в структуре личностной беспомощности использовались эмпирические данные, полученные с помощью методики «КОТ» (Краткий ориентировочный тест), авторы теста В.Н. Бузин и Э.Ф. Вандерлик. Выявленные различия в когнитивной сфере между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками представлены в таблице 3.6.

В результате сравнительного анализа уровня общих умственных способностей у сотрудников с признаками личностной беспомощности и признаками самостоятельности были обнаружены значимые межгрупповые различия ($t = -4,046$; $p = 0,000$). Более высокие значения общих умственных способностей обнаружены у сотрудников с признаками самостоятельности (табл. 3.6). У сотрудников с личностной беспомощностью уровень общих умственных способностей ниже среднего.

Таблица 3.6

Результаты сравнительного анализа особенностей когнитивной сферы сотрудников УИС с признаками личностной беспомощности и самостоятельности

Показатель	Среднее значение		F	p	t	p
	«Беспомощные»	«Самостоятельные»				
Общие умственные способности	16,23	18,39	0,002	0,965	-4,046	0,000

Условные обозначения:

N = 115 («беспомощные»).

N = 74 («самостоятельные»).

F – критерий Фишера;

t – критерий Стьюдента;

p – уровень значимости.

Интегральный показатель общих умственных способностей «самостоятельных» сотрудников свидетельствуют о более выраженной у них познавательной активности и способности к усвоению новых знаний, действий. Полученные данные согласуются с результатами исследований, представленными в работе Ю.В. Яковлевой, где отмечается, что самостоятельные субъекты отличаются от беспомощных приспособляемостью к перемене условий, способностью при необходимости изменить способ действий [165].

Комплексный показатель общих умственных способностей у сотрудников с личностной беспомощностью ниже по сравнению с показателем «самостоятельных» сотрудников, то есть у «беспомощных» сотрудников ниже познавательная активность, способность обобщения и анализа материала; гибкость мышления; эмоциональные компоненты мышления; скорость и точность восприятия; пространственное воображение.

В исследованиях Д.А. Циринг отмечается, что когнитивный компонент личностной беспомощности отличается ригидностью мышления, низким уровнем креативности и другими особенностями, что согласуется с нашими данными [156, с.261].

Особенности волевой сферы сотрудников с личностной беспомощностью изучались путем сравнительного анализа показателей ММИЛ и уровня субъективного контроля. Подробно результаты сравнения и полученные значимые различия по показателям ММИЛ и локуса контроля описаны выше. На основе полученных результатов сравнительного анализа сделаны выводы о волевых качествах, отличающих «беспомощных» сотрудников от «самостоятельных». Сотрудники с личностной беспомощностью характеризуются безынициативностью, непродуктивностью, низкой активностью (низкие значения по шкале «Отрицание тревоги»), неорганизованной активностью (повышение профиля по шкале F), нерешительностью, отказом от деятельности (высокие значения по шкале «Фиксация тревоги и ограничительное поведение»), низкой настойчивостью в достижении поставленных целей, сниженными организаторскими возможностями, неуравновешенностью (высокие значения

экстернального локуса контроля). «Самостоятельные» сотрудники отличаются уверенностью при принятии решения, решительностью, гибкостью поведения, активностью (низкие значения по шкале «Фиксация тревоги и ограничительное поведение»), повышенным контролем поведения, адаптированностью (высокие значения по шкале К), ответственностью за общественные обязанности (низкие значения по шкале «Социальные контакты»), настойчивостью в достижении поставленных целей, организаторскими качествами, уравновешенностью (высокие значения интернального локуса контроля).

В исследованиях, проводимых Д.А. Циринг, получены такие характеристики волевого компонента личностной беспомощности, согласующиеся с нашими результатами, как «безынициативность, нерешительность, робость, низкая сформированность организованности и настойчивости, недостаточная выдержка и целеустремленность» [156, с.261]. На самом деле, как отмечают ученые, в выявлении развитой воли не существует строгих и однозначных критериев. Волевые качества могут и не являться показателями воли (Ш.Н. Чхартишвили), некоторые устойчивые характеристики поведения, принимаемые как проявления воли, связаны, например, как показывают исследования, с типом нервной системы (В.К. Калинин) [68; 70], поэтому довольно сложно утверждать о различиях в уровне развития воли между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками, так как обнаруженные волевые качества могут быть неоднозначно связанными с волей.

Приведем анализ результатов исследования поведения субъекта с личностной беспомощностью.

На основе теоретического анализа изучаемой проблемы установлено, что симптомокомплекс личностной беспомощности характеризуется низким уровнем субъектности, то есть человек с таким комплексом личностных свойств в поведении проявляет более низкую способность преодолевать различные трудные ситуации [156, с.343].

Для изучения проявлений личностной беспомощности в поведении мы использовали методику «ASP» Н.Н. Мельниковой, которая направлена на

изучение адаптивных форм поведения. Полученные результаты представлены в таблице 3.7.

Таблица 3.7

Результаты сравнительного анализа адаптивных стратегий поведения сотрудников УИС с признаками личностной беспомощности и самостоятельности

Адаптивные стратегии поведения	Среднее значение		F	p	t	p
	«Беспомощные»	«Самостоятельные»				
«АКНВ»	9,83	10,57	0,34	0,55	-1,06	0,29
«АКНВр»	11,26	12,77	0,33	0,56	-1,93	0,05
«АИНВ»	-1,02	-2,37	0,52	0,47	1,81	0,07
«АИНВр»	-3,80	-5,18	0,48	0,48	1,64	0,10
«ПКНВ»	3,95	3,33	0,38	0,53	0,94	0,34
«ПКНВр»	5,49	5,08	0,38	0,53	0,67	0,49
«ПИНВ»	5,92	6,68	1,083	0,298	-1,54	0,12

Условные обозначения:

N = 115 («беспомощные»).

N = 74 («самостоятельные»).

F – критерий Фишера;

t – критерий Стьюдента;

p – уровень значимости.

Значимые межгрупповые различия обнаружены по показателям стратегии поведения «Активный/Контактный/Направленный вовнутрь (АКНВр)» ($t = -1,935$; $p = 0,05$). Более высокие результаты обнаружены у сотрудников с признаками самостоятельности. Это свидетельствует о том, что «самостоятельные» сотрудники чаще используют «активную, контактную и направленную вовнутрь» адаптивную стратегию поведения в трудной ситуации. Данная стратегия у субъекта строится на активном изменении себя таким образом, чтобы среда перестала восприниматься как фрустрирующая. Такой эффект может достигаться через изменение восприятия ситуации, системы потребностей и ценностей. Эта стратегия предполагает сознательное и произвольное достижение изменений в себе. Как правило, такие изменения устойчивы и связаны с внутренней перестройкой личности.

Межгрупповые различия обнаружены по показателю «Активный/Избегающий/Направленный вовне (АИНВ)» ($t = 1,81$; $p = 0,07$). В обеих группах по данному показателю самые низкие значения, то есть из всех стратегий реже всего сотрудники для адаптации к стрессовой ситуации выбирают активный уход из нее. При этом значимо реже данную стратегию поведения используют «самостоятельные» сотрудники, чем «беспомощные». Только в случае, когда «самостоятельному» сотруднику в ситуации фрустрации не удастся изменить себя или свое отношение к среде или изменить активными действиями саму среду, он выбирает активный уход из среды. Таким образом, они сосредоточивают свои силы на поиске новой, более приемлемой среды (или партнера). В этом случае человек может сменить место жительства, работы, учебы, поменять семью или найти новых друзей.

Следует также заметить по результатам описательной статистики у «беспомощных» сотрудников средние показатели по всем шкалам методики «ASP» ниже по сравнению с показателями «самостоятельных» сотрудников (табл. 3.7). Это означает, что для сотрудников с личностной беспомощностью характерен небольшой репертуар адаптивных стратегий поведения, в котором предпочтение отдается активной направленной вовнутрь адаптивной стратегии.

В результате исследования структурных компонентов личностной беспомощности у сотрудников удалось выявить совокупность личностных особенностей, которые препятствуют преобразованию действительности, собственной жизнедеятельности, в том числе могут препятствовать развитию правосознания и его содержательных компонентов.

Эмоциональная сфера беспомощных сотрудников характеризуется преобладанием тревожности, пониженной самооценкой, чувством вины, неспособностью испытывать удовольствие. Одним из способов внутренней адаптации к фрустрирующей ситуации для «беспомощных» сотрудников является соматизация тревоги. Своим беспокойством о состоянии здоровья «беспомощные» сотрудники могут замаскировать асоциальные проявления. Они используют соматические жалобы для давления на окружающих, с целью

получения преимуществ и рационализации недовольства своим положением в группе, ощущения несправедливости и т. п., поэтому явное асоциальное поведение может встретиться редко. «Беспомощные» сотрудники характеризуются пренебрежением принятыми общественными нормами, моральными и этическими ценностями, правилами поведения, которое выражается пассивно или в косвенной форме.

Мотивационный компонент личностной беспомощности отличается стремлением избежать вероятных опасностей, плохо организованной активностью, постоянной потребностью в глубоких и прочных контактах с окружающими, стремлением избежать разочарования через уединенность и отгороженность. Межличностные отношения у сотрудников с личностной беспомощностью определяются чувством долга и регулируются планом. Для сотрудников с личностной беспомощностью характерна мотивация к избеганию неудач. Они в большей степени боятся критики, не испытывают удовольствия от деятельности, в которой возможны временные неудачи. У «беспомощных» сотрудников тенденция к экстернальному локусу контроля. Такие испытуемые не видят связи между своими действиями и событиями их жизни.

Когнитивная сфера у «беспомощных» сотрудников характеризуется пессимистической оценкой перспективы, низкой познавательной активностью и низкой способностью к обобщению и анализу материала, низкими значениями эмоциональных компонентов мышления, скорости и точности восприятия, пространственного воображения.

Сотрудники с личностной беспомощностью характеризуются безынициативностью, непродуктивностью, низкой активностью, неорганизованной активностью, нерешительностью, отказом от деятельности, низкой настойчивостью в достижении поставленных целей, сниженными организаторскими возможностями, неуравновешенностью.

Для сотрудников с личностной беспомощностью характерен небольшой репертуар адаптивных стратегий поведения. При выборе стратегии поведения в стрессовой ситуации «беспомощные» сотрудники отдают предпочтение

«адаптивной активной, контактной, направленной внутрь» стратегии. Данная стратегия у субъекта строится на активном изменении себя таким образом, чтобы среда перестала восприниматься фрустрирующей. Реже всего «беспомощные» сотрудники выбирают в качестве способа адаптации к среде активный уход из нее.

Рассмотрев особенности структурных компонентов личностной беспомощности, которые являются внутренними условиями, определяющими низкий уровень субъектности и ограничивающими развитие правосознания, мы обратились к вопросу о характере их взаимосвязей в структуре личностной беспомощности у сотрудников УИС.

Для решения этой задачи был применен факторный анализ, результаты которого представлены в таблице 3.8. В факторный анализ были включены переменные, по которым в ходе сравнительного анализа были получены значимые различия между группами «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников. В анализе использовались данные, полученные у сотрудников только с личностной беспомощностью.

Основным методом факторизации был метод максимального правдоподобия (Maximum likelihood). В качестве аналитического метода вращения факторов был выбран варимакс-вращение (Varimax normalized). В результате вращения достигнута факторная структура, наиболее доступная для интерпретации при данном соотношении переменных и факторов. Принимались показатели, имеющие вес с абсолютным значением более 0,35.

Полученная на данном этапе суммарная доля дисперсии (информативность) факторов 75,8 % – более половины, что считается приемлемым результатом (табл. 3.8). Это показатель того, насколько полно выделяемые факторы могут представить набор изучаемых переменных. Приведем интерпретацию полученной факторной структуры.

Первый фактор имеет наибольшую информативность с долей объяснимой дисперсии 14,46 %. Этот фактор определяется положительными значениями переменных «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном

поведении», «Соматизация тревоги», «Тревога и депрессивные тенденции», «Ригидность аффекта», «Внутренняя напряженность» и «Аутизация».

Таблица 3.8

Факторная структура личностной беспомощности сотрудников УИС

Показатель	Фактор						
	1	2	3	4	5	6	7
Общие умственные способности							0,915
Общая интернальность		0,832					
Интернальность достижений		0,734					
Интернальность неудач		0,738			-0,383		
Интернальность семейная		0,713					
Интернальность межличностная						-0,464	
Мотивация избегания неудач						0,975	
Активная, контактная адаптивная стратегия, направленная вовнутрь				0,687			
Активная, избегающая адаптивная стратегия, направленная вовне				-0,977			
Внутренняя напряженность (шкала F)	0,431					0,412	
Соматизация тревоги (шкала 1)	0,761		0,508				
Тревога и депрессивные тенденции (шкала 2)	0,639						
Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (шкала 4)	0,866						
Ригидность аффекта (шкала 6)	0,560				0,743		
Фиксация тревоги и ограничительное поведение (шкала 7)			0,915				
Аутизация (шкала 8)	0,370		0,872				
Отрицание тревоги (шкала 9)					0,787		
Социальные контакты (шкала 0)			0,494				-0,404
СКН– суммы квадратов нагрузок после вращения	2,60	2,58	2,35	1,70	1,64	1,54	1,24
Доля дисперсии, %	14,46	14,35	13,07	9,42	9,11	8,54	6,9

Все эти переменные эмоционального ряда указывают на наличие у сотрудников с личностной беспомощностью постоянной тревоги и связаны с механизмами и способами ее устранения. Тревога у сотрудников возникает на фоне фрустрации, то есть нарушений единства потребностей и сложившегося стереотипа поведения, направленного на удовлетворение этих потребностей. Устранение тревоги может происходить двумя путями: во-первых, если меняется

окружение, во-вторых, если изменяется отношение личности к окружению, то есть тревога устраняется за счет включения механизмов интрапсихической адаптации (Ф.Б. Березин). Такие механизмы внутренней адаптации к изменяющемуся окружению представлены переменными, вошедшими в первый фактор, и характерны для сотрудников с личностной беспомощностью. Этот фактор назван нами как «Механизмы устранения фрустрирующих стимулов».

Второй фактор имеет информативность 14,35 %. Фактор определяется положительными значениями переменных «Общая интернальность», «Интернальность неудач», «Интернальность достижений», «Интернальность семейная». Все переменные, вошедшие с положительными значениями в данный фактор, отражают взаимосвязь общего уровня субъективного контроля личности с объяснениями неудач и достижений, а также с интернальным локусом контроля «беспомощных» сотрудников в сфере семейных отношений. Этот фактор обозначен как «Экстернальный локус контроля».

Третий фактор, имеющий долю объяснимой дисперсии 13,07 %, получил название «Социальная интроверсия». В него вошли четыре переменные с положительными полюсами, такие как «Фиксация тревоги и ограничительное поведение», «Аутизация», «Соматизация тревоги» и «Социальные контакты». Связь этих переменных отражает в структуре личностной беспомощности сотрудников УИС коммуникативные затруднения при осуществлении межличностных контактов, которые сочетаются с вызванной этими затруднениями тревожностью.

Следующий, четвертый фактор имеет информативность 9,42 %. Фактор определяется отрицательным значением переменной «Активная, избегающая адаптивная стратегия, направленная вовне» и положительным значением переменной «Активная, контактная адаптивная стратегия, направленная вовнутрь». Взаимосвязь этих двух переменных свидетельствует о выборе сотрудниками с личностной беспомощностью активной стратегии поведения в ситуации фрустрации, направленной на изменение себя, своего отношения к ситуации, мешающей удовлетворить имеющиеся потребности. В данной

стратегии могут использоваться механизмы адаптации, которые представлены в первом факторе. Отрицательный полюс другой переменной свидетельствует об одновременном непринятии сотрудниками с личностной беспомощностью стратегии, направленной на поиск новой, более приемлемой среды. «Беспомощные» сотрудники оказываются неготовыми к активному изменению окружающей среды (работы, друзей, партнеров и т. п.). Они используют другие механизмы адаптации. Фактор получил название «Внутренняя адаптивная стратегия поведения в ситуации фрустрации».

Пятый фактор, имеющий долю объяснимой дисперсии 9,11 %, получил название «Отрицание тревоги на фоне эффективной деятельности». В него вошли переменные с положительными значениями «Отрицание тревоги», «Ригидность аффекта» и переменная с отрицательным полюсом «Интернальность неудач». Сочетание первых двух переменных указывает на возможность последовательного и целенаправленного поведения сотрудников с личностной беспомощностью, которые, благодаря этому, могут демонстрировать эффективную деятельность. При этом такие личности склонны использовать для достижения своих целей других людей, а в случае неудачи приписывать ответственность за недостигнутый результат внешним факторам. На это указывает связь с переменной «Интернальность неудач», имеющая отрицательное значение.

Два последних фактора имеют небольшую долю объяснимой дисперсии, поэтому рассматриваются нами как дополнительные факторы в структуре. Шестой фактор имеет информативность 8,54 %. Данный фактор включает в себя две переменные, имеющие положительные значения «Мотивация избегания неудач» и «Внутренняя напряженность», а также переменную с отрицательным полюсом «Интернальность межличностная». Данный фактор получил название «Избегание неудачи в межличностных контактах». Сочетание переменных указывает на боязнь субъектов с личностной беспомощностью активно формировать свои межличностные отношения, на желание переложить ответственность за отношения на действия своих партнеров. При этом желание

избежать неудачи в межличностных контактах сопровождается внутренней напряженностью.

Седьмой фактор имеет небольшую долю объяснимой дисперсии 6,9 % и назван «Общие умственные способности на фоне социальных контактов». В него вошли с положительным полюсом переменная «Общие умственные способности» и с отрицательным полюсом «Социальные контакты». Высокие значения общих умственных способностей сопровождаются социальной экстраверсией, то есть уровень общих умственных способностей, характер мышления сотрудников с личностной беспомощностью зависит от включенности их в социальную среду.

Таким образом, структура личностной беспомощности сотрудников УИС представлена семью факторами, каждый из которых включает в себя взаимосвязанные компоненты личностной беспомощности. Личностная беспомощность представляет собой целостное качество субъекта, противоположное самостоятельности.

Представим полученную факторную структуру на рисунке 3.4.

Рис. 3.4. Факторная структура личностной беспомощности сотрудников УИС

3.2. Результаты анализа проявления беспомощности / самостоятельности в деятельности сотрудников УИС

Важным моментом с точки зрения практической значимости исследования феноменов личностной беспомощности и самостоятельности является изучение их проявления в деятельности сотрудников УИС.

На основании изученных теоретических и эмпирических данных можно предположить, что личностная беспомощность негативно отразится на деятельности сотрудников УИС, которая имеет специфичный регламентированный характер, протекает в условиях постоянной напряженности и требует от личного состава соответствующих качеств, противоположных беспомощности. Личностная беспомощность, сопряженная с низким уровнем субъектности, проявляясь в деятельности сотрудника, обуславливает снижение ее успешности, оказывает влияние на способ согласования системы внутренних условий с правовой действительностью, на координацию возможностей и ограничений личности по отношению к целям, задачам правового характера.

В результате анализа научной литературы было выделено несколько критериев, по которым возможно обнаружить существенные различия в деятельности между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками (активность, общительность, ответственность, удовлетворенность выбранной профессией, успешность в деятельности и др.). Отмеченные критерии включались в вопросы, ориентированные на оценку успешности деятельности, взаимоотношений с коллегами, поведения при выполнении обязанностей, при принятии решения, участия в делах коллектива, поведения в конфликте. В итоге была подготовлена методика экспертного оценивания особенностей деятельности «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников (приложение 2). Экспертами выступили непосредственные руководители сотрудников, а также их коллеги и подчиненные, психологи учреждения, в которых работают оцениваемые сотрудники. Результаты

сравнительного анализа, представленные в таблице 3.9, наглядно показывают существующие различия по критериям оценки беспомощности в деятельности у сотрудников УИС.

Таблица 3.9.

Результаты экспертного оценивания проявления беспомощности в деятельности «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников УИС

Критерии оценки	Средние оценки		U	p
	«Беспомощные»	«Самостоятельные»		
Активность-пассивность	0,00	1,33	10,00	0,01
Общительность-замкнутость	-1,25	3,66	10,50	0,04
Достижение цели-избегание неудачи	-3,50	5,00	10,00	0,03
Спокойствие-тревожность	0,50	2,66	12,50	0,19
Оптимизм-пессимизм	0,00	3,00	10,00	0,01
Уверенность-неуверенность	-3,50	4,00	10,00	0,03
Успешность-неуспешность	-1,50	2,33	10,00	0,03
Креативность-ригидность	-1,00	1,33	10,00	0,01
Ответственность-безответственность	-1,75	2,33	18,00	0,03
Итого	-1,12	2,85	28,00	0,03

Условные обозначения:

N = 36 («беспомощные»).

N = 42 («самостоятельные»).

U – критерий Манна-Уитни.

p – уровень значимости различий.

Эксперты отмечали у сотрудников, относящихся к группе «беспомощных», сходные особенности деятельности по обозначенным критериям, которые отличают их от особенностей «самостоятельных» сотрудников.

Основными особенностями «беспомощных» сотрудников являются пассивность, безынициативность, замкнутость, старание не привлекать к себе

внимание. Они отличаются пессимистическим восприятием мира, находят негативные стороны практически во всем.

Для «беспомощных» характерны признаки тревоги в поведении (речь неровная, тихая, сбитая, настроение тоскливое, угнетенное, движения напряженные, скованные). Они теряются, когда к ним обращаются внезапно.

В деятельности «беспомощные» сотрудники при возникновении препятствий проявляют пассивность, отказываются от дальнейших действий. При принятии решения начинают сомневаться и для разрешения различных рабочих вопросов обращаются за помощью. Они боятся предпринять какие-либо новые действия, указывают на нежелательные последствия, реальные и мнимые препятствия. При возникновении непредвиденных обстоятельств, изменении условий деятельности «беспомощные» сотрудники проявляют неуверенность в себе. Они готовы действовать решительно только в знакомых ситуациях, достигать цели при условии надежных гарантий успеха. Сотрудники с личностной беспомощностью практически не прилагают соответствующих усилий для достижения цели и не несут личную ответственность за допущенные ошибки. Предпочитают в конфликтной ситуации проявлять стратегию ухода.

Эксперты оценивают «беспомощных» сотрудников как менее успешных в деятельности и не удовлетворенных выбранной профессией по сравнению с «самостоятельными», которые в большей степени удовлетворены профессией и более успешны в деятельности.

Следует отметить, что «самостоятельных» сотрудников отличают характеристики высокого уровня субъектности в деятельности: активность в деятельности и установлении контактов с окружающими, решительность и гибкость в различных ситуациях для достижения цели, поиск новых способов в деятельности для решения задач, самостоятельное решение возникших проблем, ответственность за свои ошибки.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что такие противоположные типы, как «беспомощные» и «самостоятельные», узнаваемы в деятельности. Личностная беспомощность и самостоятельность характеризуются специфическими проявлениями в деятельности сотрудников, которые могут наблюдаться в различных ситуациях, в том числе экстремального характера. В совокупности полученные данные свидетельствуют о меньшей успешности в профессиональной деятельности беспомощных сотрудников, чем их «самостоятельных» коллег.

3.3 Результаты исследования правосознания сотрудников УИС

На основе принципа системности, согласно которому изучаемый предмет рассматривается в целостности как система, существующая только в развитии (Б.Ф. Ломов) [90], теоретической модели функциональной структуры правосознания (А.Р. Ратинов), концепций правового развития Дж. Тапп, Л.А. Ясюковой, в соответствии с задачами исследования нами изучены структурно-содержательные характеристики правосознания сотрудников УИС.

На данном этапе общий объем выборки составил 494 сотрудника. В Приложении 13 приведены описательные статистики показателей структурных компонентов правосознания по всем методикам.

Представим результаты исследования структурных компонентов правосознания сотрудников УИС по методике «Правосознание сотрудников УИС». Для выявления скрытых причин взаимосвязи переменных применялся факторный анализ (Maximum likelihood, Varimax normalized). В результате получена факторная структура (приложение 2), наиболее доступная для интерпретации и характеризующая количественный и качественный состав переменных, представляющих наш предмет исследования.

В каждый из факторов вошли наиболее взаимосвязанные переменные, характеризующие структурные компоненты правосознания сотрудников УИС. По

каждому фактору выписывались обозначения переменных, имеющих наибольшие нагрузки, превышающие по абсолютной величине значение 0,35. Полученная суммарная доля дисперсии (информативность) факторов 54 % – более половины, что считается приемлемым результатом. Приведем интерпретацию полученной факторной структуры.

Первый фактор имеет наибольший вес или наибольшую информативность (10,3 %). Фактор выражает оценивание сотрудниками УИС профессионально важных качеств коллег: «справедливый» (0,77), «уважает закон» (0,72), «честный» (0,62), «сложная работа» (0,60), «внимателен к осужденным» (0,56), «компетентный» (0,53). Фактору присвоено название «Профессиональные качества сотрудника УИС». Он является показателем оценки взаимосвязанных моральных и профессионально значимых качеств сотрудников. Оценка коллегами – это некая целостная картина восприятия друг друга, того, с каким образом идентифицируют себя сами сотрудники.

Следует заметить, что средняя оценка у группы сотрудников по данному показателю оказалась невысокая ($x = 3,37$; $\max = 5$). Сотрудники УИС считают, что такие моральные и профессионально значимые качества, как справедливость, честность, компетентность, уважение закона и внимательность к осужденным, выражены у сотрудника службы исполнения наказаний в некоторой мере, а свою работу они оценивают как недостаточно сложную. Фактор является показателем когнитивно-эмоционального компонента правосознания.

Второй фактор имеет информативность в 9 % и получил название «Готовность реализации правовых норм». В него вошли переменные: «чувства, возникающие при соблюдении закона» (0,66), «интерес к новой информации о российских законах» (0,63), «интерес к устройству системы исполнения наказаний в России» (0,56), «готовность оказать помощь сотрудникам правозащитных организаций» (0,52), «чувства, возникающие при нарушении закона» (0,42). Этот фактор также положительно коррелирует с переменной «компетентный» (0,39), «готовность

пресечь преступление в условиях исправительных учреждений» (0,37). Фактор характеризует интерес сотрудников к устройству правовой системы, готовность к реализации правовых норм и отражает когнитивно-эмоционально-волевой компонент правосознания сотрудников УИС.

Полученный показатель по данному параметру у группы сотрудников УИС выше среднего ($x = 3,59$; $\max = 5$). Они испытывают умеренные положительные чувства в случаях, когда торжествует закон, проявляют интерес к правовой системе и готовность оказать поддержку в реализации правовых норм.

Следующий фактор объединил переменные, характеризующие позицию сотрудников на получение правовой информации из популярных источников: «просмотр телепередач, посвященных правовым вопросам» (0,70), «поиск информации по правовым вопросам в Интернете» (0,58), «совет у родных и близких, касающийся правовых вопросов» (0,58), «прослушивание радиопередач, посвященных правовым вопросам» (0,55). Этот фактор имеет информативность в 7 % и назван «Готовность получать правовую информацию из популярных источников». Показатель характеризует когнитивно-эмоционально-волевой компонент правосознания, в частности установку сотрудников на поиск необходимой правовой информации из распространенных источников.

Значения, полученные у группы сотрудников по данному параметру, выше среднего ($x = 3,44$; $\max = 5$), что свидетельствует об их умеренной готовности в случае необходимости искать и использовать информацию по правовым вопросам из общедоступных источников.

Четвертый фактор, информативность которого 6,7 %, определяется положительными значениями переменных: «чтение специализированных юридических газет, журналов» (0,79), «чтение популярных газет и журналов, посвященных правовым вопросам» (0,73) и «изучение текстов российских законов» (0,60). Этот фактор получил название «Готовность получать правовую информацию

из специальных источников» как показатель когнитивно-эмоционально-волевого компонента правосознания.

Среднее значение, полученное по данному показателю у группы сотрудников, выше, чем по предыдущему фактору ($x = 3,79$; $\max = 5$), что свидетельствует о предпочтении сотрудниками популярным каналам специальных источников правовой информации.

Следующий фактор имеет информативность 5,4 % и определяется положительными значениями переменных: «роль закона в деятельности УИС» (0,94), «роль закона в жизни Российского общества» (0,55). Этот фактор идентифицирован нами как «Качество реализации закона» и характеризует когнитивно-эмоциональный компонент правосознания.

По данному параметру у сотрудников отмечены самые высокие показатели из всех ($x = 3,97$; $\max = 5$). Данный фактор отражает отношение сотрудников к значимости закона в обществе и системе исполнения наказаний. В целом сотрудники понимают и соглашаются с важностью закона в деятельности уголовно-исполнительной системы и в обществе. Однако положительное оценочное отношение права может никогда не реализоваться в практике без необходимых пусковых механизмов активности сотрудника в правовой деятельности.

Шестой фактор, имеющий информативность всего в 5 %, определяется положительными значениями переменных: «необходимость существования правозащитных организаций для осужденных» (0,53), «обязательность следования закону» (0,50). Фактор положительно коррелирует с переменной «готовность пресечь преступление в условиях лишения свободы» (0,48). Этот фактор назван «Готовность соблюдать закон в отношении осужденных» как показатель оценочной и регулятивной функции правосознания сотрудников, в частности, их отношения к правам осужденных и готовности к пресечению возникшего в условиях лишения свободы правонарушения. Фактор характеризует когнитивно-эмоционально-волевой компонент правосознания сотрудников.

В результате исследования получены показатели выше среднего ($x = 3,6$; $\max = 5$), свидетельствующие о положительном отношении сотрудников к созданию организаций, защищающих права осужденных, и к необходимости следовать закону в целом. Но при этом сотрудники не готовы пресекать правонарушения в условиях лишения свободы. Возможно, сама ситуация воспринимается ими как юридически незначимая и не вписывающаяся в их систему правовых ценностей, поэтому у сотрудников отсутствует необходимость действовать в соответствующем направлении. Данное предположение требует более тщательного изучения правосознания сотрудников.

Среди оставшихся трех факторов каждый имеет информативность менее 5 %, поэтому они рассматриваются нами как источники дополнительной информации о состоянии правосознания сотрудников. Седьмой фактор (информативность, 4,5 %) определяется положительными значениями одной переменной (0,93) и назван «Готовность выступить в качестве свидетеля». Переменная отражает особенности волевого компонента правосознания сотрудника, в частности готовность активно действовать в юридически значимой ситуации, прийти в правоохранительные органы и дать показания в качестве свидетеля.

По данному показателю у сотрудников значения выше среднего ($x = 3,51$; $\max = 5$), что свидетельствует об их неполной готовности в случае правонарушения, свидетелем которого они стали, обратиться в правоохранительные органы за разрешением сложившейся ситуации.

Восьмой фактор (информативность, 3,6 %) включает в себя переменные, характеризующие отношение сотрудников к правам осужденных: «отношение к нарушению прав осужденных» (0,58), «необходимость существования правозащитных организаций для осужденных» (0,38) и «готовность оказать помощь людям, которые непосредственно работают с осужденными по ресоциализации» (0,37). Этот фактор обозначен как «Защита прав осужденных» и является показателем когнитивно-эмоционально-волевого компонентов правосознания.

В результате исследования были получены невысокие показатели у сотрудников по данному параметру ($x = 3,38$; $\max = 5$), свидетельствующие об их безразличном отношении к фактам нарушения прав осужденных, о неготовности помогать в ресоциализации последних. Причина такого отношения может быть связана с общей негативной оценкой осужденных обществом в целом, непринятием нашими гражданами той пенитенциарной действительности, которая сложилась на данный момент. Негативное отношение к осужденным появляется из-за специфики криминальной среды, под давлением которой осуществляется профессиональная деятельность сотрудников.

Последний фактор имеет информативность всего 2,7 %. Фактор определяется положительными значениями переменных «внимание к осужденным» (0,54) и «готовность прийти на помощь осужденному, над которым совершается насилие» (0,38). Этот фактор назван «Внимание к осужденным» и является дополнительным показателем волевого компонента правосознания сотрудников УИС, их внимательности к осужденным и готовности прийти им на помощь в случае необходимости. По данному параметру получены низкие показатели ($x = 3,02$; $\max = 5$). По мнению самих сотрудников, внимательность к осужденным присутствует у их коллег в некоторой мере. Результаты также свидетельствуют о неготовности сотрудников прийти на помощь осужденному, над которым совершается насилие. Полученные данные отражают негативное отношение сотрудников к осужденным.

Таким образом, в результате анализа получена факторная структура правосознания сотрудников пенитенциарных учреждений. Каждый из девяти факторов, являясь показателем правосознания сотрудников, представляет собой некую скрытую причину совместной изменчивости входящих в него переменных.

Факторная структура обнаруживает показатели когнитивного компонента правосознания (интерес к правовой системе, к правовой информации), когнитивно-эмоционального (оценка профессионально-моральных качеств сотрудников; оценка

закона, значимости закона для общества и системы исполнения наказаний, оценка осужденных, защиты прав осужденных; чувства по отношению к праву) и когнитивно-эмоционально-волевого компонента (правовые установки; готовность оказать поддержку в реализации правовых норм; готовность искать правовую информацию в популярных и специальных источниках; готовность проявить активность в юридически значимой ситуации; готовность участвовать в процессе ресоциализации осужденных).

Безусловно, то, как мы выявили готовность сотрудников действовать определенным образом в юридически значимой ситуации, еще не дает нам оснований говорить о потенциале поведенческой активности сотрудников. В данном случае потребуется экспериментальный метод, поэтому в нашем исследовании речь пока идет о начале волевого акта, то есть о готовности субъекта принять решение к определенному действию.

Одним из признаков неразвитого правосознания в практической деятельности является нарушение сотрудниками служебной дисциплины [14; 123; 138]. Мы провели сравнительный анализ правосознания сотрудников с нарушениями служебной дисциплины и правосознания сотрудников без отмеченных нарушений в служебной практике. Результаты контент-анализа личных дел сотрудников и данных экспертных оценок выявили 29 % сотрудников (144 человек), имеющих в служебной практике нарушения служебной дисциплины, 71 % (350 человек) – без зафиксированных нарушений служебной дисциплины.

В результате анализа обнаружены различия в функционировании и развитии правосознания между сотрудниками, имеющими нарушения в служебной дисциплине, и группой сотрудников без фактов нарушений служебной дисциплины по показателям методики Л.А. Ясюковой: «деловая сфера правосознания» ($t = 1,99$; $p = 0,05$); «общий показатель правосознания» ($t = 2,76$; $p = 0,009$).

Полученные различия свидетельствуют о наличии у сотрудников, имеющих нарушения служебной дисциплины более низкий уровень правосознания, чем у

сотрудников без нарушений. Правосознание у сотрудников, имеющих нарушения служебной дисциплины, сформировано не полностью и регулирует их поведение только в социальной и бытовой сфере жизнедеятельности. Для них характерна несформированность правосознания в профессионально-деловой сфере в совокупности с низким уровнем правовых знаний, что приводит в профессиональной деятельности к доминированию ориентации на личные контакты, стремлению устанавливать приятельские отношения, непониманию регулирующей роли закона, склонности действовать в обход трудового законодательства, правовых норм. Сотрудник не будет соблюдать (или не полностью соблюдать) договорные обязательства. Можно предположить, что несформированность правового сознания и неприятие норм закона выражается у сотрудников в дисциплинарных нарушениях.

Сотрудники, не имеющие зафиксированных нарушений служебной дисциплины, отличаются в основном сформированным правосознанием. Правосознание данного уровня развития отличается возможностью сохранения у сотрудников отрицательного отношения к правовому регулированию и к существующим законам, но при этом следующим из-за своей конформности морально-этическим нормам, общественным правилам, традициям. Этот уровень правосознания соответствует уровню правоподдержания в концепции Дж. Тапп. Мотивом правового поведения человека, чье правовое развитие находится на уровне правоподдержания, является стремление оправдать ожидания окружающих.

Результаты, полученные по методике «Уровень развития правосознания», указывают на то, что правосознание на уровне правоподдержания находится в среднем у 18,7 % всех сотрудников. Сотрудники отмечают, что причиной следования людей закону является желание быть похожими на окружающих, придерживаться установленных правил для сохранения целостности общества. Они также полагают, что нарушение закона допустимо тогда, когда он разрушает основы государства.

Правовое развитие у 62,8 % сотрудников находится на уровне правопослушания. Основным мотивом правового поведения у сотрудников, находящихся на данном уровне правового развития, является избегание наказания от авторитетного лица. Сотрудники полагают, что люди следуют закону, так как боятся наказания за его нарушение.

Только 18,5 % сотрудников указывают на справедливость закона, его соответствие основным моральным нормам как на причину следования ему, что является показателем сформированного правосознания и достижением уровня правотворчества в правовом развитии. При этом сотрудники, находящиеся на данном уровне правового развития, полагают, что нарушение закона допустимо в случае его несправедливости. Интересно то, что данная позиция в рамках концепции Дж. Тапп соответствует высокому уровню правового развития – правотворчеству, когда субъект ориентируется на собственные морально-нравственные ценности, в числе которых правовые нормы, что обеспечивает законопослушное поведение человека. Однако закон может оказаться в противоречии с морально-нравственными убеждениями человека, тогда мы говорим о правовом нигилизме как о самом низком уровне развития правосознания в соответствии с моделью правового развития Л.А. Ясюковой.

Таким образом, правосознание сотрудников характеризуется неравномерностью развития и специфическим содержанием компонентов структуры. Моральные качества (честность, справедливость и др.), являющиеся основой для развития правосознания, по оценке самих сотрудников, выражены у них недостаточно. При этом наблюдается безразличное, невнимательное отношение сотрудников к осужденным. Сотрудники отмечают свою неготовность помогать в ресоциализации осужденных. Выясняется, что персонал исправительных учреждений безразличен к фактам нарушения прав осужденных в местах лишения свободы. Является ли это проявлением негативного отношения к праву или к личности осужденного, утверждать сложно.

Правосознание у сотрудников, имеющих нарушения служебной дисциплины, сформировано не полностью и регулирует поведение только в социальной и бытовой сферах жизнедеятельности. Для этих сотрудников характерна несформированность правосознания в профессионально-деловой сфере в совокупности с низким уровнем правовых знаний.

Сотрудники без зафиксированных нарушений служебной дисциплины отличаются возможностью сохранения отрицательного отношения к правовому регулированию и к существующим законам, но при этом могут вести себя в соответствии с принятыми нормами, общественными правилами, традициями, обычаями.

Большинство сотрудников (62,8 %) в правовом развитии находятся на уровне правопослушания, когда основным мотивом правового поведения является избегание наказания от авторитетного лица.

Полученные данные отражают общую тенденцию развития правосознания в обществе в целом. Отмечается, что на настоящий момент правосознание личности противоречиво. По мнению А.Н. Славской, неразвитость правового сознания российской личности имеет связь с низким уровнем социального мышления, недостаточным опытом решения правовых вопросов, неопределенностью представлений в целом о ситуации в России [136]. Мы предполагаем, что одной из причин, способной ограничить развитие правосознания личности, является личностная беспомощность по причине своих внутренних условий и как характеристика низкого уровня субъектности.

3.4. Анализ результатов исследования правосознания сотрудников УИС с личностной беспомощностью и самостоятельностью

Основная гипотеза нашего исследования – предположение о том, что правосознание сотрудников УИС с личностной беспомощностью имеет свои особенности и отлично от правосознания «самостоятельных» сотрудников УИС.

Личностная беспомощность, характеризую низкий уровень субъектности, отражается на всех сферах жизнедеятельности субъекта, в том числе правовой.

Для подтверждения нашего предположения мы провели сравнительный анализ показателей правосознания между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками.

На данном этапе применялись методики диагностики особенностей структурных компонентов, уровня развития правосознания: методика «Правосознание сотрудников УИС»; методика изучения правосознания Л.А. Ясюковой; анкета «Уровень правового развития»; измененный вариант методики профессиональных понятий; цветовой тест отношений, а также данные статистики дисциплинарных нарушений сотрудников УИС.

В исследовании признаков личностной беспомощности и самостоятельности принимали участие все те же сотрудники исправительных учреждений (отдела охраны, безопасности, воспитательной работы, режимной службы), которые участвовали в исследовании на предыдущих этапах. В группу сотрудников с личностной беспомощностью вошло 115 человек. В группу «самостоятельных» сотрудников – 74 человека. Опишем результаты исследования.

Таблица 3.10

Результаты сравнения показателей когнитивного компонента правосознания у «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников УИС

Показатели когнитивного компонента правосознания		Средние значения		U	p
		«Беспомощные»	«Самостоятельные»		
Развитость правовых понятий		0,75	1,66	11,50	0,07
Качество правовых понятий	Объем	0,25	0,33	15,50	0,82
	Адекватность	1,50	2,33	13,50	0,35
	Правила образования	0,25	0,33	15,50	0,82

	понятия				
	Итого	1,00	1,60	13,50	0,37

Условные обозначения:

N = 96 («беспомощные» - 52; «самостоятельные» - 44).

U – критерий Манна-Уитни;

p – уровень значимости различий.

Сравнивая показатели когнитивного компонента правосознания «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников, мы не обнаружили значимых различий между группами. В обеих группах качество правового понятийного аппарата на недостаточно высоком уровне, то есть в правовые понятия не были включены все существенные признаки, нарушались правила образования понятия, давались общие определения или приводились конкретные примеры вместо понятия, в некоторых случаях присутствовали неадекватные признаки понятия.

Только на уровне статистической тенденции обнаружены различия между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками по параметру «развитость правовых понятий» ($p = 0,07$). Развитость правовых понятий, приведенных самими сотрудниками, оценивалась по степени включенности в эти понятия всех значимых признаков. Как мы видим из полученных результатов, развитость правовых понятий ниже в группе «беспомощных» по сравнению с «самостоятельными» сотрудниками на уровне статистической тенденции.

Отсутствие различий между группами в осведомленности правовых понятий указывает на независимость некоторых характеристик мышления от личностной беспомощности. В литературе указано, что уровень интеллекта не отличается у «беспомощных» и «самостоятельных» испытуемых. Личностной беспомощности могут подвергнуться как люди с низким, так и с высоким интеллектом. Различия обнаруживаются при сравнении показателей дивергентного мышления [156], что согласуется с нашими результатами сравнения умственных способностей «беспомощных» и «самостоятельных». В запоминании правовых понятий

задействованы механизмы конвергентного мышления, поэтому различия между «самостоятельными» и «беспомощными» сотрудниками не были обнаружены.

Приведем также результаты качественного анализа содержания правового понятийного аппарата «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников. Приводимые «беспомощными» сотрудниками правовые понятия по источнику профессионализации в основном относятся к **технологическим** – 76 %, а к предметно-целевым – 8 %, институциональным – 8 %, комплексным – 8 %; по принадлежности к различным сферам профессиональной деятельности: **организационно-управленческим** – 33 %, режимно-оперативным – 26 %, внешне-вспомогательным – 25 %, юридическим – 16 %, психологическим – 0 %, педагогическим – 0 %; по принадлежности к группе, определяемой средой и направленностью деятельности: **общепрофессиональным** – 91 %, общетюремным – 9 %, специально-профессиональным – 0 %; по способу формирования: **теоретико-эмпирическим** – 63 %, эмпирическим – 37 %.

Правовые понятия «самостоятельных» сотрудников имеют следующее содержание: по источнику профессионализации: **технологические** – 44 %, предметно-целевые – 33 %, институциональные – 12 %, комплексные – 11 %; по принадлежности к различным сферам профессиональной деятельности: **юридические** – 44 %, организационно-управленческие – 22 %, внешне-вспомогательные – 22 %, режимно-оперативные – 12 %, психологические – 0 %, педагогические – 0 %; по принадлежности к группе определяемой средой и направленностью деятельности: **общепрофессиональные** – 77 %, общетюремные – 12 %, специально-профессиональные – 11 %; по происхождению: **теоретико-эмпирические** – 66 %, эмпирические – 34 %. Как таковые различия в содержании правового понятийного аппарата между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками отсутствуют. В основном сотрудники приводили технологические, общепрофессиональные, теоретико-эмпирические правовые понятия. Единственное

различие между группами в содержании правовых понятий заключается в принадлежности понятий к различным видам деятельности. «Самостоятельные» сотрудники приводят понятия и их определения, связанные с юридической деятельностью (например, «уголовный кодекс», «право»), тогда как «беспомощные» сотрудники описывают понятия, относимые к организационно-управленческой деятельности (например, «приказ», «взыскание»). Как показали результаты исследования личностной беспомощности, «самостоятельные» сотрудники отличаются от «беспомощных» высокой активностью и стремлением включаться в новые виды деятельности, искать свежие решения задач, открывать для себя новые контакты, поэтому описанные понятия указывают на способность сотрудников выходить за пределы конкретной деятельности и активно использовать правовую информацию, дающую определенные возможности. «Беспомощные» отличаются стремлением максимально уменьшить возможность неудачи, отсюда пассивность в деятельности и желание держаться проверенной схемы действий. Для них характерно следование подробным, систематизированным планам (приказам, распоряжениям и т. п.), поэтому для «беспомощных» актуальными являются понятия, связанные с организационно-управленческой деятельностью. «Самостоятельные» и «беспомощные» сотрудники оперируют в сознании совершенно разными по значению правовыми категориями. Данное предположение также подтверждается результатами проективного цветового теста отношений, который позволил обнаружить неосознаваемые эмоциональные отношения сотрудников к основным правовым категориям. Полученные результаты свидетельствуют о наличии значимых различий в эмоциональном отношении к правовой сфере «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников.

Сопоставление цветов, ассоциируемых у испытуемых с правовыми понятиями, с их ранговым местом в ряду цветовых предпочтений позволило установить эмоционально положительное, нейтральное или негативное отношение к символизируемому цветом правовому объекту. Большинство сотрудников с

личностной беспомощностью в целом положительно относятся к закону (90 % сотрудников), к нормам (100 %), к праву (60 %). «Самостоятельные» сотрудники имеют положительное отношение к закону – 60 %, нейтральное отношение – 30 %. Следует отметить, что 40 % «беспомощных» сотрудников равнодушно относятся к праву, тогда как большинство самостоятельных положительно относятся к праву – 80 %. Явные различия между группами «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников встречаются в отношении к нормам. В группе «самостоятельных» чаще встречается нейтральное или равнодушное отношение к нормам – 90 %, чем в группе «беспомощных» - 0 %. Различия между группами обнаружены также в отношении к правонарушению. «Самостоятельные» сотрудники в большинстве случаев имеют нейтральное отношение к правонарушениям (70 %), лишь 30 % – негативное отношение. Все «беспомощные» сотрудники имеют негативное отношение к правонарушениям (100 %).

В целом негативное отношение к закону, праву, нормам не наблюдается ни в одной из групп испытуемых (приложение 19). Однако существуют различия в эмоциональном отношении к норме и праву между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками (при $p \leq 0,05$). «Беспомощные» сотрудники имеют равнодушное отношение к праву и положительное отношение к нормам, тогда как большинство «самостоятельных», наоборот, относятся к норме нейтрально, а к праву положительно.

Каждый цвет несет в себе определенное содержательное эмоциональное отношение личности к изучаемому объекту (в нашем случае отношение к правовым категориям). Первый, предпочитаемый, для индивида цвет выявляет наиболее характерные для личности черты (Л.Н. Собчик, 2010), поэтому, помимо рангов цветов в соотношении с правовыми категориями, в исследовании учитывались также сами цвета и их содержательное значение. В результате были обнаружены межгрупповые различия в отношении предпочитаемых испытуемыми цветов. Значимо чаще у «беспомощных» (40 %) норма как правовая категория, которая

имеет положительное отношение у испытуемых данной группы, ассоциируется с серым цветом, реже с яркими цветами (синий – 20 %, зеленый – 10 %, красный – 10 %, желтый – 10 %, фиолетовый – 10 %). Серый цвет на первых позициях в цветовом ряду характеризует, по мнению Л.Н. Собчик, «вынужденную охранительную реакцию на невозможность реализации первичных потребностей» [140, с.40]. Серый цвет связан с защитными механизмами, направленными на устранение тревоги, которая свидетельствует о фрустрированности основной потребности. «Беспомощные» не принимают сложившиеся условия и уходят от них в бездействие. Можно предположить, что положительное отношение к нормам отражает потребность укрыться от активных действий за установленными нормами поведения, правилами, являющимися общеобязательными, определенными, способными регулировать отношения, упрощающими схему действий индивидууму, для которого характерна сниженная социальная активность. Каждый новый стимул воспринимается «беспомощными» как угроза, поэтому они стараются держаться известного плана, направления. Описанные в параграфе 3.1 результаты исследования указывают на пренебрежение сотрудниками с личностной беспомощностью принятыми общественными нормами, которое выражается косвенным путем.

«Самостоятельные» сотрудники при соотнесении понятия «норма» с цветом отдают предпочтение зеленому – 50 %, красному – 30 %, фиолетовому – 20 % (при $\chi^2 = 10,80$; $p = 0,055$). Зеленый цвет на первых позициях характеризует активный оборонительный тип реакции. «Самостоятельные» сотрудники, имеющие нейтральное отношение к норме, отличаются непринятием подчинения к ней.

У «беспомощных» сотрудников нейтральное отношение к праву ассоциируется в большинстве случаев с коричневым цветом – 40 %, с синим цветом – 30 %, красным – 10 %, желтым – 10 %, фиолетовым – 10 %. Преобладание на первых позициях коричневого и синего цветов характеризует повышенную тревожность, потребность в понимании и поддержке, зависимость. Результаты свидетельствуют об ориентации «беспомощных» на общепринятые нормы

поведения. Равнодушное отношение «беспомощных» к праву, может быть, указывает на неготовность активно использовать его возможности в решении юридических вопросов в силу наличия негативного правового опыта или его отсутствия.

Большинство «самостоятельных» сотрудников, имеющих положительное отношение к праву, связывают его с красным (40%) и фиолетовым (40%) цветом (при $\chi^2 = 13,60$; $p = 0,018$). Сочетание красного и фиолетового цветов на первых позициях цветового ряда указывает на высокую мотивацию достижения испытуемых. Самостоятельные сотрудники связывают право с возможностью противодействовать обстоятельствам, которые препятствуют свободной активной самореализации.

Таким образом, полученные результаты сравнения указывают на качественные различия в содержании когнитивного и эмоционального компонентов правосознания между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками.

Представим результаты сравнения содержания когнитивного, эмоционального и волевого компонентов правосознания, полученные с помощью методики «Правосознание сотрудников УИС» (табл. 3.11).

Таблица 3.11

Результаты сравнительного анализа показателей правосознания между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками

Показатель правосознания	«Беспомощные»	«Самостоятельные»	U	p
	Среднее значение			
Профессиональные качества сотрудника УИС	3,17	3,58	1412,0	0,01
Готовность реализации правовых норм	3,53	3,66	1648,0	-
Готовность получать правовую информацию из популярных источников	3,42	3,46	1868,0	-
Готовность получать правовую информацию из специальных источников	3,73	3,86	1774,0	-

Качество реализации закона	3,86	4,08	1550,0	0,04
Готовность соблюдать закон в отношении осужденных	3,58	3,63	1707,5	-
Готовность выступить в качестве свидетеля	3,47	3,55	1836,0	-
Защита прав осужденных	3,39	3,38	1928,5	-
Внимание к осужденным	2,99	3,05	1748,5	-

Условные обозначения:

N = 189 («беспомощные» - 115; «самостоятельные» - 74).

U – критерий Манна-Уитни;

p – уровень значимости.

Получены значимые различия по показателям «Профессиональные качества сотрудника УИС» ($U = 1412,0$; $p = 0,01$) и «Качество реализации закона» ($U = 1550,0$; $p = 0,04$) между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками.

«Самостоятельные» сотрудники более оптимистичны в оценке профессионально важных качеств сотрудников УИС и оценивают их на более высоком уровне, тогда как «беспомощные» оценивают ниже состояние профессиональных качеств у сотрудников УИС, полагая, что такие важные качества, как справедливость, уважение закона, честность, внимательность к осужденным, компетентность, выражены у сотрудников исполнения наказаний в некоторой степени.

Более низкие значения по показателю «Качество реализации закона» получены у сотрудников с личностной беспомощностью, что характеризует их безразличное отношение к роли закона в жизни российского общества и деятельности уголовно-исполнительной системы. В отличие от данной группы сотрудники с признаками самостоятельности соглашались с важностью роли закона в деятельности уголовно-исполнительной системы и обществе в целом.

Полученные результаты указывают на наличие различий в содержании когнитивно-эмоционального компонента правосознания между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками.

Все значения, полученные по методике «Правосознание сотрудников УИС», по которым не обнаружены существенные межгрупповые различия, находятся на уровне выше среднего ($x \leq 4,08$), что свидетельствует о не полностью сформированном правосознании в целом по всей выборке.

Приведем результаты сравнения уровня развития правосознания между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками.

Анализ номинативных признаков, таких как принадлежность к группе «беспомощных» или «самостоятельных» сотрудников, а также показатели анкеты «Уровень правового развития», позволил обнаружить различия в уровне правового развития между группами (табл. 3.12).

Таблица 3.12

Сопряженность личностной беспомощности / самостоятельности сотрудников УИС с уровнем их правового развития

Основная функция закона	Группа		Итого
	«Беспомощные»	«Самостоятельные»	
N	63	27	90
Уровень правопослушания	33,3%	14,3%	47,6%
N	52	47	99
Уровень правоподдержания	27,5%	24,9%	52,4%

χ^2 -Пирсона = 6,04; p = 0,01

Из полученных результатов следует, что на уровне правопослушания правового развития достоверно больше сотрудников с личностной беспомощностью (33,3 %), чем среди сотрудников с самостоятельностью (14,3 %).

Большинство «беспомощных» сотрудников имеют ниже уровень правового развития, чем «самостоятельные» сотрудники. Они полагают, что основная функция закона заключается в наказании людей, нарушающих социальные нормы и опасных для общества. Мнение о том, что функция закона прежде всего – наказание людей,

характеризует уровень правопослушания правового развития сотрудников, чей основной мотив в правовом поведении – потребность в избегании наказаний и подчинение авторитету власти.

Более высокий уровень правосознания (уровень правоподдержания) демонстрируют сотрудники с признаками самостоятельности. Они придерживаются мнения о том, что основная функция закона состоит не столько в наказании, сколько в поддержании жизнеспособности государства, предотвращении правонарушающего поведения, направленного на его разрушение. Субъект, соответствующий данному уровню правового развития, следуют законам из-за своей конформности и желания оправдать ожидания окружающих.

Представим результаты анализа статистики дисциплинарных нарушений сотрудников УИС с признаками личностной беспомощности и самостоятельности. Как уже было отмечено в работе, нарушения служебной дисциплины являются признаком деформации правосознания (П.П. Баранов, А.Р. Ратинов и др.), поэтому представляют интерес для изучения.

Результаты анализа номинативных переменных, таких как принадлежность сотрудников УИС к группе с нарушениями служебной дисциплины и к группе без нарушений и принадлежность сотрудников к группе «беспомощных» и «самостоятельных», представлены в таблице 3.13.

Таблица 3.13

Анализ статистики нарушений служебной дисциплины сотрудников УИС с признаками личностной беспомощности и самостоятельности

Характеристика	Группа		Итого
	«Беспомощные»	«Самостоятельные»	
N	65	33	98
Без нарушений	47 %	24 %	71 %
N	31	9	40
С нарушениями	22 %	7 %	29 %

χ^2 -Пирсона = 3,83; p = 0,05.

В результате анализа статистики нарушений служебной дисциплины сотрудников УИС с личностной беспомощностью и самостоятельностью были обнаружены значимые различия в распределении частот (табл. 3.13).

Среди сотрудников, имеющих нарушения служебной дисциплины, чаще встречаются сотрудники с личностной беспомощностью. Полученные данные согласуются с показателями по 4-й шкале ММИЛ, указывающими на наличие у «беспомощных» сотрудников пренебрежения принятыми общественными нормами, правилами поведения. Пренебрежение связано с эмоциональной напряженностью, которая может реализоваться в непосредственном поведении и привести к нарушениям служебной дисциплины. Но, как мы видим, не все «беспомощные» сотрудники имеют нарушения служебной дисциплины. Отличие может заключаться в характерной для «беспомощных» сотрудников трансформации асоциальных проявлений, когда враждебность и протест против существующей нормы осуществляются косвенным путем.

Как считает Ф.Б. Березин, причина косвенной формы асоциальных проявлений лежит в потребности человека в положительной оценке со стороны окружающих, что ограничивает проявление гетероагрессивных тенденций, поэтому асоциальные проявления могут касаться только ближайшего окружения или принимать форму социально приемлемой рационализации и узкой направленности враждебности [23].

В таблице 3.14 представлен сравнительный анализ показателей правосознания у сотрудников с признаками личностной беспомощности, имеющих зафиксированные нарушения в служебной практике и без нарушений служебной дисциплины.

Межгрупповые различия были обнаружены между сотрудниками с признаками личностной беспомощности, без фактов нарушений служебной дисциплины и имеющих зафиксированные нарушения служебной дисциплины по таким

показателям правосознания, полученным по методике Л.А. Ясюковой, как «законопослушное поведение» ($U = 148,0$; $p = 0,002$), «деловая компетентность» ($U = 222,5$; $p = 0,05$), «общий показатель правосознания» ($U = 184,5$; $p = 0,01$) (табл. 3.14).

Выше значения (средний уровень) по показателю «законопослушное поведение» у сотрудников с личностной беспомощностью без нарушений служебной дисциплины, чем у сотрудников с зафиксированными нарушениями. Средний уровень правосознания в бытовой сфере означает возможность соблюдения существующих правовых норм и морально-этических правил, различных положений при сохранении отрицательного отношения к закону.

Таблица 3.14

Результаты сравнительного анализа показателей правосознания у сотрудников УИС с личностной беспомощностью, имеющих нарушения и без отмеченных нарушений служебной дисциплины

Показатели правосознания	Без нарушений	Нарушившие	U	p
	Среднее значение			
Законопослушное поведение	0,75	0,51	148,0	0,002
Трудовое законодательство	0,73	0,62	293,5	-
Признание менталитетов	0,58	0,66	288,0	-
Правовые знания	0,74	0,65	257,5	-
Гражданская самостоятельность	0,44	0,40	292,5	-
Деловая компетентность	0,72	0,56	222,5	0,05
Общий показатель	3,98	3,43	184,5	0,01

Условные обозначения:

N = 109 (сотрудников с нарушениями – 36, без нарушений – 73).

U – критерий Манна-Уитни;

p – уровень значимости.

Для другой группы «беспомощных» сотрудников, имеющих нарушения служебной дисциплины, характерен правовой нигилизм, то есть сотрудники, нарушившие служебную дисциплину, не признают правового регулирования, отрицательно относятся к существующему формальному праву, ориентируются только на свои собственные морально-этические жизненные ценности. Ориентировка на свои собственные морально-этические установки может привести к склонности действовать исходя из собственных соображений, своего понимания ситуации, поступать так, как субъект сам считает верным.

Выше значения по показателю «деловая компетентность» обнаружены у «беспомощных» сотрудников без нарушений служебной дисциплины, что отражает ориентацию сотрудников на деловую компетентность. В профессиональной деятельности сотрудники придерживаются единых и обязательных для всех сотрудников УИС норм трудового права. У «беспомощных» сотрудников с зафиксированными нарушениями служебной дисциплины наблюдаются низкие значения по рассматриваемому параметру, что указывает на их ориентацию устанавливать приятельские отношения и пренебрегать трудовым законодательством, трудовыми правилами, должностными инструкциями, если, по их мнению, так будет лучше.

Общий (интегративный) показатель правосознания выше среднего у «беспомощных» сотрудников без нарушений служебной дисциплины, что свидетельствует о возможности присутствия у данной категории сотрудников отрицательного отношения к правовому регулированию в целом и к существующему закону в частности. Характерная особенность данного уровня развития правосознания состоит в том, что при одновременном наличии у субъекта отрицательного отношения к закону присутствует компетентность в деловой сфере, надежность в деловых взаимодействиях, старание не нарушать должностные положения, другие правила и существующие законы в целом. Из полученных

результатов следует, что у данной группы сотрудников оказывается не полностью сформированным правосознание только в социально-гражданской сфере.

В результате сравнения показателей правосознания по методике Л. А. Ясюковой у сотрудников УИС с признаками самостоятельности, имеющих зафиксированные нарушения в служебной дисциплине и без отмеченных фактов нарушений на высоком уровне статистической значимости различия обнаружены по показателю «гражданская самостоятельность» ($U = 19,00$; $p = 0,009$). Высокие значения по данному параметру наблюдаются у сотрудников без отмеченных фактов нарушений служебной дисциплины. Низкие значения по данному параметру демонстрируют сотрудники, которые имеют в своей профессиональной деятельности отмеченные нарушения в служебной дисциплине. Их характеризует инфантилизм в социальной сфере, пассивность, нежелание проявлять инициативность, самостоятельно искать выход из сложных ситуаций. То есть, данная категория сотрудников показывает признаки гражданской беспомощности в социальной сфере.

По остальным показателям правосознания различия в указанных группах не обнаружены.

Важно заметить, что в ходе сравнительного анализа показателей правосознания между группами сотрудников женского пола с личностной беспомощностью и мужского пола с личностной беспомощностью не обнаружены статистически значимые различия. Не обнаружены межгрупповые различия между «самостоятельными» сотрудниками мужского и женского пола по показателям правосознания. Таким образом, разделение испытуемых на группы по половому признаку не является дополнительной переменной в исследовании и не подвергает сомнению представленные результаты исследования правосознания у сотрудников с личностной беспомощностью на выборке сотрудников УИС, включающей в себя как мужчин, так и женщин.

Так как были обнаружены качественные различия в правосознании между сотрудниками с личностной беспомощностью без нарушений служебной дисциплины и «беспомощными» сотрудниками с нарушениями служебной дисциплины, целесообразно было провести сравнительный анализ структурных компонентов личностной беспомощности между двумя этими группами для обнаружения возможных причин различий в развитии правосознания.

Таблица 3.15

Результаты сравнительного анализа «беспомощных» сотрудников, имеющих нарушения служебной дисциплины и без нарушений

Показатели	Без нарушений	С нарушениями	F	p	t	p
	Среднее значение					
Общие умственные способности	16,75	14,84	0,026	0,87	2,62	0,009
Мотивация избегания неудач	9,23	13,56	20,07	0,00	-4,77	0,000
Реализация эмоциональной напряженности в поведении	54,8	66,0	0,37	0,54	-2,81	0,009

Условные обозначения:

N = 109 (сотрудников с нарушениями – 36, без нарушений – 73).

U – критерий Манна-Уитни;

p – уровень значимости.

В таблице 3.15 представлены только показатели, по которым обнаружены значимые различия между группами, в уровне общих умственных способностей ($t = 2,62$; $p = 0,009$), по показателю «Мотивация избегания неудач» ($t = -4,77$; $p = 0,000$), «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении» ($t = -2,81$; $p = 0,009$).

В группе сотрудников с личностной беспомощностью без отмеченных нарушений дисциплины уровень общих умственных способностей выше, в отличие от «беспомощных» сотрудников, имеющих нарушения служебной дисциплины. Комплексный показатель общих умственных способностей у сотрудников с

личностной беспомощностью с нарушениями служебной дисциплины ниже по сравнению с сотрудниками, не имеющих нарушений.

Ниже значения мотивации к избеганию неудач у сотрудников с личностной беспомощностью без нарушений, по сравнению с показателями сотрудников с нарушениями служебной дисциплины. В большей степени избегающие неудач сотрудники предпочитают малый или чрезмерно большой риск для достижения нужного результата. У них сильнее, чем у сотрудников без нарушений, которые в большей степени, но не абсолютно способны адекватно оценивать свои шансы на успех, проявляются беспокойство и страх.

Более высокие значения по параметру «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении» имеют сотрудники с личностной беспомощностью, у которых отмечены нарушения в служебной дисциплине. Данная категория сотрудников характеризуется пренебрежением к принятым общественным нормам, моральным и этическим ценностям, правилам поведения, что будет выражаться пассивно по причине низкой активности сотрудников или в косвенной форме.

Таким образом, существуют различия в выраженности некоторых структурных компонентов личностной беспомощности между «беспомощными» сотрудниками, которые имеют нарушения в служебной дисциплине и без отмеченных нарушений.

В таблице 3.16 отмечены основные результаты исследования правосознания сотрудников УИС с личностной беспомощностью.

Таблица 3.16

Результаты исследования особенностей правосознания сотрудников УИС
с личностной беспомощностью

		«Беспомощные»	«Самостоятельные»
		Содержание компонентов	
Особенности правосознания		Оперировать правовыми понятиями организационно-управленческой деятельности. Равнодушно относятся к праву. Положительно относятся к нормам. Ниже оценивают профессионально-моральные качества сотрудников УИС. Безразлично относятся к роли закона в жизни общества и деятельности УИС. Чаще имеют нарушения служебной дисциплины.	Оперировать правовыми понятиями юридической деятельности. Равнодушно относятся к нормам. Положительно относятся к праву. Высоко оценивают профессионально-моральные качества сотрудников УИС. Высоко оценивают роль закона в деятельности УИС и в обществе в целом. Реже имеют нарушения служебной дисциплины.
		Уровень развития	
		Правовое развитие на уровне правопослушания. Мотив правового поведения – избегание наказания.	Правовое развитие на уровне правоподдержания. Мотив правового поведения – положительная оценка окружающих.
		«Беспомощные»	
С нарушениями	Правовой нигилизм. Непризнание правового регулирования. Отрицательное отношение к формальному праву. Ориентация на собственные морально-этические взгляды. Пренебрежение трудовым законодательством, трудовыми правилами, должностными инструкциями. <u>Безынициативны. Низкий уровень гражданской самостоятельности.</u> <u>Пассивны и инфантильны в социальной сфере. Несамостоятельны при решении сложных вопросов.</u> Несформированное правосознание.		
	Без нарушений	Терпимы к ценностным ориентациям других людей. Сохраняют отрицательное отношение к закону, наряду со старанием не нарушать существующие правовые нормы, трудовые правила. Ориентация на деловую компетентность. <u>Социальный инфантилизм.</u> Правосознание в основном сформировано.	
Особенности личностной беспомощности		С нарушениями	Уровень общих умственных способностей ниже. Выше уровень мотивации к избеганию неудач. Характерно пренебрежение принятыми общественными нормами, моральными и этическими ценностями, правилами поведения.
		Без нарушений	Уровень общих умственных способностей выше. Уровень мотивации к избеганию неудач ниже, по сравнению с «беспомощными» сотрудниками, имеющими нарушения служебной дисциплины. Терпимое отношение к принятым общественным нормам. Косвенное выражение асоциальных тенденций.

Результаты исследования представляют практический интерес для сотрудников психологических служб УИС и могут использоваться в практике психологического консультирования и групповых работ для развития правосознания сотрудников пенитенциарных учреждений.

На основании полученных результатов эмпирического исследования можно сформулировать ряд рекомендаций и предложений по повышению уровня развития правосознания сотрудников УИС.

3.5. Практические рекомендации по развитию правосознания у сотрудников УИС с личностной беспомощностью

Исправительная деятельность, выполняемая сотрудниками уголовно-исполнительной системы, требует отлаженного механизма реализации норм права, высокого уровня правовой культуры и правового сознания сотрудников. Для того чтобы достигнуть поставленных целей, необходима организованная психологическая работа с личным составом пенитенциарных учреждений.

Одной из психологических причин неполноценного, неразвитого правосознания сотрудников УИС является личностная беспомощность, представляющая собой системное качество субъекта, включающее в себя пессимистический атрибутивный стиль, депрессивные тенденции, повышенную тревожность, пониженную самооценку, а также ряд особенностей эмоциональной, мотивационной, когнитивной и волевой сфер личности. Формируется личностная беспомощность в процессе развития человека под влиянием ряда факторов (стиль воспитания, травмирующие события, неконтролируемые жизненные обстоятельства).

Субъект с личностной беспомощностью, в соответствии с особенностями этого феномена, ограничен во взаимодействии с миром, что приводит в итоге к его низкой активности и как следствие к недостаточному опыту самостоятельного решения правовых проблем.

Качеством, способствующим развитию правосознания, является самостоятельность как характеристика высокого уровня субъектности и обуславливающая успешность в деятельности, во взаимоотношениях, поведении. На развитие именно этого качества человека должны быть направлены общественные и индивидуальные усилия, которые приведут к формированию и укреплению правового сознания. Самостоятельность должна стать психологическим способом реализации деятельности, взаимоотношений, поведения субъекта в соответствии с правом.

При рассмотрении эмпирических данных научного исследования нами были сделаны выводы о необходимости развития навыков самостоятельного поведения у сотрудников с личностной беспомощностью, которые способствовали бы развитию их правосознания. Если предположить, что сотрудники с личностной беспомощностью еще до службы в УИС никогда не были самостоятельными, то вероятность возвращения навыков, которые у них практически отсутствуют, крайне низкая. Возможность развивать то, чего не было, есть, причем в длительном процессе психотерапии.

В развитии навыков самостоятельного поведения могут помочь основные идеи гуманистической психологии (А. Маслоу, Д. Робертс, К. Роджерс): каждый человек имеет тенденцию к самоактуализации, творческой и самостоятельности, и есть лишь причины, пришедшие из детства, блокирующие тенденции к саморазвитию [153]. Можно использовать психотерапевтические тренинги, индивидуальную психотерапию или лично ориентированное консультирование, в ходе которых человек еще не станет самостоятельным, зато приобретет необходимые знания и навыки самостоятельного поведения.

На основании данных, полученных в результате теоретического и эмпирического исследования, разработаны практические рекомендации. К основным направлениям предложенных рекомендаций относятся: работа по диагностике личностной беспомощности среди личного состава пенитенциарных учреждений,

развитию навыков самостоятельного поведения, диагностике и развитию правосознания сотрудников.

Во-первых, необходимо создать **психодиагностическое обеспечение** для выявления признаков личностной беспомощности на этапе профессионального отбора сотрудников на вакантную должность, для планового обследования личности, формирования кадрового резерва, поиска социально-приемлемых форм работы, определения профессиональной пригодности к различным видам деятельности.

Следует глубже изучать личность кандидата на работу в исправительные учреждения, проводить диагностику показателей личностной беспомощности. Во время испытательного срока следует также обращать внимание на сотрудников, имеющих признаки личностной беспомощности.

Для психодиагностики личностной беспомощности у сотрудников УИС мы рекомендуем обращать внимание на результаты Методики многостороннего исследования личности (ММИЛ, авторы Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец), известный вариант теста ММРІ. Для изучения личностной беспомощности интерес представляют значения только нескольких диагностических шкал ММИЛ: вторая шкала «Депрессивные тенденции»; седьмая шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение»; девятая шкала «Отрицание тревоги».

Основными диагностическими показателями личностной беспомощности является совокупность таких критериев, как пессимистический атрибутивный стиль, депрессивность, тревожность, пониженная самооценка. Самостоятельность определяется при противоположных показателях. Диагностируются в данном случае не депрессия, тревожность, атрибутивный стиль и самооценка как таковые, а целостная (системная) характеристика личности, проявляющаяся сочетанием упомянутых личностных особенностей. В исследованиях Д.А. Циринг была подтверждена правомерность использования указанных психологических характеристик в качестве диагностических и их целостность [156]. Нами была

проведена процедура проверки валидности вышеперечисленных шкал ММИЛ с целью диагностики личностной беспомощности [157].

На основании данных, полученных в результате дискриминантного анализа, можно сказать, что из всех переменных ММИЛ показатели второй шкалы «Тревога и депрессивные тенденции» являются наиболее информативными в отношении предсказания вероятности принадлежности сотрудников к группе «беспомощных» или «самостоятельных».

Во-вторых, с целью профессионального отбора сотрудников на вакантную должность с высоким уровнем развития правосознания, планового обследования личности, формирования кадрового резерва, определения профессиональной пригодности к деятельности в правовой сфере, предлагаем **программу психологической диагностики правосознания** сотрудников УИС.

Для изучения правового сознания субъекта необходимо понимать природу всех его структурных компонентов, начиная с когнитивного. На практике при организации исследования правосознания мы столкнемся с неоднозначным пониманием содержания этого феномена и как следствие с отсутствием необходимого инструментария для диагностики нужного нам параметра. На сегодняшний день в психологии известно не так много методик, направленных на изучение правосознания различных групп населения. Поэтому разработка психодиагностического инструментария для изучения структуры правосознания – решение актуальной проблемы в юридической психологии.

Взяв за основу методологические положения психолого-правового подхода (Г.А. Ефремова, А.Р. Ратинов и др.), предложим программу психологической диагностики правосознания. Программа психодиагностики правосознания может включать в себя применение различных эмпирических методов исследования. Например, возможно использование наблюдения, эксперимента, опросников для диагностики сферы направленности (ОТеЦ, методика Шварца, Шострома и др.), проективных методик (сочинение «Что такое право?», Цветовой тест отношений и

др.), методик на оценку юридических знаний (Методика изучения понятийного аппарата) [48; 77; 85]. В любом случае программа требует использования надежного и валидного психодиагностического инструментария. В качестве рекомендации мы предлагаем следующий блок методик исследования правосознания сотрудников УИС.

1. Методика «Правосознание сотрудников УИС» (Е.А. Евстафеева, В.С. Красник). Теоретико-методологическим основанием методики является функциональная структура правосознания А.Р. Ратинова. Методика содержит вопросы, позволяющие оценить когнитивный компонент, эмоциональный компонент, волевой компонент правосознания сотрудников УИС.

2. Методика изучения правосознания Л.А. Ясюковой. Методика направлена на оценку сформированности правового самосознания и готовности субъекта придерживаться правовых норм в профессиональной деятельности и межличностных отношениях (параграф 2.2.). Данная методика позволяет выделить четыре уровня развития правосознания: правовой нигилизм; уровень противоречивого и неполноценного правосознания; уровень в основном сформированного правосознания; уровень полностью сформированного правосознания.

3. Анкета «Уровень правового развития» (Е.А. Евстафеева, В.С. Красник), разработанная на основе теста незаконченных предложений. В зависимости от типа ответа тест позволяет оценить уровень правового развития субъекта в соответствии с моделью правового развития, разработанной Дж.Тапп. Подробное описание методики представлено в параграфе 2.2.

В-третьих, в рамках рекомендаций предлагаем **программу развития правосознания** сотрудников УИС путем формирования у них навыков самостоятельного поведения.

Процесс формирования правосознания осуществляется уже в рамках включения субъекта в основные социальные институты (О.А. Гулевич,

Е.О. Голынчик, А.Р. Ратинов, Л.А. Ясюкова). На формирование правосознания, наряду с социально-правовыми институтами, оказывает влияние самостоятельное поведение субъекта в сфере права, в том числе и в рамках правовых институтов (О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик). Учеными отмечается значимость самостоятельности для процесса морального и правового развития [50; 136].

Для того чтобы процесс правовой социализации осуществлялся успешно, необходимо сформировать у сотрудников качества самостоятельного поведения как психологического способа реализации деятельности, взаимоотношений, поведения субъекта в соответствии с правом.

В результате нашего исследования обнаружена динамика в увеличении показателей личностной беспомощности у сотрудников, которые при поступлении на службу в УИС характеризовались как самостоятельные, т.е. имели признаки противоположные личностной беспомощности. Обнаружено, что за пять лет работы в пенитенциарных учреждениях у «самостоятельных» сотрудников увеличились показатели тревожности, депрессивных состояний, пессимистической оценки ситуации, снизился уровень самооценки. Такие обстоятельства могут привести к устойчивому состоянию беспомощности. Поэтому при работе с «самостоятельными» сотрудниками акцент, прежде всего, следует делать на поиск причин увеличения показателей личностной беспомощности. Устранив причину проблемы сотрудника или изменив его отношение к ней, мы сможем снизить уровень тревоги, тревожности, депрессивных тенденций, пессимистической оценки ситуации, повысить самооценку сотрудника, вернув навыки самостоятельности. Эти изменения возможны при проведении лично ориентированного консультирования с использованием метода коучинга.

Коучинг представляет собой метод влияния, создающий мотивацию сотрудника к изменениям и развитию, которое может осуществляться через наставничество, совместный поиск решений или при самостоятельной работе сотрудника [67]. Тот вариант коучинга, который мы предлагаем, займет у психолога

гораздо меньше времени и усилий по сравнению с глубинной психотерапией. Коучинг может проходить как в групповой, так и в индивидуальной форме. Благодаря коучингу, возможно работать над развитием правосознания сотрудника путем раскрытия потенциала самостоятельного поведения. Представим план работы по развитию правосознания у сотрудников УИС с признаками личностной беспомощности поэтапно.

Первый этап «Осознание проблемы как зоны развития». На данном этапе идет обсуждение проблемы с сотрудником. Действия направлены на поиск ответов на вопросы «Что не устраивает в данной ситуации?», «Почему меня не удовлетворяет то, что есть?» и т.п. В результате мы должны получить четкий ответ на вопрос о том, что мешает сотруднику использовать самостоятельное поведение. Необходимо достигнуть первичного осознания сотрудником необходимости изменений.

Второй этап «Анализ результатов, которые получим при устранении проблемы». На этапе обсуждаются выгоды, которые получит сотрудник при решении проблемы. Получаем ответ на вопрос «Действительно ли результат будет столь значительным, что ради него стоит меняться?». В результате сотрудник убеждается в том, что действительно стоит менять поведение на «самостоятельное».

Третий этап «Анализ причин появления проблемы». Отвечаем на вопросы о причинах появления проблемы: «Почему возникла?», «С какими взглядами и убеждениями связана?», «Почему вы недовольны собой?» и т.п. Обсуждается опыт беспомощного поведения из жизни сотрудника, в том числе имеющий правовой характер. В результате вскрываются установки, убеждения, взгляды, которые необходимо изменить. Есть вероятность, что обнаружатся неосознаваемые причины проблемы, связанные с травмирующими переживаниями.

Четвертый этап «Работа с расширением, изменением рамок восприятия сотрудника». На данном этапе тренер использует различные приемы убеждения. Это может быть рефрейминг, метафора, элементы психодрамы (смена ролей на противоположные). Возможно, использовать эксперимент как метод

самостоятельного поиска решений (для сотрудников, тяготеющих при принятии решения к своему собственному мнению, а не к мнению тренера). В результате необходимо достигнуть внутренней мотивации у сотрудника к изменению отношения к проблеме. Должна появиться мотивация к самостоятельному поведению.

Пятый этап «Действия по созданию модели самостоятельного поведения». Здесь ведется обсуждение с сотрудником его новой модели поведения, в том числе в юридически значимых ситуациях, которая должна появиться или измениться. Для формирования необходимых навыков используются методы наставничества, обучения (тренинг, семинары, стажировка и др.). В ходе обучения решаются правовые задачи, содержащие правовые ситуации, факты, развивающие познавательную активность сотрудников. Сотруднику дается возможность принять новую социально-правовую роль, с целью развития ответственности, изменения рамок восприятия правовой информации и ситуации. В результате сотрудник раскрывает навыки самостоятельного поведения в ситуациях правового характера. Опыт принятия правовых решений приведет к развитию ответственности и самостоятельности субъекта.

Шестой этап «Анализ эффективности новой модели поведения». Через некоторое время проверяем, эффективной ли оказалась модель самостоятельного поведения для сотрудника. Привела ли она к тому результату, который мы запланировали в начале работы. Анализируем устойчивость самостоятельного поведения, продумываем меры по его закреплению. Результат должен соответствовать не только ожидаемым выгодам сотрудника, но и нашим целям по развитию правосознания. Для этого разрабатываем план поддерживающих мероприятий по укреплению правосознания сотрудников.

Описанные приемы способствует возвращению сотрудникам качеств, противоположных личностной беспомощности и способствующих развитию

правосознания (самостоятельности, ответственности, инициативности, активности и др.).

Сотрудник, приобретающий необходимые навыки, знания, имеет возможность обладать развитым правосознанием на уровне всех его структурных элементов, способен стать активным носителем правовой культуры, идей права, справедливости, участвовать в укреплении законности, повышении правовой культуры как в целом населения, так и осужденных.

В результате эмпирического исследования мы обнаружили, что около 17% сотрудников (из 670 сотрудников) приходят в УИС с признаками личностной беспомощности и сохраняют их к пяти годам работы в пенитенциарных учреждениях.

Работать с сотрудниками, которые, возможно, никогда не имели опыт самостоятельности, сложнее, так как мы имеем дело с устойчивой характеристикой личности, сформировавшейся на протяжении всей жизни под влиянием ряда факторов (стиль воспитания, травмирующие жизненные обстоятельства, опыт неконтролируемых неудач). Психологическая работа с такой группой сотрудников должна осуществляться не только по основным показателям личностной беспомощности (тревожность, депрессивные тенденции, пессимистический атрибутивный стиль, низкая самооценка), но и по структурным компонентам (мотивационный, эмоциональный, когнитивный, волевой).

В результате изучения структуры личностной беспомощности были обнаружены следующие ее показатели у сотрудников УИС (параграф 3.1). Для устранения фрустрирующих стимулов, повышающих уровень тревоги, сотрудники используют механизмы внутренней адаптации к изменяющемуся окружению. В ситуации фрустрации, мешающей удовлетворить имеющиеся потребности, выбирают активную стратегию поведения, направленную на изменение себя, своего отношения к ситуации.

Поведение сотрудников с личностной беспомощностью может быть последовательным и целенаправленным, создавая впечатление эффективной деятельности. При этом такие личности склонны использовать для достижения своих целей других людей. Они имеют экстернальный локус контроля. Сотрудники с личностной беспомощностью боятся активно формировать свои межличностные отношения, перекладывая ответственность за отношения на действия своих партнеров. При осуществлении межличностных контактов у них наблюдаются коммуникативные затруднения. Уровень общих умственных способностей, характер мышления сотрудников с личностной беспомощностью зависит от включенности их в социальную среду.

Поэтому основное направление в психологической работе с сотрудниками с личностной беспомощностью должно сосредоточиться на коррекции механизмов адаптации, стратегий поведения в стрессовой ситуации, локуса контроля, коммуникативных навыков, на формировании активности в межличностных отношениях, социальной среде.

На наш взгляд, среди самых удачных методов коррекции личностной беспомощности является психотерапия, центрированная на личности (Карл Роджерс). Идея гуманистического направления заключается в процессе формирования «полноценно функционирующей личности», оптимально психологически приспособленной, психологически зрелой и открытой опыту (К. Роджерс, 1959). Личностно-центрированная терапия способствует развитию нескольких параметров полноценно функционирующей личности, противоположных личностной беспомощности. Во-первых, это открытость переживаниям, а не отрицание их осознания. Второй параметр – проживание в настоящий момент времени, что позволяет личности выходить за пределы своих переживаний и не искажать их в соответствии со структурой «Я». Третий параметр полноценно функционирующей личности – это вера в свои внутренние побуждения, которая

приводит к постоянно растущей уверенности личности в собственной способности принимать решения [153].

Развитие полноценно функционирующей личности возможно как в психотерапевтических тренингах, так и в индивидуальной личностно-центрированной терапии. Следует заметить, что в процессе психотерапии сотрудник с личностной беспомощностью еще не станет полностью самостоятельным, но приобретет необходимые знания и навыки самостоятельного поведения.

Выводы исследования.

В третьей главе представлены результаты исследования личностной беспомощности и самостоятельности как интегративных личностных характеристик, а также правосознания, его особенностей у сотрудников УИС с личностной беспомощностью.

Правосознание сотрудников УИС вне зависимости от наличия у них признаков личностной беспомощности характеризуется неполной сформированностью когнитивного, эмоционального и волевого компонентов. Умеренный интерес к правовой системе и правовой информации отражает содержание когнитивного компонента правосознания сотрудников. Невысокая оценка профессионально-моральных качеств сотрудников, значимости закона для общества и системы исполнения наказаний, безразличное и невнимательное отношение к осужденным отражает содержание когнитивно-эмоционального компонента правосознания сотрудников. Умеренная готовность искать правовую информацию и оказывать поддержку в реализации правовых норм, неготовность оказывать помощь в ресоциализации осужденных характеризуют взаимодействие когнитивного, эмоционального и волевого компонентов правосознания сотрудников УИС.

Большинство сотрудников (62,8 %) в правовом развитии находятся на уровне правопослушания, когда основным мотивом правового поведения является избегание наказания.

Анализ дисциплинарной практики позволил обнаружить различия в развитии правосознания между сотрудниками с нарушениями служебной дисциплины и сотрудниками без отмеченных нарушений. Сотрудники, имеющие служебные нарушения, отличаются несформированностью правосознания в профессионально-деловой сфере в совокупности с низким уровнем правовых знаний, тогда как сотрудники без зафиксированных нарушений служебной дисциплины при сохранении отрицательного отношения к правовому регулированию отличаются установкой на принятые нормы.

Обнаруженные особенности структурных компонентов личностной беспомощности и характер их взаимосвязей определяют низкий уровень субъектности и, как следствие, являются внутренними предпосылками, ограничивающими развитие правосознания сотрудников УИС.

Сотрудники с признаками личностной беспомощности при поступлении на службу в исправительные учреждения характеризуются пессимистической оценкой ситуации и перспектив, повышенной тревожностью, депрессивными тенденциями, заниженной самооценкой и сниженной активностью.

В каждом из компонентов структуры личностной беспомощности сотрудников УИС обнаружены психологические характеристики низкого уровня субъектности. Эмоциональная сфера «беспомощных» сотрудников характеризуется преобладанием тревожности, пониженной самооценкой, неспособностью испытывать удовольствие. Одним из способов внутренней адаптации к фрустрирующей ситуации для «беспомощных» сотрудников является соматизация тревоги, которая может использоваться для давления на окружающих с целью получения преимуществ и рационализации недовольства своим положением в группе. «Беспомощные» сотрудники характеризуются пренебрежением принятыми общественными нормами, моральными и этическими ценностями, правилами поведения. Но, так как для них характерна низкая активность и потребность в положительной оценке ближайшего окружения, это пренебрежение выражается пассивно или в косвенной форме.

Мотивационная сфера сотрудников с личностной беспомощностью отличается стремлением избежать вероятных опасностей, неудач, постоянной потребностью в глубоких и прочных контактах с окружающими. Они не видят связи между своими действиями и событиями в жизни.

Когнитивная сфера «беспомощных» сотрудников характеризуется пессимистической оценкой перспективы, низкой познавательной активностью, низкой способностью к обобщению и анализу материала, ригидностью мышления, низкими значениями эмоциональных компонентов мышления, скорости и точности восприятия, пространственного воображения.

Волевая сфера «беспомощных» сотрудников характеризуется безынициативностью, непродуктивностью, низкой и неорганизованной активностью, нерешительностью, низкой настойчивостью в достижении поставленных целей, сниженными организаторскими возможностями, неуравновешенностью.

Взаимосвязи структурных компонентов личностной беспомощности у сотрудников УИС имеют следующие особенности. В структуре личностной беспомощности наиболее выраженными являются механизмы внутренней адаптации к изменяющемуся окружению для устранения фрустрирующих стимулов, а также экстернальный локус контроля и коммуникативные затруднения при осуществлении межличностных контактов.

Личностная беспомощность сотрудников проявляется в поведении в небольшом репертуаре адаптивных стратегий, в котором предпочтение отдается стратегии, строящейся на активном изменении себя. Проявлениями личностной беспомощности в поведении сотрудников также являются пассивность, безынициативность, замкнутость, старание не привлекать к себе внимание.

В деятельности сотрудников личностная беспомощность проявляется в пассивности при возникновении препятствий в достижении цели, наличии сомнений при принятии решений, неуверенности в себе при изменении условий деятельности, боязни предпринять новые действия, отсутствии ответственности за допущенные

ошибки, стратегии ухода в конфликтной ситуации. Сотрудники с личностной беспомощностью оцениваются как менее успешные в деятельности и не удовлетворенные выбранной профессией.

Анализ динамики показателей личностной беспомощности подтверждает предположение о формировании беспомощности в процессе профессиональной деятельности сотрудников. По истечении пяти лет работы в исправительных учреждениях обнаружено сохранение высоких значений тревоги, личностной тревожности, пессимизма, низкой самооценки у беспомощных сотрудников и их повышение у сотрудников, не имевших признаков личностной беспомощности при поступлении на службу в исправительные учреждения.

Результаты дискриминантного анализа позволяют нам принять в качестве прогнозирующих критериев возникновения личностной беспомощности у сотрудников УИС значения диагностических показателей личностной беспомощности, полученные у сотрудников при поступлении на службу в исправительные учреждения. При этом показатели 2-й шкалы ММИЛ «Тревога и депрессивные тенденции» являются основными, предсказывающими вероятность принадлежности сотрудников к группе с личностной беспомощностью.

В результате исследования подтвердилось предположение о том, что правосознание сотрудников УИС с личностной беспомощностью имеет свои особенности и отлично от правосознания сотрудников УИС с признаками самостоятельности.

Обнаружены качественные различия в содержании структурных компонентов правосознания между «беспомощными» и «самостоятельными» сотрудниками. При этом знания юридических понятий как показатель когнитивного компонента правосознания оказались на одном уровне как у «беспомощных», так и у «самостоятельных». Отсутствие различий между группами в знаниях юридических понятий указывает на независимость определенных качеств мышления от личностной беспомощности. Отличия в когнитивном компоненте обнаружены

только в актуализации сотрудниками разных по значению правовых категорий. «Беспомощные» актуализируют нормативные понятия, связанные с организационно-управленческой деятельностью, тогда как «самостоятельные» сотрудники оперируют в основном правовыми понятиями.

Когнитивно-эмоциональный компонент правосознания «беспомощных» сотрудников характеризуется равнодушным отношением к праву, вероятно, по причине неготовности активно его использовать в деятельности, и положительным отношением к нормам, что отражает желание укрыться от активных действий за установленными нормами поведения. Особенности когнитивно-эмоционального компонента правосознания «беспомощных» сотрудников выражаются также в пессимистичной оценке профессиональных и моральных качеств сотрудников УИС, в безразличном отношении к роли закона в жизни общества и деятельности уголовно-исполнительной системы.

Сотрудники с личностной беспомощностью чаще имеют нарушения служебной дисциплины, что является конкретным проявлением волевого компонента правосознания. При этом у «беспомощных» сотрудников, имеющих нарушения служебной дисциплины, наблюдается противоречивое и неполноценное правосознание, которое отличается несформированностью в бытовой и социально-гражданской сферах жизнедеятельности. В профессионально-деловой сфере у сотрудников может доминировать ориентация на личные контакты в обход требованиям законодательства и договорным обязательствам. «Беспомощные» сотрудники, нарушившие служебную дисциплину, не признают правового регулирования, отрицательно относятся к существующему формальному праву, ориентируются только на свои собственные морально-этические жизненные ценности, что может привести к склонности действовать исходя из своего понимания ситуации.

Сотрудники с личностной беспомощностью без нарушений служебной дисциплины отличаются заложенными основами правосознания в бытовой сфере,

что указывает на возможность соблюдения ими существующих правовых норм, правил и различных положений при сохранении отрицательного отношения к закону. В профессиональной деятельности беспомощные сотрудники без нарушений служебной дисциплины придерживаются единых и обязательных для всех норм трудового права, других правил и существующих законов в целом. У них не сформировано правосознание в социально-гражданской сфере.

Обнаруженные различия в структурных компонентах личностной беспомощности между сотрудниками, имеющими нарушения служебной дисциплины, и сотрудниками без нарушений могут указать на причину нарушений служебной дисциплины и их отсутствие. Более высокий уровень умственных способностей, более низкий уровень мотивации к избеганию неудач, более терпимое отношение к общественным нормам отличают сотрудников с личностной беспомощностью без нарушений служебной дисциплины от «беспомощных» сотрудников с нарушениями.

Все перечисленные выше особенности указывают на особенности структурно-содержательных характеристик правосознания у сотрудников УИС с личностной беспомощностью.

На основании полученных результатов эмпирического исследования сформулирован ряд рекомендаций и предложений для повышения уровня развития правосознания сотрудников УИС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретико- эмпирическое исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов работы:

1. Интегративные личностные характеристики (самостоятельность и беспомощность) содержат в себе соответственно признаки высокого и низкого уровня субъектности, что тесно связано с характеристиками их правосознания.

2. Сотрудники УИС с признаками личностной беспомощности имеют характерные особенности правосознания на уровне когнитивного, когнитивно-эмоционального компонентов, по сравнению с сотрудниками с признаками самостоятельности.

3. Когнитивный компонент правосознания сотрудников с личностной беспомощностью отличается использованием в актуальном сознании в основном нормативных понятий, связанных с организационно-управленческой деятельностью, тогда как «самостоятельные» сотрудники оперируют понятиями, связанными с юридической деятельностью.

4. В когнитивно-эмоциональном компоненте правосознания личностная беспомощность проявляется в равнодушном отношении сотрудников к праву, положительном отношении к нормам, пессимистичной оценке профессиональных и моральных качеств сотрудников УИС, безразличном отношении к роли закона, а самостоятельность в данном компоненте выражается в равнодушном отношении к нормам, положительном отношении к праву, в высокой оценке профессионально-моральных качеств сотрудников УИС и роли закона.

5. Существуют различия в уровневых характеристиках правосознания сотрудников УИС. Сотрудники с личностной беспомощностью имеют более низкий уровень правосознания по сравнению с правосознанием сотрудников УИС с признаками самостоятельности.

6. Низкий уровень правосознания сотрудников с личностной беспомощностью проявляется в мотиве послушания законам, в основе которого лежит потребность избегания наказаний и подчинения авторитету власти; отсутствии сомнений в справедливости существующего права и равнодушном к нему отношении; низкой оценке справедливости, честности, уважения закона, компетентности и внимания к

осужденным у сотрудников УИС; в большем количестве случаев нарушений служебной дисциплины.

7. Средний уровень правосознания у сотрудников с признаками самостоятельности выражается в правоподдержании, когда мотивом правового поведения является положительная оценка окружающих, как следствие у данной группы сотрудников меньшее количество нарушений служебной дисциплины.

8. К пяти годам работы в исправительных учреждениях у сотрудников с личностной беспомощностью сохраняются высокие значения тревоги, личностной тревожности, пессимизма, низкой самооценки, а у сотрудников, не имевших личностной беспомощности на момент профотбора в систему исполнения наказаний, появляются ее признаки в процессе профессиональной деятельности.

9. Самостоятельность в профессиональной деятельности и общении взаимосвязана с активностью, ответственностью и успешностью, в поведении - с решительностью и гибкостью. Личностная беспомощность сотрудников УИС проявляется в неуспешной деятельности, в поведении – пассивностью, безынициативностью, замкнутостью, в небольшом репертуаре адаптивных стратегий.

10. В каждом из компонентов структуры личностной беспомощности сотрудников УИС обнаружены психологические характеристики низкого уровня субъектности: в эмоциональном – тревожность, соматизация тревоги, пониженная самооценка, пренебрежение принятыми общественными нормами; в мотивационном – стремление избежать опасностей, неудач, экстернальный локус контроля; в когнитивном – пессимистическая оценка перспективы, низкий уровень общих умственных способностей; волевом – безынициативность, непродуктивность, низкая и неорганизованная активность, нерешительность, низкая настойчивость в достижении целей.

11. Самостоятельность сотрудников проявляется в уверенности при принятии решения, повышенном контроле поведения, адаптивности, настойчивости в

достижении поставленных целей, уравновешенности, организованности, низком уровне тревожности, оптимистичности, общительности, отзывчивости, отсутствии внутренней напряженности, ощущение своей значимости, низком уровне мотивации к избеганию неудач, интернальном локусе контроля и способности к усвоению новых знаний, действий.

12. Более высокий уровень общих умственных способностей, более низкий уровень мотивации к избеганию неудач, более терпимое отношение к общественным нормам отличают сотрудников с личностной беспомощностью без нарушений служебной дисциплины от «беспомощных» сотрудников с нарушениями.

13. Разработанные практические рекомендации направлены на преодоление личностной беспомощности и развитие правосознания, что должно привести к более высокому уровню достижений и росту в профессиональной деятельности сотрудников УИС.

Все вышеизложенное позволяет говорить о подтверждении гипотез, сформулированных в начале исследования.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивались непротиворечивостью исходных методологических положений, теоретическим анализом поставленных проблем, адекватностью методов и методик исследования целям и задачам работы, обеспечением репрезентативности выборки, а также применением методов математической статистики для обработки полученных данных.

Результаты диссертационного исследования могут послужить основой для разработки программ развития качеств, противоположных беспомощности (самостоятельность, ответственность и др.) и способствующих личностно-профессиональному развитию. Практические рекомендации могут использоваться в психологической работе с сотрудниками пенитенциарных учреждений с целью повышения у них уровня правосознания.

Результаты эмпирического исследования позволяют определить перспективные направления дальнейших научных исследований: покомпонентное изучение правосознания сотрудников УИС; детальное изучение влияния профессиональной деятельности сотрудников УИС на интегральные личностные характеристики, обуславливающие субъектность личности; разработка и апробация программ развития самостоятельности и коррекции личностной беспомощности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова, К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии / К.А. Абульханова // Психология: журн. Высш. шк. экономики.— 2005.—№ 4.—Т. 2. — С. 3–21.
2. Абульханова, К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологические подходы / К.А. Абульханова // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. — М.: Ин-т психологии РАН, 1997. — С. 7–37.
3. Абульханова, К.А. Социальное мышление личности / К.А. Абульханова // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3: Социальные представления и мышление личности. — М.: Ин-т психологии РАН, 2002. — С. 88–103.
4. Акмеология: Учебное пособие / А. Деркач, В. Зазыкин. — СПб.: Питер, 2003. — 256 с.
5. Альманах психологических тестов. — М.: КСП, 1996. — 400 с.
6. Ананьев, Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. / Б.Г. Ананьев — М.: Педагогика, 1980. — 288 с.
7. Андреева, И.В. Правосознание в системе детерминант социального поведения личности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11/ Андреева Ирина Вениаминовна. — Саранск, 2006. — 164 с.
8. Анцыферова, Л.И. Психологическое содержание феномена субъекта и границы субъектно-деятельностного подхода / Л.И. Анцыферова // Проблемы субъекта в психологической науке / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой, В.Н. Дружинина. — М.: Академ. проект, 2000. — С. 27–42.
9. Анцыферова, Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л. Колберга и его школы) / Л.И. Анцыферова // Психол. журн. — 1999. — Т. 20. — № 3.
10. Аувяэрт, Л.И. Роль семьи и сверстников в правовой социализации несовершеннолетних: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Аувяэрт Л.И. — М., 1981. — 222 с.

11. Бажин, Е.Ф., Эткинд, А.М. Опросник уровня субъективного контроля (УСК) / Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд. – М.: Смысл, 1993. – 15 с.
12. Байниязов, Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01/ Байниязов Рустам Сулейманович. – Саратов, 2006. – 349 с.
13. Байниязов, Р.С. Правосознание: психологические аспекты / Р.С. Байниязов // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 16–21.
14. Баранов, П.П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава ОВД / П.П. Баранов. – Ростов н/Д, 1997. – С. 8–73.
15. Бартол, К. Психология криминального поведения / К. Бартол. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 352 с.
16. Батурин, Н.А., Выбойщик, И.В. Анализ подходов к профилактике и коррекции выученной беспомощности / Н.А. Батурин, И.В. Выбойщик // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Батурина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – Т. 2. – С. 12.
17. Бацунов, А.Н. Правосознание как основа конституирования суверенности социума: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Бацунов Андрей Николаевич. – Воронеж, 2011. – 163 с.
18. Безносков, С.П. Профессиональная деформация личности / С.П. Безносков. – СПб.: Речь, 2004. – 272 с.
19. Бек, А. Когнитивная терапия депрессии / А. Бек. – СПб.: Питер, 2003. – 304 с.
20. Бельский, К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания / К.Т. Бельский. – М.: Высш. шк., 1982. – 183 с.
21. Березин, Ф.Б., Мирошников, М.П., Рожанец, Р.В. Методика многостороннего исследования личности / Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец. – М.: Медицина, 1976. – 186 с.
22. Березин, Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец. – Л.: Наука, 1988. – 270 с.

23. Березин, Ф.Б., Мирошников, М.П., Рожанец, Р.В. Рекомендации по применению личностных методик для выявления очерченных психопатологических состояний в целях психофизиологического отбора в гражданской авиации / Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец. – М.: Воздушный транспорт, 1983. – 56 с.
24. Богданович, Н.В. Субъект как категория отечественной психологии: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Богданович Наталья Викторовна – М., 2004. – 19 с.
25. Божко, С.А. Восстановительное лечение невротической депрессии / С.А. Божко // Вестн. новых медицинских технологий. – 2006. – № 3. – С. 137–139.
26. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
27. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. – М.: Проспект, 2011. – 704 с.
28. Бондарев, А.А. Профессиональное правосознание государственных и муниципальных служащих: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бондарев Александр Александрович. – М., 2000. – 251 с.
29. Борзенко, Ю.А. Пенитенциарное правосознание в Российском обществе: современное состояние и проблемы развития: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Борзенко Юлия Александровна. – Владимир, 2008. – 151 с.
30. Братусь, Б.С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века / Б.С. Братусь // Вопр. психологии – 1993. – № 1. – С. 6–13.
31. Брушлинский, А.В. Деятельностный подход в психологической науке / А.В. Брушлинский. – М.: Ин-т практ. психологии, 1997. – 92 с.
32. Брушлинский, А.В. О критериях субъекта / А.В. Брушлинский // Психология индивидуального и коллективного субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. – М.: Персе, 2002. – С. 9–33.

33. Буклова, З.К. Правосознание в современном информационном обществе: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Буклова Залина Казбековна. – М., 2011. – 26 с.
34. Бурканова, О.А. Правосознание в правоприменительной деятельности сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бурканова Оксана Александровна. – М., 2007. – 162 с.
35. Бурлачук, Л.Ф. Психодиагностика: учебник для вузов / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2006. – 351 с.
36. Бурлачук, Л.Ф., Морозов, С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. 2-е изд., перераб. и доп. / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб.: Питер, 2002. – 519 с.
37. Васильев, В.Л. Юридическая психология / В.Л. Васильев. – СПб.: Питер, 2005. – С. 122–132.
38. Веденеева, Е.В. Мотивационный компонент личностной беспомощности на разных возрастных этапах: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Веденеева Екатерина Владимировна. – Челябинск, 2009. – 25 с.
39. Вилюнас, В.К. Психологические механизмы биологической мотивации / В.К. Вилюнас. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 208 с.
40. Воловикова, М.И. Представления русских о нравственном идеале / М.И. Воловикова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2004. – 312 с.
41. Воловикова, М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете / М.И. Воловикова // Психол. журн. – 2004. – № 5. – С. 16–24.
42. Воловикова, М.И. О системном подходе к психологическому исследованию личности / М.И. Воловикова // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: сб. науч. тр. – М.: Ин-т психологии РАН, 2012. – С. 194–195.
43. Вопленко, Н.Н. Правосознание и правовая культура / Н.Н. Вопленко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – 52 с.

44. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: Т. 3: Проблемы развития психики / Л.С. Выготский; под ред. А. М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
45. Гордеева, Т.О. Оптимистическое мышление личности как составляющая личностного потенциала / Т.О. Гордеева // Психологическая диагностика. – 2007. – № 1. – С. 32–65.
46. Гордеева, Т.О. Психология мотивации достижения / Т.О. Гордеева. – М., 2006. – С. 81.
47. Гордеева, Т.О., Осин, Е.Н. Позитивное мышление как фактор учебных достижений старшеклассников / Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин // Вопр. психологии. – 2010. – № 1. – С. 24–33.
48. Горностаев, С.В. Профессиональное мышление сотрудников исправительных учреждений УИС Минюста России: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Горностаев Станислав Викторович. – Рязань, 2002. –186 с.
49. Готтсданкер, Р. Основы психологического эксперимента: учеб. пособие для вузов / Р. Готтсданкер; пер. с англ. Ч.А. Измайлова, В.В. Петухова; науч. ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Академия, 2005. – 367 с.
50. Гулевич, О.А. Основные стадии моральной социализации / О.А. Гулевич // Психология нравственности; отв. ред. А. Журавлев, А. Юревич. – М.: Ин-т психологии РАН, 2010. – С. 52–66.
51. Гулевич, О.А. Поведение в правовой сфере и социальные установки (на примере участия в работе коллегии присяжных) / О.А. Гулевич // Психология: журн. Высш. шк. экономики. – 2004. – № 3. – С. 129–136.
52. Гулевич, О.А., Голынчик, Е.О. Правосознание и правовая социализация: аналитический обзор: учеб. Пособие / О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик. – М.: Междунар. об-во им. Л.С. Выготского, 2003. – С. 270.
53. Гулевич, О.А. Структура правосознания и поведение в правовой сфере [Электронный ресурс] / О.А. Гулевич // Психологические исследования. – 2009.

- № 5(7). – Режим доступа:
<http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/225-gulevich7.html>
54. Дебольский, М.Г. Основные направления психологического обеспечения работы с кадрами / М.Г. Дебольский // Прикладная юрид. психология; под ред. А.М. Столяренко. – М., 2001. – С. 312–324.
55. Дебольский, М.Г., Красник, В.С. Социально-психологический тренинг профессионального общения сотрудников ИТУ с осужденными: учеб. пособие / М.Г. Дебольский, В.С. Красник. – Уфа: Уфим. высш. шк. МВД РФ, 1996. – 74 с.
56. Демин, В.М. Проблемы профилактики нарушений дисциплины и законности сотрудников пенитенциарных учреждений / В.М. Демин // Рос. следователь. – М. 2007. – № 4. – С. 32-33.
57. Демин, В.М. Профилактика правонарушений сотрудников уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Демин Василий Михайлович. – М., 2007. – 25 с.
58. Джидарьян, И.А. Представление о счастье в российском менталитете / И.А. Джидарьян. – СПб.: Алетейя, 2001. – 242 с.
59. Джидарьян, И.А. Современные тенденции в психологических исследованиях оптимизма / И.А. Джидарьян // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: сб. науч. тр. – М.: Ин-т психологии РАН, 2012. – С. 301.
60. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний [Электронный ресурс] . – 2014. - Режим доступа: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202013-2014.pdf>
61. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М., 1996. – С. 370.
62. Ендин, А.Б. Духовно-культурные гарантии уголовно-исполнительной законности / А.Б. Ендин // Юрид. вестн. – 2005. – № 1. – С. 26.
63. Ефремова, Г.Х., Ратинов, А.Р. Изучение правосознания и общественного мнения о преступности и деятельности правоохранительных органов: пособие /

- Г.Х. Ефремова, А.Р. Ратинов. – М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1989. – 116 с.
64. Забелина, Е.В. Беспомощность в структуре интегральной индивидуальности и ее связь с коммуникативной активностью: на материале исследования подростков: дис. ... канд. психолог. наук: 19.00.01 / Забелина Екатерина Вячеславовна. – Ярославль, 2009. – 207 с.
65. Зейгарник, Б.В. Патопсихология / Б.В. Зейгарник. – М., Изд-во МГУ, 1986. – 287 с.
66. Зенина, О.Г., Красник, В.С. Индивидуальный опыт в структуре правосознания личности / О.Г. Зенина, В.С. Красник // Вестн. Челяб. Гос. ун-та. Право. – Челябинск, 2009. – Вып. 19. № 15. – С. 39–42.
67. Иванова, С., Болгодоев, Д., Борчанинова, Э. Развитие потенциала сотрудников. Профессиональные компетенции, лидерство, коммуникации / С. Иванова, Д. Болгодоев, Э. Борчанинова. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 278 с.
68. Иванников, В.А. Психологические механизмы волевой регуляции: учеб. пособие / В.А. Иванников. – СПб.: Питер, 2006. – 208 с.
69. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – С. 379–380.
70. Ильин, Е.П. Психология воли. 2-е изд. / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 368 с.
71. Ильин, И.А. О воспитании национальной элиты / И.А. Ильин // Учение о правосознании. – М.: Жизнь и мысль, 2001. – С. 170–192.
72. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин; сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. – М.: Рарог, 1993. – 234 с.
73. Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 2 т. / И.А. Ильин. – М., 1993. - С. 140, 142–145.

74. Ишкильдина, Г.Р. Правосознание молодежи. Проблемы становления и эволюции в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ишкильдина Гульнара Рашитовна. – Уфа, 2002. – 164 с.
75. Каляшин, А.В. Административно-правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Каляшин Андрей Владимирович. – М., 2008. – 26 с.
76. Карбонье, Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. – М.: Прогресс, 1980. – С. 64.
77. Карелин, А. Большая энциклопедия психологических тестов / А. Карелин. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
78. Касьянов, В., Нечипуренко, В. Социология права. Словарь специальных терминов / В. Касьянов, В. Нечипуренко. – Ростов Н/Дону: Феникс, 2001. – 480 с.
79. Кожевников, Н.С. Теория права: курс лекций: нормы права, правоотношения, правосознание и правовая культура, действие права / Н.С. Кожевников. – Н. Новгород, 2006. – С. 150.
80. Колотов, А.Ф. Правовое сознание: понятие, структура, функции / А.Ф. Колотов. – Оренбург, 1997. – С. 9–23.
81. Конобеевский, М.А. Психологические особенности деятельности сотрудников УИС / М.А. Конобеевский. – Рязань, 2002. – 66 с.
82. Конобеевский, М.А. Психосемантическая сфера личности сотрудников исправительных учреждений: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Конобеевский Максим Анатольевич. – Рязань, 2001. – 201 с.
83. Красник, В.С. Структура индивидуального правосознания: психологический анализ / В.С. Красник // Мотивация и направленность личности сотрудника УИС: материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Деевские чтения». – М.: Персе, 2011. – С. 203.

84. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М., 1982. – С. 168.
85. Куликов, Л.В. Психологическое исследование: метод. рек. по проведению / Л.В. Куликов. – СПб.: Речь, 2002. – 184 с.
86. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 2005. – 352 с.
87. Леонтьев, А.Н. Потребность, мотивы, эмоции: конспект лекций / А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 40 с.
88. Леонтьев, Д.А. От социальных ценностей к личности: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности / Д.А. Леонтьев // Вестн. МГУ. – Сер. 14.: Психология. – 1997. – № 1. – С. 20–27.
89. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.
90. Ломов, Б.Ф. Системность в психологии / Б.Ф. Ломов; под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной, В.А. Пономаренко. – М.: Ин-т практ. психологии, 1996. – 384 с.
91. Лукашева, Е.А. Социалистическое правосознание и законность / Е.А. Лукашева. – М., 1973. – С. 11–13.
92. Максимова, И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Максимова Ирина Михайловна. – Тамбов, 2005. – С. 18.
93. Маринова, С.Ш. Правосознание мордовского народа: историко-культурный анализ: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 / Маринова Светлана Шамилевна. – Саранск, 2007. – 24 с.
94. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности. Современные буржуазные теории. – М., 1966. – С. 309.
95. Машков, В.Н. Практика психологического обеспечения руководства, управления, менеджмента / В.Н. Машков. – СПб.: Речь, 2005. – С. 173–174.

96. Мельникова, Н.Н. Стратегии поведения в процессе социально-психологической адаптации: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Мельникова Наталья Николаевна. – СПб., 1999. – 194 с.
97. Миньковский, Г.М. Неблагополучная семья и противоправное поведение подростков / Г.М. Миньковский // Социол. исслед. – 1982. – № 2. – С. 105–112.
98. Московичи, С. Социальные представления: исторический взгляд / С. Московичи // Психол. журн. – 1995. – № 1. – С. 3–18.
99. Мясищев, В.Н. Психические особенности человека. Т. 2. / В.Н. Мясищев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. – 257 с.
100. Наследов, А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб. пособие / А.Д. Наследов. – СПб.: Речь, 2008. – 392 с.
101. Наследов, А.Д. SPSS: компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках / А.Д. Наследов. – СПб.: Питер, 2007. – 416 с.
102. Нерсисянц, В.С. Философия права / В.С. Нерсисянц. – М.: НОРМА, 1997. – С. 5.
103. Николаева, О.П. Исследование этнопсихологических различий морально-правовых суждений / О.П. Николаева // Психол. журн. – 1995. – № 4.
104. Николаева, О.П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Николаева Ольга Петровна. – М., 1992. – 21 с.
105. Новгородцев, П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. – М.: Наука, 1996. – 269 с.
106. Общая психодиагностика / под ред А.А. Бодалева, В.В. Столина. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 303 с.
107. Огородников, В.И. Управление персоналом в условиях реформирования УИС Минюста России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Огородников Владимир Иванович. – Рязань, 2003. – 26 с.

108. Остроумов, Г.С. Правосознание и общественное мнение в общенародном государстве / Г.С. Остроумов // Сов. Государство и право. – 1963. – № 11. – С.15.
109. Павлов, И.П. Отношения между раздражением и торможением, размежевание между раздражением и торможением и экспериментальные неврозы у собак / И.П. Павлов // Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных: сб. ст., докл., лекций и речей. – М.: Медгиз, 1951. – С. 269–277.
110. Перова, Е.А., Ениколопов, С.Н. Оптимизм как одна из составляющих субъективного благополучия / Е.А. Перова, С.Н. Ениколопов // Вопросы психологии. – 2009. – № 1. – С. 51–57.
111. Петров, В.Р. Деформация правосознания граждан России. Проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Петров Владислав Руфович. - Н. Новгород, 2000. – 222 с.
112. Петрожицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петрожицкий. – СПб., 2000. – 608 с.
113. Пивоварова, А.А. Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль при назначении наказания: дис. ... канд. юрид. наук: / А.А. Пивоварова. – Самара, 2009. – 228 с.
114. Покровский, И.Ф. Формирование правосознания личности / И.Ф. Покровский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.
115. Полякова, Н.А. Правосознание присяжных заседателей как основание вынесения вердикта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Полякова Наталья Анатольевна. – Челябинск. – 264с.
116. Полянский, Н.Н. Вопросы советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М.: МГУ, 1956. – 145 с.
117. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие. – Самара: Бахра, 1998. – С. 630–632.

118. Практическая психология / под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: Бахрах - М, 2001. – 672 с.
119. Прикладные аспекты современной психологии: термины, законы, концепции, методы: справочное издание / автор-сост. Н.И. Конюхов. – М.: 1992. – 365 с.
120. Психология человека в современном мире. Том 3. Психология развития и акмеология. Экзистенциальные проблемы в трудах С.Л. Рубинштейна и в современной психологии. Рубинштейновские традиции исследования и экспериментатики; материалы Всероссийской юбилейной науч. конф. посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, И.О. Александров. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – 400 с.
121. Психологическое исследование. Практикум по общей психологии для студентов педагогических вузов: учеб. пособие / сост. Т.И. Пашукова, А.И. Допира, Г.В. Дьяконов. – М.: Ин-т практической психологии, 1996.
122. Психологическая подготовка сотрудников ИТУ к действиям в экстремальных условиях: учеб.-метод. пособие / под ред. А.И. Ушатикова. – Рязань, 1996. – 101 с.
123. Ратинов, А.Р., Ефремова, Г.Х. Правовая психология и преступное поведение: теория и методол. исслед. / А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова. - Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. - 253 с.
124. Ратинов, А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования / А.Р. Ратинов // Методология и методы социальной психологии. – М., 1981. – С. 201–214.
125. Реан, А.А., Кудашев, А.Р., Баранов, А.А. Психология адаптации личности / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 479 с.

126. Ромек, В.Г. Психологическое консультирование в ситуации выученной беспомощности / В.Г. Ромек // Психологическое консультирование: проблемы, методы, техники. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРГИ, 2000. – С. 278 - 287.
127. Ротенберг, В.С., Аршавский, В.В. Поисковая активность и адаптация / В.С. Ротенберг. – М.: Наука, 1984. – 193 с.
128. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.
129. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – С. 25.
130. Рудина, Л.М. Тест на оптимизм: метод определения атрибутивных стилей / Л.М. Рудина; под ред. В. М. Русалова. – М.: Наука, 2002. – 24 с.
131. Селигман, М. Новая позитивная психология. Научный взгляд на счастье и смысл жизни / М. Селигман; пер. с англ. – М.: София, 2006. – 368 с.
132. Сергиенко, Е.А. Системно-субъектный подход: субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни / Е.А. Сергеевко // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: сб. науч. тр. – М.: Ин-т психологии РАН, 2012. – С. 107.
133. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко; отв. ред. А.Б. Алексеев. – СПб.: Речь, 2006. – 349 с.
134. Ситуативная и личностная беспомощность: материалы 52-й науч. конф. преподавателей фак. психологии / под ред. Батурина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – 47 с.
135. Славская, А.Н. Правовые представления российского общества / А.Н. Славская // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – С. 75–92.
136. Славская, А.Н. Правовое сознание личности в условиях современной российской действительности / А.Н. Славская // Развитие психологии в системе

- комплексного человекознания: сб. науч. тр. – М.: Институт психологии РАН, 2012.
137. Слободчиков, В.И., Исаев, Е.И. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школьная Пресса, 2000. – 416 с.
138. Смирнов, А.Р. Правосознание в механизме правомерного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Смирнов Александр Ростиславович. – М.: Моск. ун-т МВД РФ. – 24 с.
139. Собчик, Л.Н. Методы психологической диагностики / Л.Н. Собчик. – М., 1990.
140. Собчик, Л.Н. Метод цветowych выборов – модификация восьмицветового теста Люшера. Практическое руководство / Л.Н. Собчик. – СПб.: Речь, 2010. – 128 с.
141. Сочивко, Д.В. Проблема нравственно-профессиональной социализации школьников России / Д.В. Сочивко // Психологические исследования духовно-нравственных проблем. – М.: Ин-т психологии РАН, 2011. – 480 с.
142. Столовский, В.М. Профессиональное правосознание следователей органов внутренних дел / В.М. Столовский. – М., 1978. – С. 31–32.
143. Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. - М.: Ин-т психологии РАН, 2005. - 384 с.
144. Сучкова, Е.Л. Влияние криминогенной среды в местах лишения свободы на правосознание осужденных / Е.Л. Сучкова // Прикладная юридическая психология. – Рязань: Изд-во Академ. ФСИН, 2011. - № 2. - С. 99–106.
145. Сучкова, Е.Л. Возможности метода фокус-групп для диагностики моральных представлений в правовой сфере у осужденных женщин [Электронный ресурс] / Е.Л. Сучкова // Московский психолого-педагогический университет. - 2010. – № . Режим доступа: <http://psyjournals.ru/>
146. Теория права и государства: учеб. для вузов / под ред. проф. Г.Н. Манова. – М.: БЕК, 1995. – С. 216–232.

147. Ушатиков, А.И., Казак, Б.Б. Психология деятельности личности и коллектива сотрудников пенитенциарных учреждений: учеб. пособие / А.И. Ушатиков, Б.Б. Казак. – Рязань, 1999. – 198 с.
148. Фарбер, И.Е. Правосознание как форма общественного сознания / И.Е. Фарбер. - М.: Юрид. лит-ра, 1963. – С. 43,47.
149. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. энцикл, 1983. – 840 с.
150. Хвостов, А. Сотрудники УИС: экстремальные условия профессии и их следствия / А. Хвостов // Развитие личности. – 2003. – № 3. – С. 133–144.
151. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен; под ред. Б.М. Величковского. – М.: Педагогика, 1986. – 392 с.
152. Хекхаузен, Х. Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен. – СПб.: Речь, 2001. – 168 с.
153. Хьелл, Л., Зиглер, Д. Теории личности. 3-е изд. / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2004. – 607 с.
154. Циринг, Д.А. Психология выученной беспомощности: учеб. пособие / Д.А. Циринг. – М.: Академия, 2005. – 120 с.
155. Циринг, Д.А. Психология личностной беспомощности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Циринг Диана Александровна. – Томск, 2010. – 42 с.
156. Циринг, Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности / Д.А. Циринг. – М.: Академия, 2010. – 410 с.
157. Циринг, Д.А., Евстафеева, Е.А. Психодиагностика личностной беспомощности: проблемы и методы / Д.А. Циринг, Е.А. Евстафеева // Сиб. психол. журн. – 2011. – № 41. – С. 111–120.
158. Циринг, Д.А. Соотношение личностной беспомощности и смежных с ней психологических феноменов / Д.А. Циринг // Вестн. Том. гос. Ун-та. – 2009. – № 329. – С. 214–218.

159. Циринг, Д.А. Феномен выученной беспомощности в онтогенезе личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Циринг Диана Александровна. – Челябинск, 2001. – 147 с.
160. Шеяфетдинова, Н.А. Правосознание в механизме обеспечения экологической безопасности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шеяфетдинова Наталья Александровна. – М., 2003. – 248 с.
161. Шматкова, Н.А. Особенности развития морально-правового сознания в разных культурах / Н.А. Шматкова; отв. ред. В.Т. Лисовский // Преемственность поколений: диалог культур. – СПб., 1996. – Вып. 2. – С. 158–160.
162. Щегорцов, В.А. Социология правосознания / В.А. Щегорцев. – М.: Мысль, 1981. – 174 с.
163. Ягофаров, Д.Я. Категории и понятия общей теории государства и права / Д.Я. Ягофаров. – Екатеринбург, 1995. – 108 с.
164. Яковлева Ю.В. Психологическое содержание, структура и особенности самостоятельности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Яковлева Юлия Владимировна. – Челябинск, 2011. – 194 с.
165. Яковлева, Ю.В. Самостоятельность в студенческом возрасте (аксиологический аспект) / Ю.В. Яковлева // Психология и педагогика. – Кострома: Костром. гос. пед. ун-т, 2009. – С. 153–156.
166. Ярушкин, Н.Н. Правовая психология: учеб. Пособие / Н.Н. Ярушкин. - Самара: Самар. гуманитар. акад., 2003. – 121 с.
167. Ясюкова, Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития / Л.А. Ясюкова // Прикладная психология. – 2000. – № 4. – С. 1–13.
168. Ясюкова, Л.А. Правовое сознание в структуре ментальности россиян / Л.А. Ясюкова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 166 с.
169. Akers, R.L. Social structure and social learning: A general theory of crime and deviance / R.L. Akers. – Boston, MA: Northeastern University Press, 1998.

170. Blasi, A. Bridging moral cognition and moral action: A critical review of the literature / A. Blasi // *Psychological Bulletin*. – 1980. – Vol. 88. – P. 1–45.
171. Carver, C.S., Scheier, M.F. Optimism / C.S. Carver, M.F. Scheier; Eds. C.R. Snyder, J. Lopez // *Handbook of Positive psychology*. – N.Y., 2002.
172. Cherry, K. What is Learned Helplessness? [Электронный ресурс] / K. Cherry. – Режим доступа: <http://psychology.about.com/od/index/learned-helplessness.htm>.
173. Cohn, E.S., Modecki, K.L. Gender differences in predicting delinquent behavior: Do individual differences matter? / E.S. Cohn, K.L. Modecki // *Social Behavior and Personality*. – 2007. – Vol.35. – P. 359–374.
174. Cohn, E.S., White, S.O. Legal socialization: A study of norms and rules / E.S. Cohn, S.O. White. – New York: Springer-Verlag, 1990.
175. Cohn, E.S., Rebellon, C.J., Van Gundy, K. Cognitive developmental and rule-violating factors: The role of personality and attitudinal factors / E.S. Cohn, C.J. Rebellon, K. Gundy. – University of New Hampshire, 2005.
176. Cohn, E.S., Bucolo, D., Rebellon, C.J., Van Gundy, K. An integrated model of legal and moral reasoning and rule-violating behavior: The role of legal attitudes / E.S. Cohn, D. Bucolo, C.J. Rebellon, K. Van Gundy // *Law Human Behavior*. – 2010. – Vol.34. – P. 295-309.
177. Ewick, P., Silbey, S.S. The common place of law: stories from everyday life / P. Ewick, S.S. Silbey. – Chicago: University of Chicago Press, 1998.
178. Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst / S. Freud. –Wien, 1926.
179. Garber, J., Seligman, M.E.P. Human helplessness: theory and applications / J. Garber, M.E.P. Seligman. – New York : Academic Press, 1980. – 402 p.
180. Hauser, S.T., Vanheule, S. A Narrative Analysis of Helplessness in Depression / S.T. Hauser, S. Vanheule // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. – 2008. – Vol.56. – P. 1309 –1330.
181. Hirschi, T., Gottfredson, M. Age and the explanation of crime / T. Hirschi, M. Gottfredson // *American Journal of Sociology*. – 1983. – Vol.89. - P. 552–584.

182. Johnson, E., Lambert, C. Learned Helplessness Leah / E. Johnson, C. Lambert // *Encyclopedia of Child Behavior and Development*. – 2011. – Part 12. - P. 871–872.
183. Kiefer, L.M. Learned Helplessness: A Factor in Women's Depression / L.M. Kiefer // *Affilia*. –1990. – Vol. 5, 1. – P. 21–31.
184. Kohlberg, L.A. The psychology of moral development: The nature and validity of moral stages / L.A. Kohlberg. – San Francisco, CA: Harper and Row. – 1984.
185. Kourilsky-Augeven, C., Arutiunyan, M., Zdravomyslova, O. Socialisation juridique et modèle culture: L'image du droit en Russie et en France / C. Kourilsky-Augeven, M. Arutiunyan, O. Zdravomyslova. – Paris, LGDJ., 1996. –P. 19.
186. Kramer, M., Rosellini, E.. Universal and Personal Helplessness: A Test of the Reformulated Model / M. Kramer, E. Rossellini. – 1981. – 22 p.
187. Moscovici, S. On social representation. In Forgas, J. (ed.). *Social Cognition: Perspectives on everyday understanding* / S. Moscovici. – London: Academic Press, 1981.
188. Peterson, C., Maier, S.F., Seligman, M.E.P. Learned helplessness: a theory for the age of personal control / C. Peterson, S.F. Maier, M.E.P. Seligman. - New York: Oxford University Press, 1993. – 359 p.
189. Seligman, M.E.P. *Learned optimism* / M.E.P. Seligman. – New York.: A.A. Knopf, 1990.
190. Seligman, M.E.P. *Helplessness: on depression, development, and death* / M.E.P. Seligman. – San Francisco: W. H. Freeman; New York: trade distributor, Scribner, 1975 – 250 p.
191. Sheeran, P., Abraham, C. Mediator of Moderators: Temporal Stability of Intention and the Intention-Behavior Relation / P. Sheeran. C. Abraham // *Personality and Social Psychology*. – 2002. –Vol. 13. – P. 293–323.
192. Sutherland, E.H. *The principles of criminology* / E.H. Sutherland. – Philadelphia, PA: Lippincott. – 1947.

193. Sutton, S. Testing attitude-behavior theories using non-experimental data: an examination of some hidden assumptions / S. Sutton // *European Review of Social Psychology*. – 2002. – Vol.13. – P. 293–323.
194. Tapp, J.L., Kohlberg, L. Developing senses of law and legal justice / J.L. Tapp, L. Kohlberg // *The Journal of Social Issues*. – 1971. – Vol. 27. – P. 65–92.
195. Tapp, J.L., Levine, F.J. Law, justice and the individual in society: psychological and legal issues / J.L. Tapp, F.J. Levine. – New York., 1977.
196. Tiggemann, M., Winefield, A.H. Predictability and Timing of Self-Report in Learned Helplessness Experiments / M. Tiggemann, A.H. Winefield // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1987. – Vol. 13, 2. – P. 253–264.
197. Veenhoven. R. The four qualities of life: Ordering concepts and measures of the good life / R. Veenhoven // *J. Happiness Studies*. – 2000. – Vol. 1. – P. 1–39.

Таблица 1

Статистика средних значений по показателям личностной беспомощности у сотрудников УИС мужского и женского пола, полученные при поступлении на службу

Пол		Данные первого среза (ММИЛ)		
		2-я шкала	7-я шкала	9-я шкала
Мужской	Среднее	47,00	49,80	60,22
	N	531	531	531
Женский	Среднее	44,21	41,74	57,12
	N	139	139	139
Общие данные	Среднее	46,42	48,13	59,58
N		670	670	670
Стд. отклонение		10,65	10,71	10,25
Z		1,34	1,03	1,04
p		0,06	0,23	0,22

Условные обозначения:

N – количество испытуемых.

Z – статистика Колмогорова-Смирнова.

p- уровень значимости.

2-я шкала – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

7-я шкала – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

9-я шкала – шкала «Отрицание тревоги».

Результаты сравнения средних значений в группах испытуемых по диагностическим показателям
личностной беспомощности

Группы испытуемых	2-я шкала	7-я шкала	9-я шкала
«Беспомощные»			
Мужчины (N= 96)	56,46	56,13	50,96
Женщины (N=19)	56,79	57,21	49,11
t	- 0,20	- 0,67	1,10
p	0,84	0,49	0,27
Общие данные (N= 115)	56,51	56,30	50,65
«Самостоятельные»			
Мужчины (N= 96)	37,71	41,99	66,97
Женщины (N= 31)	37,48	38,52	66,55
t	0,19	0,39	0,37
p	0,84	0,69	0,70
Общие данные (N= 127)	37,65	41,14	66,87
«Активисты»			
Мужчины (N= 103)	53,74	58,43	68,16
Женщины (N= 10)	58,50	54,90	68,40
t	- 1,35	1,39	- 0,10
p	0,20	0,16	0,91
Общие данные (N= 113)	54,16	58,12	68,18
«Реалисты»			
Мужчины (N= 76)	38,58	40,55	52,11
Женщины (N= 45)	37,64	36,29	52,87
t	0,91	3,91	- 0,64
p	0,36	0,00	0,52
Общие данные (N= 121)	38,23	37,64	52,09
Пятая группа			
Мужчины (N= 48)	51,85	44,08	52,23
Женщины (N= 18)	51,72	39,83	50,22
Общие данные (N= 66)	51,82	42,32	51,68
Шестая группа			
Мужчины (N= 34)	42,50	55,12	51,88
Женщины (N= 4)	40,25	57,75	54,50
Общие данные (N= 38)	42,26	55,39	52,16
Седьмая группа			
Мужчины (N= 47)	41,00	54,40	72,34
Женщины (N= 9)	42,56	53,22	67,22
Общие данные (N= 56)	41,25	54,21	71,52
Восьмая группа			
Мужчины (N= 31)	51,23	44,45	64,68
Женщины (N= 3)	50,00	37,33	63,33

Продолжение таблицы 2

Общие данные (N= 34)	51,12	43,82	64,56
Статистика различий между группами (мужчины)			
N	411,60	407,40	402,10
p	0,00	0,00	0,00
Статистика различий между группами (женщины)			
N	100,28	87,93	100,41
p	0,00	0,00	0,00

Условные обозначения:

2-я шкала – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

7-я шкала – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

9-я шкала – шкала «Отрицание тревоги».

N – количество испытуемых.

t – критерий Стьюдента.

H – критерий Краскала-Уоллеса.

p – уровень значимости.

Таблица 3

Статистика средних значений по показателям личностной беспомощности у сотрудников УИС, полученные после пяти лет работы в системе исполнения наказаний

Описательная статистика	Данные второго среза (ММИЛ)		
	2-я шкала	7-я шкала	9-я шкала
Мужчины (N = 443)	49,12	59,90	58,29
Женщины (N = 51)	40,73	45,93	61,20
Общее среднее (N = 494)	46,87	56,16	59,07
Стд. отклонение	9,92	16,59	9,05
Z	0,93	0,91	0,70
p	0,35	0,37	0,70
Беспомощные			
Мужчины (N= 96)	51,77	53,66	54,33
Женщины (N=19)	50,66	63,00	49,66
Общее среднее (N = 115)	51,50	56,00	53,16
t	0,16	- 0,98	0,84
p	0,87	0,34	0,41
Самостоятельные			
Мужчины (N= 56)	43,77	52,55	63,22
Женщины (N= 18)	38,00	43,71	65,42
Общее среднее (N = 74)	41,25	48,68	64,18
t	1,20	1,29	- 0,91
p	0,25	0,21	0,37

Условные обозначения:

N – количество испытуемых.

Z – статистика Колмогорова-Смирнова.

t – критерий Стьюдента.

p- уровень значимости.

2-я шкала – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

7-я шкала – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

9-я шкала – шкала «Отрицание тревоги».

Таблица 4

Динамика показателей личностной беспомощности у сотрудников УИС, вошедших при поступлении на службу в группу «активисты»

Шкалы ММИЛ	Первый срез	Второй срез	Т	р
	Среднее значение			
2-я шкала	51,8	50,8	0,000	1,000
7-я шкала	64,0	70,6	-1,604	0,109
9-я шкала	66,2	66,6	0,000	1,000

Условные обозначения:

2-я шкала – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

7-я шкала – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

9-я шкала – шкала «Отрицание тревоги».

Т – критерий Вилкоксона.

р – уровень значимости.

Таблица 5

Динамика показателей личностной беспомощности у сотрудников УИС, вошедших при поступлении на службу в группу «реалисты»

Шкалы ММИЛ	Первый срез	Второй срез	Т	р
	Среднее значение			
2-я шкала	37,63	45,0	-1,893	0,05
7-я шкала	36,63	53,12	-1,689	0,09
9-я шкала	53,63	60,25	-1,895	0,05

Условные обозначения:

2-я шкала – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

7-я шкала – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

9-я шкала – шкала «Отрицание тревоги».

Т – критерий Вилкоксона.

р – уровень значимости.

Таблица 6

Результаты сравнительного анализа дискриминантных переменных между группами «беспомощных» и «самостоятельных» сотрудников УИС

Шкалы ММИЛ	λ	F	р
2-я шкала	0,342	67,209	0,000

7-я шкала	0,632	20,389	0,000
9-я шкала	0,788	9,389	0,004

Условные обозначения:

2-я шкала – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

7-я шкала – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

9-я шкала – шкала «Отрицание тревоги».

λ – критерий λ -Вилкса

F – критерий Фишера.

p – уровень значимости.

Таблица 7

Вклад дискриминантных переменных для каждого шага анализа

Шаг	Шкала	Толерантность	F	λ
1	2-я шкала	1,000	67,209	
2	2-я шкала	0,989	48,038	0,788
	9-я шкала	0,989	1,629	0,342
3	2-я шкала	0,825	14,964	0,438
	9-я шкала	0,822	3,302	0,332
	7-я шкала	0,733	2,764	0,327

Условные обозначения:

2-я шкала – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

7-я шкала – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

9-я шкала – шкала «Отрицание тревоги».

λ – критерий λ -Вилкса

F – критерий Фишера.

Таблица 8

Значения λ -Вилкса для каждого шага дискриминантного анализа

Шаг	Число переменных	λ	F	p
1	1	0,342	67,209	0,000
2	2	0,327	35,022	0,000
3	3	0,302	25,481	0,000

Условные обозначения:

λ – критерий λ -Вилкса

F – критерий Фишера.

Таблица 9

Собственные значения для канонических функций

Функция	Собственное значение	Процент объясненной дисперсии	Каноническая корреляция	Λ	χ^2	p
1	2,316	100,0	0,836	0,302	40,163	0,000

Условные обозначения:

λ – критерий λ -Вилкса

χ^2 – хи-квадрат Пирсона.
p – уровень значимости.

Таблица 10

Значения канонической функции для групповых центроидов

Новые группы сотрудников	Функция
	1
«Беспомощные»	1,155
«Самостоятельные»	-1,897

Таблица 11

Структурная матрица

Дискриминантные переменные	Функция
	1
2-я шкала	0,910
7-я шкала	0,501
9-я шкала	-0,340

Условные обозначения:

2-я шкала – шкала «Тревога и депрессивные тенденции».

7-я шкала – шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение».

9-я шкала – шкала «Отрицание тревоги».

Таблица 12

Описательные статистики показателей структурных компонентов личностной
беспомощности

Показатели структурных компонентов личностной беспомощности	Среднее	Стандартное отклонение	Z	p
Социальное одобрение (L шкала)	50,07	12,00	0,99	0,27

Искажение результата (F шкала)	53,37	11,93	0,74	0,64
Отрицание трудностей (K шкала)	53,16	11,11	0,62	0,83
Соматизация тревоги (1 шкала)	59,28	19,14	-0,10	1,15
Тревога и депрессивные тенденции (2 шкала)	46,87	9,92	-0,08	0,93
Вытеснение факторов, вызывающих тревогу (3 шкала)	48,78	8,99	-0,06	0,90
Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (4 шкала)	55,55	12,23	-0,06	0,82
Ригидность аффекта (6 шкала)	48,19	11,63	0,94	0,34
Фиксация тревоги и ограничительное поведение (7 шкала)	56,16	16,59	0,91	0,37
Аутизация (8 шкала)	54,82	17,14	1,02	0,24
Отрицание тревоги (9 шкала)	59,07	9,05	0,70	0,70
Социальные контакты (0 шкала)	45,28	10,02	0,56	0,91
Общие умственные способности	16,99	6,28	1,70	0,00
Общ интернальность	48,56	13,24	1,13	0,15
Интернальность достижений	52,66	11,59	1,01	0,25
Интернальность неудач	50,84	11,50	1,73	0,06
Интернальность семейная	50,82	11,15	1,18	0,12
Интернальность производственная	49,08	9,74	1,40	0,08
Интернальность межличностная	50,22	12,42	1,64	0,09
Интернальность здоровья	50,56	11,48	1,47	0,06
Мотив избегания неудач	10,04	7,46	4,78	0,00
Мотив стремления к успеху	13,86	14,54	5,77	0,00
Активная/Контактная/Направленная вовне стратегия поведения	10,08	8,16	0,93	0,34
Активная/Контактная/Направленная вовнутрь стратегия поведения	11,78	9,04	1,28	0,07
Активная/Избегающая/Направленная вовне стратегия поведения	-1,48	8,65	1,54	0,01
Активная/Избегающая/Направленная вовнутрь стратегия поведения	-4,27	9,71	1,86	0,00
Пассивная/Контактная/Направленная вовне стратегия поведения	3,73	7,55	1,31	0,06
Пассивная/Контактная/Направленная вовнутрь стратегия поведения	5,35	7,01	1,17	0,13
Пассивная/Избегающая/Направленная вовне стратегия поведения	6,18	5,73	1,59	0,01

Условные обозначения:

N=494.

Z - статистика Колмогорова-Смирнова.

p – уровень значимости.

Таблица 13

Описательные статистики показателей структурных компонентов правосознания
сотрудников УИС

Показатели правосознания	Среднее	Стандартное отклонение	Z	p
Законопослушное	0,68	0,24	0,92	0,35

поведение				
Трудовое законодательство	0,71	0,45	1,84	0,00
Признание менталитетов	0,64	0,30	0,91	0,37
Правовые знания	0,71	0,20	0,72	0,66
Гражданская самостоятельность	0,45	0,19	0,83	0,43
Деловая компетентность	0,61	0,30	0,77	0,57
Общий показатель обыденного правосознания (определение Л.А. Ясюковой)	3,82	0,73	0,55	0,91
Профессиональные качества сотрудника УИС	3,11	1,54	1,19	0,11
Готовность реализации правовых норм	3,42	0,71	0,77	0,58
Готовность получать правовую информацию из популярных источников	3,33	0,69	1,00	0,26
Готовность получать правовую информацию из специальных источников	3,51	0,84	0,96	0,31
Качество реализации закона	3,69	1,04	1,35	0,06
Готовность соблюдать закон в отношении осужденных	3,54	0,88	1,03	0,23
Готовность выступить в качестве свидетеля	3,07	1,21	1,28	0,07
Защита прав осужденных	3,21	0,72	0,83	0,48
Внимание к осужденным	2,67	1,18	1,00	0,26
Развитость правовых понятий	1,14	0,69	0,78	0,57
Объем правовых понятий	0,28	0,48	1,15	0,14
Адекватность правовых понятий	1,85	1,06	0,70	0,69
Правила образования понятия	0,28	0,48	1,15	0,14
Общий показатель качества правовых понятий	1,30	1,34	1,51	0,02

Условные обозначения:

N=494.

Z - Статистика Колмогорова-Смирнова.

p – уровень значимости.

Таблица 14

Факторная структура правосознания сотрудников УИС

Номер переменной	Факторные нагрузки после вращения (Varimax normalized)								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1						0,50			
2						0,53		0,38	

3								0,58	
4					0,55				
5					0,94				
6		0,37				0,48			
7							0,93		
8									0,38
9								0,37	
10		0,52							
11		0,56							
12		0,63							
13				0,60					
14				0,79					
15				0,73					
16			0,55						
17			0,70						
18			0,58						
19			0,58						
20		0,66							
21		0,42							
22	0,53	0,39							
23	0,56								0,54
24	0,60								
25	0,77								
26	0,62								
27	0,72								
СКН	2,78	2,40	1,88	1,80	1,45	1,33	1,22	0,96	0,73
Доля дисперсии, %	10,32	8,89	6,98	6,69	5,37	4,94	4,53	3,58	2,70

Приложение 2

Методика «Правосознание сотрудников УИС» (Е.А. Евстафеева, В.С. Красник)

Ф.И.О. _____ Дата _____

Инструкция: Уважаемый сотрудник, Вам предложено 27 вопросов-утверждений. Выберите, пожалуйста, для каждого из них вариант ответа, который наиболее верно

отражает Вашу позицию. Поставьте «галочку» в бланке анкеты напротив того ответа, который соответствует Вашему мнению. Не тратьте времени на раздумье. Пропускать какое-либо предложение нельзя. Наиболее естественна первоначальная реакция.

1) Сотрудник службы исполнения наказаний справедливый:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) согласен в некоторой мере;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

2) Сотрудник службы исполнения наказаний уважает закон:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) согласен в некоторой мере;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

3) Сотрудник службы исполнения наказаний – честный:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) согласен в некоторой мере;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

4) Сотрудник службы исполнения наказаний выполняет сложную работу:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) согласен в некоторой мере;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

5) Сотрудник службы исполнения наказаний внимателен к осужденным:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) согласен в некоторой мере;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

6) Сотрудник службы исполнения наказаний – компетентный:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) согласен в некоторой мере;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

7) Я радуюсь, когда вижу, что закон торжествует:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

8) Я хотел бы всегда получать новую информацию о содержании российских законов:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;

- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

9) Мне интересно все, что касается устройства системы исполнения наказаний в России:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

10) Я готов оказывать профессиональную помощь сотрудникам правозащитных организаций, которые стараются пресечь правонарушения:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

11) Я расстраиваюсь, когда узнаю о случаях нарушения закона:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

12) Я готов сразу же пресечь правонарушения в условиях лишения свободы, свидетелем которого я стал:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

13) Я буду смотреть телепередачи, посвященные правовым вопросам:

- a) полностью не готов;
- b) не готов;
- c) мне это безразлично;
- d) готов;
- e) полностью готов.

14) Я буду искать информацию по правовым вопросам в Интернете:

- a) полностью не готов;
- b) не готов;
- c) мне это безразлично;
- d) готов;
- e) полностью готов.

15) Я попрошу совета у родных или знакомых по правовым вопросам:

- a) полностью не готов;
- b) не готов;
- c) мне это безразлично;
- d) готов;
- e) полностью готов.

16) Буду слушать радиопередачи, посвященные правовым вопросам:

- a) полностью не готов;
- b) не готов;
- c) мне это безразлично;
- d) готов;
- e) полностью готов.

17) Буду читать статьи в специализированных юридических газетах и журналах:

- a) полностью не готов;
- b) не готов;
- c) мне это безразлично;
- d) готов;
- e) полностью готов.

18) Буду читать статьи в популярных газетах и журналах, посвященные правовым вопросам:

- a) полностью не готов;
- b) не готов;
- c) мне это безразлично;
- d) готов;
- e) полностью готов.

19) Изучу тексты российских законов (конституции РФ, Уголовного, Гражданского, Административного кодексов и т.д.):

- a) полностью не готов;
- b) не готов;
- c) мне это безразлично;
- d) готов;
- e) полностью готов.

20) Закон играет важную роль в деятельности уголовно-исполнительной системы:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

21) Закон играет важную роль в жизни российского общества:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

22) Я считаю необходимым существование правозащитных организаций для защиты прав осужденных:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

23) Обязательно все социальные группы людей должны следовать закону:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;

- d) согласен;
- e) полностью согласен.

24) Я всегда готов прийти в правоохранительные органы, чтобы выступить в качестве свидетеля и дать свои показания:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

25) Мне не нравится, когда нарушаются права осужденных:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

26) Я готов оказать посильную помощь людям, которые непосредственно работают по ресоциализации осужденных:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) мне это безразлично;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

27) Увидев, что совершается насилие над осужденным, я приду на помощь жертве:

- a) полностью не согласен;
- b) не согласен;
- c) согласен в некоторой мере;
- d) согласен;
- e) полностью согласен.

Спасибо за сотрудничество!

Шкалы методики:

1-я шкала: «Профессиональные качества сотрудника УИС»: 1, 2, 3, 4, 5, 6.

2-я шкала: «Готовность реализации правовых норм»: 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

3-я шкала: «Готовность получать правовую информацию из популярных источников»: 13, 14, 15, 16.

4-я шкала: «Готовность получать правовую информацию из специальных источников»: 17, 18, 19.

5-я шкала: «Качество реализации закона»: 20, 21.

6-я шкала: «Готовность соблюдать закон в отношении осужденных»: 12, 22, 23.

7-я шкала: «Готовность выступить в качестве свидетеля»: 24.

8-я шкала: «Защита прав осужденных»: 25, 26.

9-я шкала: «Внимание к осужденным»: 5, 27.

Методика Л. А. Ясюковой для изучения правосознания

Ф.И.О. _____ **Дата** _____

Инструкция: Уважаемый сотрудник, Вам предложено 13 вопросов-утверждений. Выберите, пожалуйста, для каждого из них вариант ответа, который наиболее верно

отражает Вашу позицию. Поставьте «галочку» в бланке анкеты напротив того ответа, который соответствует Вашему мнению. Не тратьте времени на раздумье. Пропускать какое-либо предложение нельзя. Наиболее естественна первоначальная реакция.

1. Несправедливому закону следует подчиняться...
  - а) согласен с этим;
  - б) не согласен;
  - в) затрудняюсь ответить.

2. Важно, чтобы руководитель поступал...
  - а) по совести;
  - б) строго в соответствии с трудовым правом и должностями;
  - в) затрудняюсь ответить.

3. Сколько людей, столько и представлений о том, что справедливо, а что – несправедливо...
  - а) согласен;
  - б) не согласен;
  - в) затрудняюсь ответить.

4. Законы создаются, чтобы...
  - а) улучшалась жизнь большинства населения;
  - б) защищать права каждого человека;
  - в) затрудняюсь ответить.

5. Я считаю, что...
  - а) правительство обязано обеспечить всем нормальный уровень жизни;
  - б) каждый должен сам о себе думать;
  - в) затрудняюсь ответить.

6. Во главе государства должны стоять...
  - а) морально безупречные, справедливые люди;
  - б) профессионалы своего дела;
  - в) затрудняюсь ответить.

7. Рядовой гражданин не обязан знать существенные законы, для этого есть юристы...
  - а) согласен с этим;
  - б) не согласен;
  - в) затрудняюсь ответить.

8. Мой идеал общества...
  - а) сильная государственная власть;
  - б) общественное самоуправление;
  - в) затрудняюсь ответить.

9. В основе законов должны лежать ценностно-нормативные установки доминирующей нации...
  - а) согласен с этим;
  - б) не согласен;
  - в) затрудняюсь ответить.

10. В нашем государстве каждому необходимо, в первую очередь...
- уметь отстаивать свои права;
  - выполнять свои обязанности;
  - затрудняюсь ответить.
11. Если человек, не зная, случайно нарушил закон, его нельзя привлекать к ответственности...
- согласен с этим;
  - не согласен;
  - затрудняюсь ответить.
12. В стране будет беспорядок, если граждане будут руководствоваться, в первую очередь...
- понятиями чести и справедливости;
  - правовыми нормами;
  - затрудняюсь ответить.
13. Основная функция законов...
- регулирующая;
  - карательная;
  - затрудняюсь ответить.

Тест «Уровень правового развития» (О.А. Гулевич)

Инструкция: Уважаемый сотрудник, Вам предложено четыре незаконченных предложения. Выберите, пожалуйста, для каждого из них вариант ответа, который наиболее верно отражает Вашу позицию. Выделите в бланке теста тот ответ, который соответствует Вашему мнению. Не тратьте времени на раздумье. Пропускать какое-либо предложение нельзя. Наиболее естественна первоначальная реакция.

1. Основная функция закона:

- наказание людей, нарушающих социальные нормы и опасных для общества;
- поддержание жизнеспособности государства, предотвращение поведения, направленного на его разрушение;
- улучшение жизни отдельных людей и состояния государства в целом;
- другое (напишите) ...

2. Изменение закона:

- не допустимо ни при каких условиях;
- возможно в том случае, если закон разрушает основы государства, препятствует его развитию;
- возможно в том случае, если закон несправедлив, не соответствует основным моральным нормам;
- другое (напишите) ...

3. В большинстве случаев люди следуют закону, поскольку -

- боятся наказания за нарушение закона или желают извлечь выгоду из его выполнения;
- стараются быть похожими на окружающих, не желают нарушать установленные правила или пытаются избежать хаоса, который последует за нарушением закона;

- в. признают, что в целом закон справедлив, соответствует основным моральным нормам;
- г. другое (напишите) ...

4. Нарушение закона:

- а. ни при каких условиях не допустимо;
- б. допустимо в том случае, если закон разрушает основы государства, препятствуют его развитию;
- в. допустимо в том случае, если закон несправедлив, не соответствует основным моральным нормам;
- г. другое (напишите) ...

Ответ относят к одному из трех уровней правового развития (уровни имеют то же описание, что и в модели правового развития Дж. Тапп и Ф. Левина (О.А. Гулевич, 2009)).

Методика экспертной оценки проявления личностной беспомощности в деятельности сотрудников УИС

Инструкция. Этот опрос поможет Вашему коллеге (руководителю, подчиненному) лучше понять свои сильные и слабые стороны, увидеть потенциал дальнейшего роста и развития. Вашим ответам гарантируется сохранение анонимности и конфиденциальности. В связи с этим мы просим Вас давать максимально правдивые, откровенные и продуманные ответы. Если Вы по характеру взаимодействия с этим человеком не видите проявления некоторых типов поведения и не можете судить о том, как ведет себя этот человек в описываемых ситуациях, пожалуйста, выбирайте ответ: «Не имею информации». Есть также несколько моментов, которые позволят нам оценить достоверность результата, в случае низкой достоверности опрос придется проводить заново, что нежелательно.

В среднем на заполнение одной анкеты уходит от 5 до 10 минут. Мы рекомендуем Вам выбрать время и заполнить анкету сразу от начала до конца, не отвлекаясь. Так Вы сможете сэкономить время и повысить уровень достоверности результатов.

Сейчас Вы реально можете оказать существенную помощь коллеге (руководителю или подчиненному) в понимании сильных и слабых сторон и планировании дальнейшего развития и роста. Благодарим Вас заранее за продуманные и искренние ответы.

ФИО оцениваемого сотрудника:

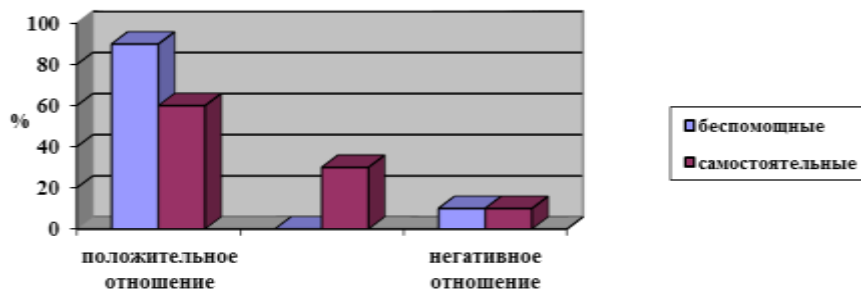
Для Вас оцениваемый сотрудник (нужное подчеркнуть)   коллега   подчиненный
руководитель

№ п/п	Вопросы	Всегда	Почти всегда	Часто	Почти никогда	Иногда	Никогда	Не имею информации
1	Инициативен, особенно тогда, когда процесс действительно требует улучшения							
2	Замкнут, застенчив, старается не привлекать к себе внимание							
3	При возникновении препятствий в достижении цели становится пассивным, отказывается от дальнейших действий							
4	При возникновении проблем стремится их решить самостоятельно							
5	Движения напряженные, скованные. Теряется, когда к нему обращаются внезапно							
6	Активно участвует в делах коллектива							
7	Проявляет пессимистическое восприятие мира, находит негативные стороны практически во всем							
8	Признает свои ошибки и берет личную ответственность за них							
9	Непринужден в общении, активен в установлении контактов с окружающими							
10	Сомневается при принятии решения, для разрешения различных вопросов обращается за помощью							
11	Проявляет решительность и гибкость в поведении для достижения цели, даже при условии отсутствия надежных гарантий успеха							
12	Настроение тоскливое, угнетенное, подавленное							
13	Боится предпринять какие-либо новые действия, указывает на нежелательные последствия, реальные и мнимые препятствия							
14	Неудовлетворен выбранной профессией							
15	В деятельности ищет новые способы для решения поставленных задач							
16	Проявляет неуверенность в себе в быстро меняющейся обстановке (при возникновении непредвиденных обстоятельств, изменении							

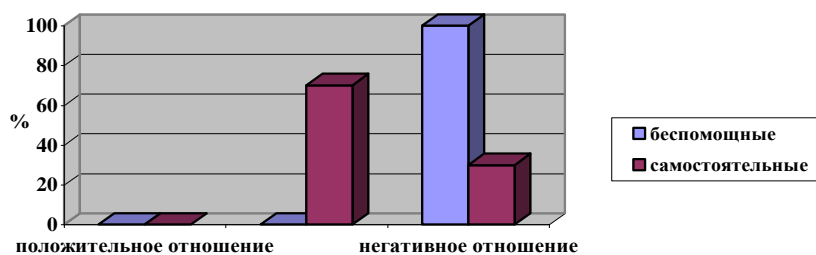
№ п/п	Вопросы	Всегда	Почти всегда	Часто	Почти никогда	Иногда	Никогда	Не имею информации
	условий деятельности и т.п.)							
17	Успешен в профессиональной деятельности							
18	Речь неровная, сбитая, тихая							
19	В конфликтной ситуации проявляет стратегию ухода							

Приложение 3

Отношение к закону

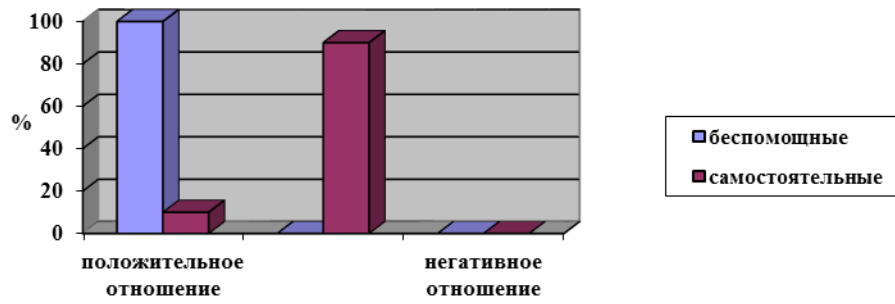

Отношение к правонарушению

Отношение к норме

Отношение к праву

